

ВЕСТНИК

МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Исторические науки.
Юридические науки»

VESTNIK

OF THE MARI STATE UNIVERSITY

Chapter "History. Law"

Том 10, № 3, 2024

Vol. 10, no. 3, 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет»,
424000, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1

Зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(регистрационный номер и дата
принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС 77-73525
от 24.08.2018 г.)

Тел.: (8362) 68-79-97 (1565)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, 44,
переход, к. 303

e-mail: vestnik.margu@mail.ru

<http://vestnik.marsu.ru>

Территория распространения:
Российская Федерация,
зарубежные страны

Оригинал-макет подготовлен к печати
в редакции научных журналов ФГБОУ
ВО «Марийский государственный
университет». 424002, г. Йошкар-Ола,
ул. Кремлевская, 44, переход, к. 303
и отпечатан в типографии «Принтекс».
424003, г. Йошкар-Ола, ул. Суворова,
15А, к. 204

Тем. план 2024 г. № 63.

Подписано в печать 28.11.2024 г.

Дата выхода в свет 28.11.2024 г.

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 9,53.

Уч.-изд. л. 6,93.

Тираж 500 (I завод – 25).

Цена свободная.

Литературный редактор:

О. С. Крылова

Компьютерная верстка

П. Г. Марченко

Дизайн обложки

И. В. Шишкарёва

© ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет», 2024

ISSN 2411-3522

Том 10. № 3. 2024

Сквозной номер выпуска – 39

ВЕСТНИК

МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Научный журнал

DOI: 10.30914/2411-3522

В Е С Т Н И К

МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Серия «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (с 01.02.2022), по следующим научным специальностям:

5.6.1. Отечественная история (исторические науки),

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),

5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки),

5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Журнал принимает статьи по историческим и юридическим наукам. Осуществляется научное рецензирование («двойное слепое») всех поступающих в редакцию материалов с целью экспертной оценки. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса. Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования, изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Комитета по этике научных публикаций.

Включен и индексируется в:

Академия Google, East View, ePrints, РИНЦ, Ulrich's Periodicals Directory, «КиберЛенинка», EBSCO.

Выходит с 2015 года.

Периодичность издания: 4 раза в год.

FOUNDER AND PUBLISHER:

Mari State University,
1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000,
Republic of Mari El, Russia

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (registration number and date of registration decision: series PI no. FS 77-73525 dated August 24, 2018)

Telephone: (8362) 68-79-97 (1565)

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

44 Kremlevskaya St., office 303
(passage), Yoshkar-Ola 424002,
Republic of Mari El, Russia

e-mail: vestnik.margu@mail.ru

<http://vestnik.marsu.ru>

Distributed in the Russian Federation
and foreign countries

The layout original was prepared for printing in the editorial board of academic journals of the Mari State University. 44 Kremlevskaya St., office 303 (passage), Yoshkar-Ola 424002 and was printed at the printing house "Printecs". 15A Suvorova St., office 204, Yoshkar-Ola 424003

Thematic plan of 2024 no. 63.
Signed to print 28.11.2024.
Date of publishing 28.11.2024.
Sheet size 60×84/8.
Conventional printed sheets 9,53.
Number of copies 500
(Printing plant 1: 25).
Free price.

Editor:

O. S. Krylova

Desktop publishing:

P. G. Marchenko

Cover design

I. V. Shishkareva

© Mari State University, 2024

VESTNIK

OF THE MARI STATE UNIVERSITY

Chapter "HISTORY. LAW"

Scientific journal

DOI: 10.30914/2411-3522

VESTNIK

OF THE MARI STATE UNIVERSITY.

Chapter "HISTORY. LAW"

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific editions, where the main scientific results of Doctor of Sciences (Dr. Sci.) and Candidate of Sciences (Ph. D.) theses on the following scientific specialties (since 01.02.2022) should be published:

5.6.1 Russian History (Historical Sciences);

5.6.2 General History (Historical Sciences);

5.6.5 Historiography, Source Studies and Methods of Historical Research (Historical Sciences);

5.6.7 History of International Relations and Foreign Policy (Historical Sciences).

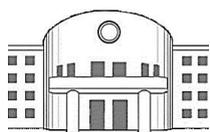
The journal accepts articles on Historical and Legal Sciences. The Editorial Board carries out the reviewing (scientific double-blind peer-review) of all submitted materials with the view of their expert assessment. The Editorial Board sends review copies to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation upon request. The journal adheres to the standards of editorial ethics in accordance with international practice of editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE).

The journal is indexed and archived by:

Academy Google, East View, ePrints, RSCI, Ulrich's Periodicals Directory, "CyberLeninka", EBSCO.

Published since 2015.

Publication frequency: 4 times per year.

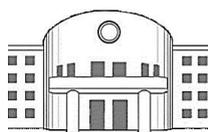

Главный редактор: **Рокина Галина Викторовна**, доктор исторических наук, профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия, rokina@yandex.ru

Ответственный секретарь: **Крылова Ольга Сергеевна**, кандидат филологических наук, зав. редакцией научной и учебной литературы, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия, vestnik.margu@mail.ru

Редакционная коллегия:

- Абдуллин Адель Ильсиярович** доктор юридических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия, Adel.Abdullin@kpfu.ru
- Гаранина Инна Геннадьевна** кандидат юридических наук, доцент, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Казанский институт (филиал), г. Казань, Россия, ilneza@mail.ru
- Иванов Алексей Ананьевич** доктор исторических наук, профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия, anani@marsu.ru
- Иванов Ананий Герасимович** доктор исторических наук, профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия, anani@marsu.ru
- Иванов Виталий Алексеевич** доктор юридических наук, профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия, ivanovvital2013@yandex.ru
- Минеева Елена Константиновна** доктор исторических наук, профессор, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, mineeveak21@mail.ru
- Михеев Денис Степанович** доктор юридических наук, профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия, tnmiheeva@marsu.ru
- Михеева Татьяна Николаевна** доктор юридических наук, профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия, tnmiheeva@marsu.ru
- Мокосеева Марина Александровна** кандидат юридических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия, pvl_mksv@mail.ru
- Обидина Юлия Сергеевна** доктор философских наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, basiley@mail.ru
- Петренко Николай Иванович** доктор юридических наук, профессор, Чебоксарский кооперативный институт, г. Чебоксары, Россия, pr.petrenko@mail.ru
- Рандин Александр Валентинович** кандидат исторических наук, доцент, Университет Кирилла и Мефодия в Трнаве, г. Трнава, Словацкая Республика, alexrandin@gmail.com
- Сафин Завдат Файзрахманович** доктор юридических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия, zsafin@rambler.ru
- Ситдикова Роза Иосифовна** доктор юридических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, roza.sitdikova@kpfu.ru
- Стариков Сергей Валентинович** доктор исторических наук, профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия, sv.starikov@yandex.ru
- Таймасов Леонид Александрович** доктор исторических наук, профессор, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, taymasov@mail.ru

VESTNIK OF THE MARI STATE UNIVERSITY
CHAPTER "HISTORY. LAW"

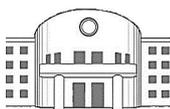
Published since 2015

Editor-in-chief: **Galina V. Rokina**, Dr. Sci. (History), Professor, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola, rokina@yandex.ru

Executive Editor: **Olga S. Krylova**, Ph. D. (Philology), Head of the editorial board of scientific and educational literature, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola, vestnik.margu@mail.ru

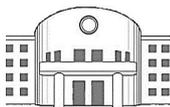
Editorial board:

- Adel I. Abdullin** Dr. Sci. (Law), Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Russia, Kazan, Adel.Abdullin@kpfu.ru
- Inna G. Garanina** Ph. D. (Law), Associate Professor, The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Kazan Law Institute (branch), Russia, Kazan, ilneza@mail.ru
- Aleksey A. Ivanov** Dr. Sci. (History), Professor, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola, anani@marsu.ru
- Anany G. Ivanov** Dr. Sci. (History), Professor, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola, anani@marsu.ru
- Vitaliy A. Ivanov** Dr. Sci. (Law), Professor, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola, ivanovvital2013@yandex.ru
- Elena K. Mineeva** Dr. Sci. (History), Professor, Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Russia, Cheboksary, mineevaek21@mail.ru
- Denis S. Mikheev** Dr. Sci. (Law), Professor, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola, tnmiheeva@marsu.ru
- Tatiana N. Mikheeva** Dr. Sci. (Law), Professor, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola, tnmiheeva@marsu.ru
- Marina A. Mokoseeva** Ph. D. (Law), Professor, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola, pvl_mkst@mail.ru
- Yulia S. Obidina** Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, basiley@mail.ru
- Nikolay I. Petrenko** Dr. Sci. (Law), Professor, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary, pr.petrenko@mail.ru
- Aleksandr V. Randin** Ph. D. (History), Associate Professor, University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Slovak Republic, Trnava, alexrandin@gmail.com
- Zavdat F. Safin** Dr. Sci. (Law), Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Russia, Kazan, zsafin@rambler.ru
- Roza I. Sitdikova** Dr. Sci. (Law), Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Russia, Kazan, roza.sitdikova@kpfu.ru
- Sergey V. Starikov** Dr. Sci. (History), Professor, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola, sv.starikov@yandex.ru
- Leonid A. Taymasov** Dr. Sci. (History), Professor, Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Russia, Cheboksary, taymasov@mail.ru
-

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	187
<i>А. М. Абидулин, М. В. Дронов</i> Информационное воздействие НАТО против Ливии на начальном этапе агрессии 2011 года	187
<i>К. Р. Габбасова</i> Радио и печать Башкирии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945).....	196
<i>В. Н. Каракчиев</i> Инструктирование («живая» связь) низовых органов власти в Коми автономной области в 1920-е годы.....	204
<i>М. В. Кирчанов</i> Участники политики исторической памяти в современной Каталонии	212
<i>М. Л. Радченко</i> Некоторые аспекты развития риторического образования в Антиохии при императорах Юлиане II и Валенте II	220
<i>Ф. Г. Сафин</i> Трансформация этносоциальной структуры марийского населения в Башкортостане (1979–2010)	227
<i>А. М. Субботина</i> История евреев Вятской губернии в документах Центрального государственного архива Кировской области	240
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	248
<i>В. В. Гончаров, В. В. Нагайцев, Е. Г. Петренко, Е. В. Пустовалова</i> Является ли институт общественного контроля в России формой конструктивного социального протеста: к постановке проблемы	248

CONTENTS

H I S T O R Y	187
<i>A. M. Abidulin, M. V. Dronov</i> NATO's information impact against Libya at the initial stage of the 2011 aggression.....	187
<i>K. R. Gabbasova</i> Bashkiria's radio and press during the Great Patriotic War (1941–1945).....	196
<i>V. N. Karakchiev</i> Instructing ("live" communication) of grassroots authorities of the Komi Autonomous Region in the 1920s.....	204
<i>M. V. Kirchanov</i> Participants of the policy of historical memory in modern Catalonia.....	212
<i>M. L. Radchenko</i> Some aspects of the development of rhetorical education in Antioch under the emperors Julian II and Valentine II.....	220
<i>F. G. Safin</i> Transformation of the ethnosocial structure of the Mari population in Bashkortostan (1979–2010)	227
<i>A. M. Subbotina</i> Vyatka Province Jews history documents of the Central State Archive of the Kirov Region	240
L A W	248
<i>V. V. Goncharov, V. V. Nagaytsev, E. G. Petrenko, E. V. Pustovalova</i> Is the institution of public control in Russia a form of constructive social protest: towards the formulation of the problem	248

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORY

УДК 94/94

DOI: 10.30914/2411-3522-2024-10-3-187-195

ИНФОРМАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НАТО ПРОТИВ ЛИВИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ АГРЕССИИ 2011 ГОДА

А. М. Абидулин, М. В. Дронов

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена информационному воздействию в аспекте начального этапа ведения гибридной войны НАТО против Ливии. Описан начальный этап, основной целью которого была демонстрация мировому сообществу и населению Ливии неприятия и незаконности действий ливийского правительства и лично М. Каддафи, и следующий период информационной войны, происходящий на фоне начавшегося контрнаступления сил, верных ливийскому лидеру, в котором СМИ целенаправленно публиковали репортажи, переводящие внимание от фактов к сообщениям, вызывающим негативные эмоции. В статье разобраны системные действия антиливийской коалиции по работе в ливийских социальных сетях, через которые осуществлялись организация и координация протестов, а также формировалось общественное мнение в мире и среди граждан Ливии. Разобраны сфабрикованные материалы ведущих мировых СМИ о ложных расправах правительственных сил с оппозицией. Показаны системные действия по предотвращению появления в средствах массовой информации альтернативных мнений, свидетельствовавших о масштабных фальсификациях. Также разобрано разрушение информационной инфраструктуры Ливии и одновременно с этим развертывание на территории подконтрольной оппозиции своих СМИ, которые были полностью организованы и контролировались членами антиливийской коалиции. Подробно описаны новые формы манипуляции сознанием, посредством которых подавлялось критическое восприятие информации и создавались условия для некритического восприятия, что затрудняло возможность самостоятельного анализа и являлось целью увеличения управляемости событиями. Представлены выводы по итогу информационного воздействия антиливийской коалиции.

Ключевые слова: информационная война, информационное оружие, «Арабская весна», война в Ливии, Муаммар Каддафи

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Абидулин А. М., Дронов М. В. Информационное воздействие НАТО против Ливии на начальном этапе агрессии 2011 года // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2024. Т. 10. № 3. С. 187–195. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-187-195>

NATO'S INFORMATION IMPACT AGAINST LIBYA AT THE INITIAL STAGE OF THE 2011 AGGRESSION

A. M. Abidulin, M. V. Dronov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the information impact in the aspect of the initial stage of NATO's hybrid war against Libya. The initial stage is described, the main goal of which was to demonstrate to the world community

and the population of Libya the rejection and illegality of the actions of the Libyan government and personally M. Gaddafi. And the next period of the information war taking place against the background of the counteroffensive of forces loyal to the Libyan leader, in which the media deliberately published reports that shifted attention from facts to messages that caused negative emotions. The article analyzes the systemic actions of the anti-Libyan coalition in working in Libyan social networks, through which the organization and coordination of protests were carried out, as well as public opinion in the world and among Libyan citizens was formed. Fabricated materials of the world's leading media about false reprisals by government forces against the opposition are analyzed. Systemic actions to prevent the emergence of alternative opinions in the media that testified to large-scale falsifications are shown. The destruction of Libya's information infrastructure and the simultaneous deployment of their own media outlets on the territory controlled by the opposition, which were fully organized and controlled by members of the anti-Libyan coalition, are also analyzed. New forms of mind manipulation are described in detail, through which critical perception of information was suppressed and conditions for uncritical perception were created. This made it difficult to independently analyze and was the goal of increasing the controllability of events. Conclusions are presented on the results of the information impact of the anti-Libyan coalition.

Keywords: information war, information weapon, “Arab Spring”, war in Libya, Muammar Gaddafi

The authors declare no conflict of interest.

For citation: *Abidulin A. M., Dronov M. V. NATO's information impact against Libya at the initial stage of the 2011 aggression. Vestnik of the Mari State University. Chapter “History. Law”. 2024, vol. 10, no. 3, pp. 187–195. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-187-195>*

В начале 2011 года в Ливии начались уличные протесты, призывающие лидера страны Муаммара Каддафи уйти в отставку. Митинги стремительно превратились в вооруженный конфликт мятежников с правительственными войсками, сохранившими лояльность законному руководству страны. НАТО, следуя резолюции Совета безопасности ООН, обязано было организовать бесполетную зону и предотвратить вооруженные столкновения. Но Североатлантический альянс не урегулировал конфликт, а спланировал и организовал агрессию против суверенного государства. Основопологающими факторами этой войны являлись военное вмешательство, политическое давление, информационное и экономическое воздействие. В результате применения этих воздействий в Ливии началась затяжная гражданская война, продолжающаяся и сегодня.

Целью исследования является попытка более полной реконструкции ретроспективы событий военной операции НАТО против Ливии в сегменте информационного воздействия.

Методы и материалы

Исследование проводилось путем изучения комплекса документов СБ ООН, Комитета по иностранным делам Палаты общин Парла-

мента Великобритании, репортажей мировых средств массовой информации, а также научных статей и интервью очевидцев сравнительно-историческим методом.

Результаты исследования

Информационное воздействие представляет собой один из важнейших факторов современной гибридной войны. В период «Арабской весны» особое значение обрели социальные сети, через которые осуществлялась организация и координация протестов, а также формирование общественного мнения.

Интернет-пространство оказалось исключительно важным в ливийских событиях. Массовые призывы к протестам в «День гнева» начали заблаговременно распространяться через Twitter (организация, деятельность которой запрещена в РФ) (X)¹ и другие социальные сети, а также веб-сайты оппозиционных правящему режиму М. Каддафи структур, базировавшихся за рубежом, в том числе в Лондоне².

¹ Calls for weekend protests in Syria // Al Jazeera. 04.02.2011. URL: <https://www.aljazeera.com/news/middleeast/2011/02/201122171649677912.html> (дата обращения: 15.06.2024).

² Gaddafi ready for Libya's "Day of Rage" // Asharq al-Awsat. February 9. 2011. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/gaddafi-ready-for-libyas-day-of-rage> (дата обращения: 15.06.2024).

Социальные сети Facebook (организация, деятельность которой запрещена в РФ) и Twitter (организация, деятельность которой запрещена в РФ) были основными ресурсами для организации первого митинга протеста в г. Бенгази, на котором демонстранты потребовали освобождения задержанного Ф. Тербиля. В тот же день представители ливийской интеллигенции и присоединившиеся к ним посредством интернет-пространства зарубежные оппозиционные группы потребовали ухода М. Каддафи.

Согласно данным доклада по расследованию ливийских событий Комитета по иностранным делам британского парламента, спровоцировавшие массовое недовольство и протесты видеоролики в Youtube и сообщения в Twitter (организация, деятельность которой запрещена в РФ) о расправах правительственных сил с оппозицией были сфабрикованы, однако эти материалы были взяты как достоверные источники ведущими мировыми СМИ, такими как CNN, BBC, NBC, CBS, ABC, Fox News и Al Jazeera (организация, деятельность которой запрещена в РФ)¹. Логично предположить, что это было результатом заранее спланированных акций в информационном пространстве.

Об этом же говорит появление у протестующих в г. Бенгази уже 16 февраля в большом количестве портретов свергнутого М. Каддафи короля и прежние ливийские трехцветные флаги. По мнению С. Е. Кургиняна, именно лондонская оппозиция ввезла в Ливию огромное количество монархических знамен короля Идриса [1, с. 95], которые появлялись везде и сразу.

Между тем, проведенное НПО «Amnesty International» (организация, деятельность которой запрещена в РФ) в июне 2011 г. расследование не подтвердило утверждения о массовых нарушениях прав человека силами М. Каддафи в первые дни восстания, но были выявлены ложные заявления и ложные доказательства сторонниками оппозиции в г. Бенгази. В это же время большинство западных СМИ изображали протестное движение как исключительно мирное, а силы безопасности Ливии как широко использовавшие

оружие против невооруженных демонстрантов, которые не представляли угрозы².

Так, 17 февраля большой резонанс в западных СМИ получила информация о гибели 13 человек и десятках получивших ранения в ходе протестов. Катарский телеканал «Al Jazeera» (организация, деятельность которой запрещена в РФ) транслировал церемонию похорон «мирных демонстрантов». В то же время бывший очевидцем событий российский журналист А. Коц на основе визуальных наблюдений и посещения кладбища в г. Бенгази опроверг информацию, заявив о 4-х похоронных мероприятиях³.

На этом фоне оппозиция развернула широкую пропагандистскую кампанию среди населения. Так, в г. Дерн исламисты, имевшие боевой опыт в Ираке, Афганистане и других горячих точках, вербовали в свои ряды молодежь⁴, а на занятых оппозицией территориях в целях пропаганды использовались мечети, по завершении молитв в которых начинались политические митинги⁵.

В качестве инструмента информационного противоборства широко использовалось вещание телевизионных каналов, фактически одновременно с происходящими событиями материалы публиковались на веб-сайтах фото- и видеозаписи с мобильных гаджетов. Мятельники широко применяли Интернет для радиотрансляций, что формировало у зрителей иллюзию достоверности, собственной причастности и фактически своего участия в происходящих событиях [2, с. 95].

Как отмечает Ба Алави [3, с. 27], основным источником информации о происходящем в стране стали социальные сети Twitter (организация, деятельность которой запрещена в РФ), YouTube, Facebook (организация, деятельность которой запрещена в РФ), а также интернет-блоги. Возможности социальных сетей были успешно использованы для организации массовых

² Там же. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmfaaff/119/11903.htm> (дата обращения: 15.06.2024).

³ Коц А. И., Крискевич В. И. «Своими глазами» // Эхо Москвы*. 20.03.2011. URL: <https://echo.msk.ru/programs/svoiglaza/758807-echo/> (дата обращения: 15.06.2021). *Вещание медиаплатформы «Эхо» было заблокировано Роскомнадзором 6 октября 2022 года.

⁴ Куделев В. В. Ситуация в Ливии: февраль 2011 г. // Институт Ближнего Востока. 04.03.2011. URL: <http://www.iimes.ru/?p=12240> (дата обращения: 15.06.2024).

⁵ За что выступают ливийские повстанцы // ВЕСТИ.Ru. 12.03.2011. URL: <https://www.vesti.ru/article/2148983> (дата обращения: 15.06.2024).

¹ Libya: Examination of intervention and collapse and the UK's future policy options // UK Parliament House of Commons Foreign Affairs Committee Report. 09.09.2016. URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmfaaff/119/11905.htm#_idTextAnchor016 (дата обращения: 15.06.2024).

выступлений. Оппозиция широко использовала социальные сети для онлайн-переговоров, не раскрывая при этом своего местоположения¹.

Западные СМИ призывали занять активную позицию против М. Каддафи. Так, американское информационное агентство «Business Insider» призвало население западных стран поддержать протестующих, в том числе в форме демонстраций у посольств Ливии, писем и сообщений в дипломатические представительства, офисы различных СМИ, освещать события в социальных сетях².

Тем самым ливийское правительство уже в первые дни оказалось в проигрышном в информационном плане положении. Ответом ливийского правительства было отключение сети Интернет 19 февраля, а 21 февраля – стационарной и мобильной телефонной связи.

Но даже эти меры, по мнению Д. Г. Балужева и Д. И. Каминченко [4, с. 310], не принесли значительных результатов. Прежде всего, протесты уже были организованы и конфликт уже охватил большую часть страны. Помимо этого, для Ливии была открыта возможность интернет-обслуживания из-за рубежа. 22 февраля интернет-провайдер из Нидерландов «XS4ALL» бесплатно предоставил свои технические возможности для жителей Ливии³. Кроме того, отключения можно было обойти посредством спутниковой связи. Часть медиаактивистов переехала в Египет с целью получить неограниченный доступ в Интернет и распространять соответствующую информацию о положении в Ливии⁴. Кроме того, 26 февраля Совет Безопасности ООН принял резолюцию, в которой, помимо прочего, потребовал незамедлительно отменить ограничения в отношении всех видов средств массовой информации⁵.

¹ New media emerge in 'liberated' Libya // BBC. 25.02.2011. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-12579451> (дата обращения: 15.06.2024).

² Time For An ARMCHAIR REVOLUTION – Here's How Americans Can Help In The Middle East // Business Insider. 21.02.2011. URL: <http://www.businessinsider.com/draft-2011-2> (дата обращения: 15.06.2024).

³ Free dial-up ISP for Libyans // Boing Boing. 22.02.2011. URL: <https://boingboing.net/2011/02/22/free-dial-up-isp-for.html> (дата обращения: 15.06.2024).

⁴ Копосова Е. Н. Мирополитические составляющие кризиса в Ливии : дис. ... канд. полит. наук. М., 2017. С. 136.

⁵ Резолюция Совета Безопасности ООН № 1970 (2011) от 26 февраля 2011 года // СБ ООН. URL: [https://undocs.org/S/RES/1970\(2011\)](https://undocs.org/S/RES/1970(2011)) (дата обращения: 15.06.2024).

И. С. Берг [5] отмечает высокий уровень информационного воздействия события 22 февраля. Так, в ночь на 22 февраля появилось сообщение «Al Jazeera» (организация, деятельность которой запрещена в РФ): «Каддафи в Венесуэле. Режим пал», которое вызвало беспорядки по всей стране. В частности, многократно открывался огонь по сотрудникам полиции, которые вынуждены были вступать в перестрелки, резко ухудшилась криминогенная обстановка. Утром 22 февраля стало ясно, что это дезинформация⁶, но уже днем мировые СМИ сообщили об авиационных бомбардировках силами М. Каддафи протестующих в г. Бенгази, около 200 человек погибших и около 800 раненых в результате авиаударов. Эти сообщения вызвали огромный резонанс в информационном и политическом пространстве. Осуждение действий ливийского руководства охватило даже ливийских исламских лидеров, коалиция которых издала фетву, в которой говорилось об обязанности всех мусульман восстать против ливийского руководства⁷. СМИ создавали впечатление всеобщего осуждения М. Каддафи.

В то же время альтернативные мнения в мировых СМИ просто не публиковались, хотя они свидетельствовали о масштабных фальсификациях. Так, российский Генеральный штаб в ходе круглосуточного наблюдения за ситуацией в Ливии с использованием космических средств в режиме реального времени не подтверждал воздушные удары по мирным жителям, эта информация была опубликована только российскими источниками⁸. Опровергал эту информацию и бывший в то время посол РФ в Ливии В. Чамов [6, с. 162]. Показанные СМИ кадры последствий авиаударов были, скорее всего, постановочными. В частности, источниками дыма

⁶ Интервью СаифАль-Ислам Каддафи: Для Запада не существует понятие «дружба». 28.07.2015. URL: https://www.youtube.com/watch?v=iZxBngM4uLA&feature=emb_logo (дата обращения: 15.06.2024).

⁷ Libyan Islamic leaders urge Muslims to rebel // Arabian Business. 21.02.2011. URL: <https://www.arabianbusiness.com/libyan-islamic-leaders-urge-muslims-rebel-382157.html> (дата обращения: 15.06.2024).

⁸ Яковлев Ф. Информационно-террористическая атака на Ливию и ее последствия // ИА REGNUM. 22.03.2011. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1386305.html> (дата обращения: 15.06.2024).

(последствия авиаударов) были специально собранные автомобильные покрышки¹.

Доклад Комитета по иностранным делам Палаты общин британского парламента по итогам событий в Ливии констатировал, что массового убийства мирных граждан не было, так же как и представленные в СМИ иностранные наемники, воюющие и убивающие по приказу М. Каддафи на самом деле были трудовыми мигрантами из Центральной и Западной Африки².

В целом, как представляется, основной целью информационного воздействия на этом этапе была демонстрация мировому сообществу и населению Ливии неприятия и незаконности действий ливийского политического руководства, заключавшееся в якобы подавлении мирных демонстраций посредством применения оружия, в том числе крупнокалиберных пулеметов и авиации, а также, ввиду перехода ливийских военнослужащих на сторону восставших или отказа исполнять приказы, использование М. Каддафи иностранных наемников.

Еще одним направлением информационного воздействия было разрушения информационной инфраструктуры Ливии. С первых дней протестов оппозиция в качестве одной из целей выбрала инфраструктуру телекоммуникационных систем страны. В первые же дни протестов в г. Бенгази была сожжена радиостанция и захвачены офисы двух государственных спутниковых новостных каналов. НАТО, используя новейшие кибернетические технологии, вмешивалось в компьютерные сети телекоммуникационных систем³.

Параллельно уничтожению инфраструктуры ливийского правительства на территории, подконтрольной оппозиции, быстро разворачивалась

деятельность оппозиционных СМИ. Так, с высокой оперативностью начали свою работу 4 радиостанции и 6 печатных изданий в г. Бенгази. По мнению А. А. Быстрова, информационно-пропагандистское направление было полностью организовано и контролировалось Катаром, который, в частности, предоставил оппозиции все телевизионное и вещательное оборудование, включая международный пресс-центр, осуществлявший прием и передачу телевизионных репортажей через спутниковую связь. Показательно, что юридически центр был оформлен на частного бизнесмена из числа ливийских эмигрантов, что позволяло избежать обвинений во вмешательстве во внутренние дела⁴. Катар содействовал запуску телеканала «Ahrar TV», вещавшего посредством французского спутника⁵. Также появлялись сведения о том, что французский телеканал «France-24» подписал договор с представителями оппозиции об оказании им содействия в работе с массовыми коммуникациями и налаживании международных связей⁶.

Оппозиционным СМИ было запрещено публиковать любую информацию в поддержку М. Каддафи, упоминать о гражданской войне или о межплеменных конфликтах, поскольку важным было представить оппозицию как выразителей протеста всего ливийского народа, востока и запада страны, против тоталитарного режима, упоминать об «Аль-Каиде» (организация, деятельность которой запрещена в РФ) или исламском экстремизме. Случаи попадания такой информации в медийное пространство представлялись как пропаганда со стороны сил М. Каддафи⁷.

После перехода сил, верных М. Каддафи, в контраступление информационное пространство

¹ Птичкин С. Ливия: неизвестная война нового поколения // Информационно-аналитическое издание «Столетие» 05.09.2011. URL: http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/livija_neizvestnaja_vojna_novogo_pokolenija_2011-09-05.htm (дата обращения: 15.06.2024).

² Libya: Examination of intervention and collapse and the UK's future policy options // UK Parliament House of Commons Foreign Affairs Committee Report. 09.09.2016. URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmfa/119/11905.htm#_idTextAnchor016 (дата обращения: 15.06.2024).

³ Ахмадуллин В. Информационное подавление Каддафи и его армии // Интернет-журнал «Армейский Вестник». 05.09.2011. URL: <https://army-news.org/2011/09/informacionnoe-podavlenie-kaddafi-i-ego-armii/> (дата обращения: 15.06.2024).

⁴ Быстров А. А. Оценки НАТО в отношении операции в Ливии // Институт Ближнего Востока. 29.05.2011. URL: <http://www.iimes.ru/?p=12711> (дата обращения: 15.06.2024).

⁵ Ливийская оппозиция с помощью Катара запускает спутниковый телеканал // РИА Новости. 30.03.2011. URL: <https://ria.ru/20110330/359301934.html> (дата обращения: 15.06.2024).

⁶ Мейсан Т. О войне в Ливии глазами очевидца 12.10.2011. URL: <https://old.anna-news.info/node/1595> (дата обращения: 15.06.2024).

⁷ Mahdi Darius Nazemroaya The Media War on Libya: Justifying War through Lies and Fabrications // Global Research. 02.05.2011. URL: <https://www.globalresearch.ca/the-media-war-on-libya-justifying-war-through-lies-and-fabrications/24566> (дата обращения: 15.06.2024).

стало наполняться все более разносторонними и активными дезинформационными вбросами. Информационная война против М. Каддафи перешла на новый этап. Так, если ранее основными идеями были поражение М. Каддафи, от которого отвернулись даже ближайшие соратники, бегство ливийского лидера из страны, захват оппозицией одного города за другим, переход на сторону оппозиционных сил руководителей силовых ведомств и воинских гарнизонов¹, то затем СМИ целенаправленно публиковали репортажи с целью перевести внимание от фактов к сообщениям, вызывающим негативные эмоции².

Опыт предыдущих информационных войн показывает, что основным средством воздействия оставалась подача связанной информации, причем определенные факты могли замалчиваться или фальсифицироваться. Конфликт в Ливии выявил новые формы манипуляции сознанием, посредством которых подавлялось критическое восприятие информации и создавались условия для некритического восприятия.

Российский эксперт М. Волков на основе анализа публикаций ведущих мировых СМИ и информационных агентств, освещавших события в Ливии, выявляет фактически ежедневное нагнетание обстановки, формирующее и закрепляющее негативный образ М. Каддафи. При этом обращает внимание несбалансированная расстановка акцентов, в которой, например, информация об отношениях М. Каддафи с медсестрой из Украины представляется в СМИ такой же актуальной, как возможное наличие химического оружия³.

Также все более явной становилась диспропорция между масштабом информационного освещения и авторитетностью источников. Информация негативного плана о М. Каддафи передавалась основными СМИ с детальными подробностями, в то время относительно источ-

ников указывалось, например, «по мнению некоторых очевидцев», «наш источник» или даже «по слухам». Когда связь на территории Ливии была отключена СМИ заявляли формулировки, такие как «один из очевидцев позвонил нам по спутниковому телефону и сообщил...». Источниками при описании боевых действий или жестокостей сил М. Каддафи служили «врач в Бенгази», «врач из Триполи», «французский врач из Бенгази» и т. д.

В репортажах М. Каддафи и его сторонники обвинялись по многим пунктам, при этом отслеживалась реакция потребителей информации и развивались те линии, которые вызвали наибольший отклик. Хотя не приводились доказательная база или не утверждалась безусловная достоверность сообщений, такая информация вызывала у аудитории негативные эмоции, связанные с объектом обвинения. подача информации сочетала чередование сведений самого общего плана с деталями, направленными на усиление впечатления достоверности, сочетались аналитические модели с бытописательством. Использовался максимальный натурализм в репортажах с целью привлечения внимания. Для создания видимости всестороннего обсуждения спорных вопросов в публичном пространстве организовывались обсуждения, участники которых вели дискуссии. Происходящее освещалось по канонам жанра драматургии – завязка, первая поворотная точка, развитие событий, вторая поворотная точка, кульминация. Одновременно режиссировалось большое количество информационных событий с целью достигнуть синергетического эффекта. Действия динамично развивались по различным направлениям и аспектам, являясь, на первый взгляд, не связанными между собой, но обусловленными одной целью⁴.

Можно согласиться с мнением эксперта инфобюро «Восток-Центр» К. А. Теренкова, что передаваемый международными СМИ контент был открытым информационным вмешательством⁵. Наряду с этим эмоционально-экспрессивная

¹ Волков М. Война против Ливии. Ложь западной пропаганды. // Суть Времени. 30.11.2011. URL: <https://eot.su/smi/analitika/informatsionnaya-voina-v-livii-nachalo> (дата обращения: 15.06.2024).

² Meyssan T. Propaganda and Post-Truth // Voltairen. 05.11.2019. URL: <https://www.voltairenet.org/article208229.html> (дата обращения: 15.06.2024).

³ Волков М. Война против Ливии. Ложь западной пропаганды // Суть Времени. 30.11.2011. URL: <https://eot.su/smi/analitika/informatsionnaya-voina-v-livii-nachalo> (дата обращения: 15.06.2024).

⁴ Там же.

⁵ Теренков К. А. СМИ в февральской информационной войне против Ливии // Центр стратегических оценок и прогнозов. 24.03.2011. URL: <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/265/smi-v-fevralskoj-informacionnoj-vojne-protiv-livii-1358> (дата обращения: 15.06.2024).

составляющая освещалась в трагическом аудио- и визуальном ключе. Новости и аналитические программы подавались с демонстрацией различных броских сюжетов и фотографий: флагов, возмущенных лиц протестующих, экспрессивных жестов, неукоснительным наличием женщин и детей с наложением трагической музыки и слоганами «Ливия – в огне восстания». Этот эффект формировал у зрителей понимание главного контента информации уже в строго определенном контексте. Фактурно-ситуативная составляющая заключалась в особом формате освещения визуальной и текстовой информации с точно установленными ракурсами, задними планами, включая толпы людей и здания, сменой статической и динамической картинкой, визуальный ряд бегущих толп и активных действий сменяются крупными планами страдающих лиц или раненых людей. Кроме того, целенаправленно искажается идентификация локации, даты и времени репортажа. Дезинформационно-контекстуальный компонент заключался в многократно передаваемой дезинформации о положении дел в населенных пунктах, со ссылками на многочисленные звонки от «очевидцев» с мест событий¹. В ходе информационного противоборства в ряде случаев обращало на себя внимание несоответствие текста и видеоряда².

Особенностью информационного освещения конфликта в международных СМИ было отсутствие репортажей непосредственно о боях оппозиции с правительственными силами, однако выпускались материалы с постановочными боями³.

Согласно подсчетам эксперта Института Ближнего Востока Е. В. Михайлевского, западные журналисты передавали из Ливии видео- и фотоматериалы в соотношении 20:1 в пользу оп-

позиции, при этом практически не было показано видео и фотографий убитых в ходе боев оппозиционеров⁴.

Как отмечает востоковед В. Наумкин, подобная подача информации затрудняла возможность самостоятельного анализа ситуации даже специалистам⁵. По мнению Е. Н. Копосовой, целью было увеличение управляемости событиями⁶, поскольку, как отмечает другой российский эксперт Е. В. Громова, в современных условиях участником «революции» становится «человек у телевизора», у которого формируется мнение о конфликте, и оно поддерживается на всем его протяжении [7, с. 46].

Более того, правительственными силами Ливии удалось перехватить электронную почту журналистов, работавших в международном пресс-центре в г. Бенгази, что позволило сделать публичной информацию об их постоянных контактах с британскими и французскими спецслужбами. В рамках таких «диалогов» передавались разведывательные данные и инструкции по освещению событий. Также было обнаружено наличие общего плана информационного освещения событий журналистами⁷.

По итогам расследования Комитета по иностранным делам британского парламента был сделан вывод о том, что решение о военном вмешательстве принималось на фоне массовых и масштабных фальсификаций, и сведения, которые были распространены в информационном пространстве, не отражали реального положения дел в Ливии⁸.

⁴ Михайлевский Е. В. СМИ как основной субъект информационной операции против Ливии // Институт Ближнего Востока. 23.03.2011. URL: <http://www.iimes.ru/?p=12349> (дата обращения: 15.06.2024).

⁵ Наумкин В. В. Online-интервью с Виталием Наумкиным. Часть 4. О ситуации на Ближнем Востоке и не только // Коммерсантъ. 04.03.2011. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1596493> (дата обращения: 15.06.2024).

⁶ Копосова Е. Н. Мирополитические составляющие кризиса в Ливии : дис. ... канд. полит. наук. М., 2017. С. 138.

⁷ Мейсан Т. О войне в Ливии глазами очевидца 12.10.2011. URL: <http://old.anna-news.info/node/1595> (дата обращения: 15.06.2024).

⁸ Libya: Examination of intervention and collapse and the UK's future policy options // UK Parliament House of Commons Foreign Affairs Committee Report. 09.09.2016. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmfa/119/11903.htm> (дата обращения: 15.06.2024).

¹ Тереенков К. А. СМИ в февральской информационной войне против Ливии // Центр стратегических оценок и прогнозов. 24.03.2011. URL: <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/265/smi-v-fevralskoj-informacionnoj-vojne-protiv-livii-1358> (дата обращения: 15.06.2024).

² Яковлев Ф. Информационно-террористическая атака на Ливию и ее последствия // ИА REGNUM. 22.03.2011. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1386305.html> (дата обращения: 15.06.2024).

³ Libya conflict: fighting in Bin Jawad – in pictures // The Guardian. 7 Mar 2011. URL: <https://www.theguardian.com/world/gallery/2011/mar/07/libya-conflict-bin-jawad-pictures> (дата обращения: 15.06.2024).

Заключение

Таким образом, подводя итоги, можно сформулировать следующие выводы. Информационное воздействие было одним из важнейших аспектов в начальном этапе агрессии против Ливии.

Изначально основной целью такого воздействия была демонстрация мировому сообществу и населению Ливии неприятия и незаконности действий ливийского правительства и лично М. Каддафи, информационные ресурсы которого были несопоставимо малы и к тому же с первых дней протестов постоянно разрушались.

Обращает на себя внимание масштаб фальсификаций, при котором правительственные силы обвинялись в применении оружия против мирных демонстрантов, включающем крупнокалиберные пулеметы и авиацию, массовый переход ливийских военнослужащих, в том числе высокопоставленных офицеров, на сторону восставших, отказа исполнять приказы, широкое использование М. Каддафи иностранных наемников, что должно было вызвать ощущение безысходности правящего режима и скорое его поражение.

На фоне начавшегося контрастступления сил, верных М. Каддафи, информационное противоборство перешло на новую стадию. Если ранее основными идеями были поражение оставшегося без поддержки М. Каддафи, то затем СМИ целенаправленно публиковали репортажи с целью перевести внимание от фактов к сообщениям, вызывающим негативные эмоции.

Следует подчеркнуть, что в отличие от предыдущих информационных войн, когда основным средством воздействия оставалась подача связной информации, при замалчивании или фальсификации тех или иных фактов, в ходе ливийского конфликта получили распространение новые формы манипуляции сознанием, посредством которых подавлялось критическое восприятие информации и создавались условия для некритического восприятия.

В целом правительство Ливии практически не имело шансов выиграть информационную войну, к началу открытого внешнего вмешательства был сформирован исключительно негативный образ М. Каддафи и его сторонников, которые якобы могли расправиться с оппозицией и уничтожить поддерживавшие ее широкие массы гражданского населения.

1. Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке / под ред. С. Кургияна. М., 2011. 287 с.

2. Антюхова Е. А. Технологии ведения США и НАТО информационно-сетевых операций в конфликтах «Арабской весны» // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-vedeniya-ssha-i-nato-informatsionno-setevyih-operatsiy-v-konfliktah-arabskoy-vesny> (дата обращения: 14.06.2024).

3. Ба Алави М. М. Современные медиа и их влияние на революционный процесс «Арабской весны» // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 8. С. 22–28. DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2014-8-3>

4. Балувев Д. Г., Каминченко Д. И. Политическая роль «новых» СМИ в ливийском конфликте // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 2–1. С. 307–313. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-rol-novyh-smi-v-liviyskom-konflikte> (дата обращения: 14.06.2024).

5. Берг И. С. Политический кризис в Ливии и вероятность экономических потрясений Европы: оценки немецких экспертов // Институт Ближнего Востока. 2011. URL: <http://www.iimes.ru/?p=12191> (дата обращения: 15.06.2024).

6. Чамов В. В. «Арабская осень», или неоколониализм на марше // Казанский журнал международного права. 2012. № 5. С. 162–180.

7. Громова А. В. Роль СМИ в осуществлении «цветных революций» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2008. № 2. С. 46–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-smi-v-osuschestvlenii-tsvetnyh-revoljutsiy> (дата обращения: 15.06.2024).

Статья поступила в редакцию 20.08.2024; одобрена после рецензирования 24.09.2024; принята к публикации 28.10.2024.

Об авторах

Абидулин Алим Маратович

кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (603005, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2), abidulin@imomi.unn.ru

Дронов Михаил Владимирович

соискатель кафедры восточных языков и лингвокультурологии, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (603005, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2), giraffa@yandex.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Politicheskoe tsunami. Analitika sobytii v Severnoi Afrike i na Blizhnem Vostoke [Political Tsunami. Analysis of Events in North Africa and the Middle East]. Ed. by S. Kurginyan., M., 2011, 287 p. (In Russ.)

2. Antyukhova E. A. Tekhnologii vedeniya SShA i NATO informatsionno-setevykh operatsii v konfliktakh "Arabskoi vesny" [Technologies of the USA and NATO information and network operations in the conflicts of the "Arab Spring"]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* = The Bryansk State University Herald, 2015, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-vedeniya-ssha-i-nato-informatsionno-setevykh-operatsiy-v-konfliktah-arabskoy-vesny> (accessed 14.06.2024). (In Russ.).

3. Ba Alavi M. M. Sovremennye media i ikh vliyanie na revolyutsionnyi protsess "Arabskoi vesny" [The modern media and their effect on the revolutionary process "Arab Spring"]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* = Russian Journal of Education and Psychology, 2014, no. 8, pp. 22–28. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2014-8-3>

4. Baluev D. G., Kaminchenko D. I. Politicheskaya rol' "novykh" SMI v liviiskom konflikte [Political role of new media in the Libyan conflict]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im N. I. Lobachevskogo* = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, 2012, no. 2, pp. 307–313. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-rol-novykh-smi-v-liviiskom-konflikte> (accessed 14.06.2024). (In Russ.).

5. Berg I. S. Politicheskii krizis v Livii i veroyatnost' ekonomicheskikh potryaseni Evropy: otsenki nemetskikh ekspertov [Political crisis in Libya and the likelihood of economic turmoil in Europe: assessments of German experts]. *Institut Blizhnego Vostoka* = Middle East Institute, 2011. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=12191> (accessed 15.06.2024). (In Russ.).

6. Chamov V. V. "Arabskaya osen", ili neokolonializm na marshe [The Arab Autumn or neocolonialism on the march]. *Kazanski izhurnal mezhdunarodnogo prava* = Kazan Journal of International Law, 2012, no. 5, pp. 162–180. (In Russ.).

7. Gromova A. V. Rol' SMI v osushchestvlenii "tsvetnykh revolyutsii" [Role of mass-media in the realization of "color revolutions"]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* = RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 2008, no. 2, pp. 46–56. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-smi-v-osushchestvlenii-tsvetnykh-revolutsiy> (accessed 15.06.2024). (In Russ.).

The article was submitted 20.08.2024; approved after reviewing 24.09.2024; accepted for publication 28.10.2024.

About the authors

Alim M. Abidulin

Ph. D. (History), Associate Professor of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (2 Ulyanov St., Nizhny Novgorod 603005, Russian Federation), abidulin@imomi.unn.ru

Mikhail V. Dronov

Postgraduate Student at the Department of Oriental Languages and Linguoculturology, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (2 Ulyanov St., Nizhny Novgorod 603005, Russian Federation), giraffa@yandex.ru

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 9.908

DOI: 10.30914/2411-3522-2024-10-3-196-203

РАДИО И ПЕЧАТЬ БАШКИРИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

К. Р. Габбасова

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны партийными и государственными органами повышенное внимание уделялось оповещению населения своевременной информацией о положении дел на фронте, в тылу и международной ситуации в мире. Особую роль приобрела агитационно-пропагандистская и идеологическая работа с населением с целью формирования патриотизма, высокой гражданственности, преданности Родине, ненависти врагу и самопожертвования. Поставленные задачи были возложены прежде всего на такие средства массовой информации, как радио и периодическая печать. Цель: изучить содержание и формы деятельности Республиканского радиокomiteта и периодической печати на территории БАССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Основными историческими источниками в процессе исследования являлись письменные материалы Национального архива Республики Башкортостан: докладные записки, справки, отчеты, информации о работе республиканского радиокomiteта и редакций газет и журналов, стенограммы совещаний партийных и государственных органов. В процессе исследования выявлены проблемы и трудности в работе радио, газет и журналов, связанные прежде всего с условиями военного времени. Содержание и формы работы средств массовой информации претерпели существенные изменения. Предоставляемая информация подвергалась тщательной цензурной проверке, необходимой в условиях войны. Радио и печать выполняли информационную, идеологическую, агитационную и культурные функции.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, радио, Башкирский республиканский радиокomiteт, «Кызыл Башкортостан», «Красная Башкирия», цензура

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Габбасова К. Р. Радио и печать Башкирии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2024. Т. 10. № 3. С. 196–203. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-196-203>

BASHKIRIA'S RADIO AND PRESS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

K. R. Gabbasova

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

Abstract. During the Great Patriotic War, the party and state bodies paid increased attention to notifying the population with timely information about the situation at the front, in the rear and the international situation in the world. Agitation, propaganda and ideological work with the population has acquired a special role in order to form patriotism, high citizenship, devotion to the Motherland, hatred of the enemy and self-sacrifice. The tasks assigned were primarily assigned to such mass media as radio and periodicals. Purpose: to study the content and forms of activity of the Republican Radio Committee and the periodical press in the territory of the BASSR during the Great Patriotic War (1941–1945). The main historical sources in the research process were written materials of the National Archive of the Republic of Bashkortostan: memos, certificates, reports, information on the work of the Republican radio committee and newspaper editorial offices and magazines, transcripts of meetings of party and state bodies. In the course of the research, problems and difficulties in the work of radio, newspapers and magazines related primarily to wartime conditions were identified. The content and forms of work of the mass media have undergone significant changes. The information provided was subjected to a thorough censorship check necessary in war conditions. Radio and the press performed informational, ideological, propaganda and cultural functions.

Keywords: radio, the Great Patriotic War, Bashkir Republican Radio Committee, Kyzyl Bashkortostan, Krasnaya Bashkiria, censorship

The author declares no conflict of interest.

For citation: *Gabbasova K. R. Bashkiria's radio and press during the Great Patriotic War (1941–1945). Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law". 2024, vol. 10, no. 3, pp. 196–203. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-196-203>*

Великая Отечественная война – один из наиболее героических, сложных и трагических периодов отечественной истории. Несмотря на пристальное внимание историков к этой теме, наличие большого количества научных работ, в истории войны продолжают сохраняться малоисследованные проблемы. К одной из них относится развитие региональных средств массовой информации на территории СССР в годы войны.

К исследованию деятельности средств массовой информации в БАССР ученые приступили сравнительно поздно. В военные годы в Уфе было издано две работы, посвященные вкладу республики в победу, однако указанная проблема не получила в них отражения¹.

В последующем вопросы развития радио и печати в годы Великой Отечественной войны затрагивались в обобщающих работах по истории БАССР, ее отдельных городов, областной партийной организации. Например, во втором томе «Очерков по истории Башкирской АССР»². Большая часть книги создана на основе архивных источников, периодической печати, официальных изданий. В работе над главой «Башкирская АССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» принимали участие такие признанные специалисты, как Б. Г. Гибадуллин, И. П. Савельев, В. П. Сираев. Используя фонды Центрального Государственного архива БАССР и Партархива Башкирского обкома КПСС, авторы уделили внимание проблеме массово-политической работы среди населения. Практически впервые в историографии было упомянуто постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации», принятое в феврале 1945 года.

В 1973 году коллективом авторов была подготовлена работа «Очерки истории Башкирской

организации КПСС»³. Среди многочисленных аспектов деятельности Башкирской партийной организации в годы Великой Отечественной войны авторы выделяли идеологическую и организационно-партийную работу. Анализируется доклад первого секретаря Башкирского обкома ВКП(б) С. Д. Игнатьева «Об идейно-политическом воспитании кадров и массово-политической работе среди трудящихся» (июнь 1943 г.), а также известное постановление ЦК партии «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации» (февраль 1945 г.), прослеживается история его выполнения.

Необходимо отметить вышедшую к 40-летию Победы над фашизмом монографию Т. Х. Ахмадиева «Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945»⁴.

В исследовании подробно освещается история идеологической и массово-политической работы среди населения края, в том числе деятельность периодической печати и радио. Монография Т. Х. Ахмадиева является одной из важнейших страниц в изучении истории БАССР в годы Великой Отечественной войны. С позиции современной науки некоторые выводы, сделанные автором, воспринимаются как односторонние и идеологические. Однако эта особенность с лихвой окупается научным, исследовательским характером монографии.

Влияние новых подходов постсоветской историографии ощущается в монографии Р. С. Аюпова «Республика Башкортостан в годы Великой Отечественной войны», изданной в 1994 году⁵. Впервые в краевой историографии, автор рисует не идеализированную картину истории развития БАССР в годы войны, указывает на ошибки и просчеты партийного руководства республики, поднимает вопрос о цене Победы. Глава, посвященная

¹ Валеев Г. Башкирия в период Великой Отечественной войны. Уфа, 1944. 23 с. ; Уразбаев Н. Индустриальная Башкирия. Уфа, 1944. 24 с.

² Очерки по истории Башкирской АССР : в 2 т. Т. 2: Советский период. Уфа, 1966. 643 с.

³ Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973. 728 с.

⁴ Ахмадиев Т. Х. Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1984. 280 с.

⁵ Аюпов Р. С. Республика Башкортостан в годы Великой Отечественной войны. Уфа : Изд-е Башк. ун-та, 1994.

развитию духовной культуры в республике в военный период, чрезвычайно насыщена фактическим материалом. Автор рассматривает в том числе вопросы, связанные с массово-политической, пропагандистской деятельностью Советов, радио и печати. К несомненным достоинствам работы следует отнести широкое использование архивного материала, взвешенный и объективный анализ темы, а также обращение автора к ранее малоизученным проблемам истории БАССР в годы войны [1].

Одним из крупнейших исследователей развития культуры Урала в годы войны, несомненно, является А. В. Сперанский. В его многочисленных статьях и монографиях нашли отражение вопросы, связанные с развитием СМИ¹.

Среди специальных работ, посвященных развитию средств массовой информации в БАССР в военное время необходимо отметить исследование К. М. Асфандияровой «Массовая культурно-просветительная работа в условиях войны»². Основываясь на архивных материалах, автор исследует основные направления агитационной и массово-политической работы в БАССР, анализирует деятельность библиотек, музеев, кинотеатров. Особое внимание уделяется развитию радио и периодической печати. Автор делает вывод, что массовые культурно-просветительные учреждения имели важное место и значение в деятельности Коммунистической партии по мобилизации моральных и духовных сил народа на отпор врагу.

История развития республиканской печати в годы войны нашла отражение в «Очерках по истории печати Советской Башкирии» Т. И. Ахунзянова³. Автор останавливается на таких аспектах темы, как увеличение числа военных газет, частичное сокращение гражданской печати, организация газетных витрин, открытие новых рубрик в военных и гражданских газетах

и журналах, подборка материалов в республиканской печати в годы войны.

Роль агитационной работы и печатной пропаганды в деле интернационального воспитания населения республики в военный период показана в статье Г. Р. Мухаметдинова «Интернациональное воспитание трудящихся Урала в годы Великой Отечественной войны»⁴.

Интерес вызывает статья Т. С. Конюкова «Интеллигенция Башкортостана в агитационно-пропагандистском обеспечении Великой Победы». На большом фактическом материале автор показывает роль республиканской интеллигенции в агитационно-пропагандистской работе в годы войны [2].

Таким образом, развитие средств массовой информации в БАССР в годы войны представляется малоизученной темой и требует дальнейшего исследования.

В условиях современной активной внешней политики Российской Федерации, Специальной военной операции становится особенно актуальным изучение опыта роли средств массовой информации в формировании политического сознания граждан, в том числе патриотизма и высокой гражданственности.

Целью исследования является изучение деятельности таких средств массовой информации, как радио, газеты и журналы на территории Башкирской автономной советской социалистической республики в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Основными историческими источниками в процессе исследования являлись письменные материалы Национального архива Республики Башкортостан: докладные записки, справки, отчеты, информации о работе республиканского радиокomiteта и редакций газет и журналов, стенограммы совещаний партийных и государственных органов.

В годы Великой Отечественной войны радио, газеты и журналы были важнейшими средствами массовой информации. В чрезвычайных условиях военного времени были пересмотрены формы и содержание работы Башкирского республиканского радиокomiteта и печатных СМИ.

¹ Сперанский А. В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Екатеринбург : УрОАН, 1996. 360 с. ; Он же. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны : дис. ... д-ра ист. наук / Ин-т истории и археологии Урал. отд-ния РАН. Екатеринбург, 1997. 507 с.

² Асфандиярова К. М. Массовая культурно-просветительная работа в условиях войны // Во имя Победы: Из истории Башк. АССР периода Вел. Отеч. войны. Уфа, 1986. С. 96–104.

³ Ахунзянов Т. И. Очерки по истории печати Советской Башкирии. Уфа, 1979. 310 с.

⁴ Г. Р. Мухаметдинов Интернациональное воспитание трудящихся Урала в годы Великой Отечественной войны // Октябрьская революция и проблема национальных отношений. Уфа, 1987. С. 68–75.

В июле 1941 года в связи с началом войны Башкирское отделение ТАСС было временно ликвидировано. Его функции, в частности обслуживание газет и радиокomiteта обзорами военных действий на фронтах отечественной войны, международного положения и внутри-союзной информацией, возлагалось на редакции газет «Кызыл Башкортостан» и «Красная Башкирия» [3].

В условиях военного времени произошло резкое сокращение количества, формата, тиража и периодичности издаваемых газет и журналов.

В сентябре 1942 года в Башкирии выпускалось 84 районные, 2 областные, 2 городские, 3 фабрично-заводские и 2 транспортные газеты («Большевицкая путевка» – орган политотдела Уфимского отделения железной дороги им. Куйбышева и «Водник Башкирии» – орган Парторга Бельского речного пароходства)¹.

Газеты издавались на русском (43 газеты), башкирском (19 газет), татарском (25 газет), марийском (1 газета), удмуртском (1 газета), чувашском (1 газета) языках. Районные газеты выходили один раз в неделю тиражом от двух до пяти тысяч экземпляров².

Таблица / Table

Сведения об областных, городских, районных и фабрично-заводских газетах БАССР на 10 октября 1942 г.³ /
Information about regional, city, district and factory newspapers of the BASSR on October 10, 1942³

№	Наименование района / Name of the region	Название газеты / Name of the newspaper	Областная, городская или районная / Regional, city or district	Язык издания / Language of publication	Тираж (в тыс.) / Circulation (in thousands)	Периодичность издания (в неделю) / Frequency of publication (per week)	Количество полос / Number of pages
1	г. Уфа	«Красная Башкирия»	областная	русский	42,5	6	2
2	г. Уфа	«Кызыл Башкортостан»	областная	башкирский	17,0	6	2
3	г. Белорецк	«Белорецкий рабочий»	городская и районная	русский	6,0	3	2
4	г. Ишимбай	«Башкирская вышка»	городская	русский	2,5	3	2
5	Сталинский р-н г. Уфа	«Сталине»	заводская	русский	3	1	2
6	Сталинский р-н г. Уфа	«Гудок завода»	заводская	русский	1,5	1	2
7	Сталинский р-н г. Уфа	«За боевые темпы»	заводская	русский	3	1	2

В дальнейшем в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 5 апреля 1942 года в целях сокращения потребления газетной бумаги временно закрыли 11 районных газет в тех районах, где издавалось по две газеты. После сокращения в большинстве районов Башкирии осталось по одной газете. Исключение составили Альшеевский, Аургазинский, Бакалинский, Баймакский, Нуримановский, Давлекановский, Гафурыйский, Краснокамский, Кугарчинский, Татышлинский, Туймазинский и Янаульский районы, где, учиты-

вая национальный состав населения и промышленное значение, сохранялось по две газеты⁴.

В условиях сокращения количества, периодичности и тиража прессы большое распространение в республике получили витрины, где газеты регулярно вывешивались для общего пользования [4].

¹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 329. Л. 14–18.

² Там же.

³ Там же.

⁴ НА РБ. Ф. 122. Оп. 21. Д. 23. Л. 119–122.

Редакции приспособлялись к новым условиям. В 1942 году редактор Стерлитамакской районной газеты писал: «Мы сейчас через газету не публикуем большие постановления горисполкома и райсполкомов, которые раньше занимали большую площадь в нашей газете. Благодаря тому, что сейчас мы их почти не печатаем, нам удалось в некоторой степени изменить размер наших заметок. Мы даем маленькие заметки, сокращаем до минимума и таким образом в каждом номере имеем возможность помещать 20–25 заметок. Это в значительной мере приближает газету к читателю»¹.

Газеты знакомили советских граждан с положением дел на фронте и в тылу, международной ситуацией. СМИ служили средством идеологического воздействия на население, воспитывая в гражданах патриотизм, ненависть к врагу, самоотверженность, преданность Родине и партии. Освещались ход и результаты социалистических соревнований на предприятиях, работа молодежи и передовиков производства [5].

Большую воспитательную роль играла публикация исторических материалов. В газете «Кызыл Башкортостан» за период отечественной войны было опубликовано свыше 20 статей, показывающих историю борьбы русского народа против иноземных поработителей и ряд статей, посвященных героическому прошлому башкир, его боевым традициям. Например, «Кахим Туря» – очерк о башкирской части в отечественной войне 1812 г. и полководце Кахиме, «Башкиры на защите Петрограда» – о героических подвигах башкирской части под Петроградом в борьбе против войск Юденича, «Герой гражданской войны Шагит Худайбердин», «Башкирский герой Багау Нуриманов», «Боевые традиции башкирского народа»².

Существовала практика печати в газетах писем советских солдат и офицеров с фронта. В целях защиты военно-государственной тайны преимущественно это было письмо, где красноармеец рассказывал в обезличенной форме о небольшом боевом эпизоде из своей жизни на фронте, не привязывая этот факт ни к месту, ни к части, ни ко времени. Простота и глубокая патриотичность писем вселяли в душу людей

стремление бороться, работать без усталости, жертвовать собой.

В целях охраны государственной тайны в условиях военного времени цензоры Главного управления по делам литературы и издательств БАССР (Главлит) осуществляли проверку и редакцию всех текстов, предназначенных для опубликования, в том числе в периодической печати.

Запрещено было публиковать все производственные и финансовые планы и их выполнение по наркоматам, отраслям народного хозяйства, главкам, объединениям, отдельным предприятиям, кроме официальных правительственных данных.

В то же время в целях демонстрации самоотверженной деятельности рабочих, инженерно-технического персонала и служащих допускалось опубликование в процентах достигнутых успехов отдельными рабочими, бригадами, цехами, предприятиями, не показывая номенклатуру изделия и количество вырабатываемой продукции (в военной промышленности и промышленности, имеющей оборонное значение).

Были введены ограничения на печать материалов, связанных с эвакуацией. Запрещалось сообщать об эвакуированных заводах, военных предприятиях, учреждениях и населении. Возможно было упоминать лишь об эвакуации гражданских учебных заведений и детей.

Нельзя было рассказывать о строительстве железных дорог, автомагистралей, раскрывать техническую скорость поездов, месторасположение военных предприятий и крупных строек оборонного значения, упоминать о наличии воинских частей в районах республики³.

Запрещалось упоминать наличие госпиталей в городах (за исключением Уфы), районных центрах и селах, называть абсолютные цифры заболеваемости населения.

Нельзя было сообщать об утере воинских билетов. Запрещено было печатать объявления частного характера, которые в условиях военного времени могли быть использованы врагом для вражеской шпионской переключки и связи.

В печати запрещалось упоминать о наличии воинских частей в районах республики, давать сведения о бойцах, военных школах, количестве

¹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 321. Л. 102.

² НА РБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 326. Л. 114.

³ НА РБ. Ф. 122. Оп. 21. Д. 23. Л. 52.

отрядов всеобуча, домах Красной армии, воен-торгах, работе аэроклубов и аэродромах. Нельзя было разглашать сведения о ходе мобилизации женщин в Красную армию. Но о добровольном вступлении женщин в ряды Красной армии писать было можно.

Ограничения касались и сферы сельского хозяйства. Запрещалось указывать абсолютное количество посевной площади, среднюю урожайность, абсолютные процентные данные по государственным поставкам, местонахождение госрезервов, пропускную способность элеваторов. Нельзя было давать материал о случаях заболевания скота чумой и сибирской язвой.

Постепенно сеть печатных средств массовой информации восстанавливалась. В 1944 году в республике уже выпускалось 3 областных газеты с периодичностью 5 раз в неделю, три городских по 3 раза в неделю, 82 районные газеты и 7 многотиражек. Количество редакций районных и местных вещаний увеличилось с 14 в 1941 г. до 38 к 1944 г. и в течение 1944 г. было доведено до 50¹.

Башкирский республиканский радиокomitee был создан 1 августа 1928 г. и действовал при Совете Народных Комиссаров Башкирской АССР [6].

В день начала войны 22 июня 1941 года по радио был организован специальный выпуск «Последних известий» на башкирском языке².

В начале войны Башкирский республиканский радиокomitee имел редакции местного вещания в 11 районах³. На 1-е января 1943 г. насчитывалось уже 16 редакций районного радиовещания. А к началу 1944 г. – 30 районных редакций⁴. Из имеющихся в Башкирии 63 районов в 61 районе имелись радиоузлы⁵. В условиях многонационального состава населения республики радиопередачи велись на трех языках: башкирском, русском, татарском.

Время вещания в 1942 году составляло 1 час 56 минут. Из них ежедневно отводилось на политвещание 1 час 30 минут, на литературно-музыкальные передачи 16 минут, на платные

информации 10 минут⁶. К 1943 году общее время вещания было увеличено до 2 часов 20 минут⁷.

По сравнению с довоенным временем тематика микрофонных материалов сравнительно расширилась, стали чаще организовывать выступления передовиков, руководителей предприятий, советских и партийных организаций. Освещались вопросы уборки урожая, хлебозаготовок государству, военной пропаганды, партийной жизни, подготовки к зиме [7].

Рассказывалось о создании фонда обороны, о работе белорецких металлургов, самоотверженной работе железнодорожников и речников, научных работников, о подготовке ополченцев, о донорах, о подготовке школ к учебному году. Зачитывались письма с фронта [8].

Ежедневно утром передавались «Последние известия» и пропагандистские статьи, вечером «Последние известия» на башкирском и русском языках, материалы Совинформбюро, материалы сектора пропаганды и агитации, литературно-музыкальные передачи, сельскохозяйственные выпуски⁸.

Два раза в неделю при участии обкома комсомола организовывались передачи для молодежи и детей на башкирском, русском и татарском языках⁹.

В условиях военного времени повышенное внимание уделялось политическому вещанию. Была поставлена задача мобилизовать рабочих, колхозников, служащих предприятий и учреждений на усиление помощи фронту.

В условиях, когда газеты в колхозы и районные центры доставлялись с опозданием, специалисты радиокomitee переводили и передавали статьи из центральных («Правда», «Известия», «Красная Звезда», «Комсомольская Правда») и областных газет («Красная Башкирия» и «Кызыл Башкортостан»).

Радиопередачи знакомили население с великими российскими полководцами и башкирскими героями (Александр Невский, А. В. Суворов, М. И. Кутузов, Салават Юлаев).

В целях пропаганды военных знаний передавали цикл бесед по противовоздушной и химической обороне.

¹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 367. Л. 80.

² НА РБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 319. Л. 99.

³ НА РБ. Ф. 122. Оп. 21. Д. 332. Л. 14.

⁴ НА РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 376. Л. 38.

⁵ НА РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 376. Л. 44.

⁶ НА РБ. Ф. 122. Оп. 21. Д. 300. Л. 68.

⁷ НА РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 371. Л. 24.

⁸ НА РБ. Ф. 122. Оп. 21. Д. 300. Л. 39.

⁹ Там же.

Большой популярностью у зрителей пользовалась литературно-музыкальная передача.

С началом войны было временно приостановлено издание художественно-литературного журнала «Октябрь». Таким образом, Башрадиокомитет взял на себя ответственность за популяризацию Башкирской советской художественной литературы. Большую помощь в развитии башкирского искусства и литературы оказали находящиеся в эвакуации в Башкирии писатели центральных и западных районов СССР [9; 10].

Башрадиокомитет систематически передавал в башкирском переводе произведения украинских поэтов и писателей: Павла Тычины, Максима Рыльского, Владимира Сосюры, Натана Рыбака, Юрия Яновского¹.

¹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 21. Д. 23. Л. 46.

Радиокомитет поддерживал тесную связь с писателями и поэтами из Башкирии, находящимися в рядах Красной армии и передавал их фронтовые произведения.

В годы Великой Отечественной войны были пересмотрены формы и содержание работы Башкирского радиокомитета, газет и журналов. Этим учреждениям пришлось столкнуться с многочисленными проблемами и трудностями военного времени. Радио и печать выполняли не только информационную функцию, своевременно предоставляя населению информацию о событиях в мире, на фронте и в тылу. Они являлись мощным средством идеологической работы партии и государства.

1. Ямалов М. Б. Башкортостан в годы Великой Отечественной войны: некоторые вопросы историографии // Вестник Академии наук РБ. 2019. Т. 31. № 2 (94). С. 72–81. DOI: <https://doi.org/10.24411/1728-5283-2019-10208>

2. Конюков Т. С. Интеллигенция Башкортостана в агитационно-пропагандистском обеспечении Великой Победы // Героическое и трагическое лихолетье : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 55-летию Победы сов. народа над фашист. Германией и милитарист. Японией, Москва, 21–22 сент. 2000 г. Смоленск : Смядынь, 2000. С. 185–188.

3. Федько Р. А. Культурная жизнь Башкирии в годы Великой Отечественной войны: страницы истории // Навечно в памяти народной : статьи, документы, воспоминания. Уфа : ВЭГУ. 1995. С. 60–68.

4. Бикмеев М. А. Башкортостан в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. Уфа: БГПУ. 2000. 352 с.

5. Зиязетдинов Р. М. Патриотическое воспитание трудящихся Башкирии накануне Великой Отечественной войны // Вторая мировая и Великая Отечественная война и современность : Российская науч.-практ. конф. 24–25 ноября 1995. Уфа, 1996. Т. 3. С. 21–23.

6. Усманов Н. В. Коминтерн в Башкирии (1941–1943) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. № 2 (851). С. 71–75. DOI: https://doi.org/10.52070/2500-347X_2023_2_851_71

7. Шарипова Д. И. Вклад Башкирской АССР в победу в Великой Отечественной войне // Инновационная наука. 2017. № 1–2. С. 130–131. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-bashkirskoy-assr-v-pobedu-v-velikoy-otechestvennoy-voynе> (дата обращения: 15.06.2024).

8. Крюкова Г. М. Молодежные радиопередачи в годы Великой Отечественной войны (на примере Башкирской АССР) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnye-radioperedachi-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-na-primere-bashkirskoy-assr> (дата обращения: 15.06.2024).

9. Сулейманова Р. Н. Жизнь в эвакуации: ленинградские жители в Башкирии в годы Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 1. С. 39–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-v-evakuatsii-leningradskie-zhiteli-v-bashkirii-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 15.06.2024).

10. Шайхисламов Р. Б., Емелин С. М. Летопись дружбы, взаимопомощи и созидания народов Башкирии и Украины в годы Великой отечественной войны (по материалам национального архива республики Башкортостан) // Современная научная мысль. 2023. № 6. С. 296–302. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/letopis-druzhby-vzaimopomoschi-i-sozidaniya-narodov-bashkirii-i-ukrainy-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-po-materialam> (дата обращения: 15.06.2024).

Статья поступила в редакцию 04.09.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 06.11.2024.

Об авторе

Габбасова Ксения Рафаиловна

старший преподаватель кафедры зарубежной истории Института истории и государственного управления, Уфимский университет науки и технологий (450076, Российская Федерация, Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32), kseniagufanova@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Yamalov M. B. Bashkortostan v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: nekotorye voprosy istoriografii [Bashkortostan during the Great Patriotic War: some issues of historiography]. *Vestnik Akademii nauk RB = Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan*, 2019, vol. 31, no. 2 (94), pp. 72–81. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/1728-5283-2019-10208>
2. Konyukov T. S. Intelligentiya Bashkortostana v agitatsionno-propagandistskom obespechenii Velikoi Pobedy [The intelligentsia of Bashkortostan in the agitation and propaganda support of the Great Victory]. *Geroicheskoe i tragicheskoe likholet'e : materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 55-letiyu Pobedy sov. naroda nad fashist. Germaniei i militarist. Yaponiei, Moskva, 21–22 sent. 2000 g.* = Heroic and tragic hard times: materials of the International. scientific conf., dedicated 55th anniversary of the Victory of the Ows. people over the fascist. Germany and a militarist. Japan, Moscow, September 21–22. 2000, Smolensk, Smyadyn' Publishing House, 2000, pp. 185–188. (In Russ.).
3. Fedko R. A. Kul'turnaya zhizn' Bashkirii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: stranitsy istorii [Cultural life of Bashkiria during the Great Patriotic War: pages of history]. *Navechno v pamyati narodnoi : stat'i, dokumenty, vospominaniya* = Forever in the people's memory: articles, documents, memories, Ufa, VJeGU Publishing House, 1995, pp. 60–68. (In Russ.).
4. Bikmeev M. A. Bashkortostan v gody Vtoroi mirovoi voyny 1939–1945 gg. [Bashkortostan during the World War II 1939–1945.]. Ufa, BGPU Publishing House, 2000, 352 p. (In Russ.).
5. Ziyazetdinov R. M. Patrioticheskoe vospitanie trudyashchikhsya Bashkirii nakanune Velikoi Otechestvennoi voyny [Patriotic education of the working people of Bashkiria on the eve of the Great Patriotic War]. *Vtoraya mirovaya i Velikaya Otechestvennaya voyna i sovremennost' : Rossiiskaya nauch.-prakt. konf. 24–25 noyabrya 1995* = World War II and the Great Patriotic War and modernity: Russian scientific and practical. conf. November 24–25, 1995, Ufa, 1996, pp. 21–23. (In Russ.).
6. Usmanov N. V. Komintern v Bashkirii (1941–1943) [Comintern in Bashkiria (1941–1943)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Science, 2023, no. 2 (851), pp. 71–75. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.52070/2500-347X_2023_2_851_71
7. Sharipova D. I. Vklad Bashkirskoi ASSR v pobedu v Velikoi Otechestvennoi voine [Contribution of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic to the victory in the Great Patriotic War]. *Innovatsionnaya nauka* = Innovative science, 2017, no. 1–2, pp. 130–131. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-bashkirskoy-assr-v-pobedu-v-velikoy-otechestvennoy-voyne> (accessed 15.06.2024). (In Russ.).
8. Kryukova G. M. Molodezhnye radioperedachi v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (na primere Bashkirskoi ASSR) [Youth radiobroadcasts during the Great Patriotic War (on the example of Bashkir ASSR)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* = Genesis: Historical research, 2019, no. 9. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnye-radioperedachi-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-na-primere-bashkirskoy-assr> (accessed 15.06.2024). (In Russ.).
9. Suleimanova R. N. Zhizn' v evakuatsii: leningradskie zhiteli v Bashkirii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [Life in Evacuation: Leningraders in Evacuation in Bashkiria during the Great Patriotic War]. *Noveishaya istoriya Rossii* = Modern history of Russia, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 39–52. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-v-evakuatsii-leningradskie-zhiteli-v-bashkirii-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (accessed 15.06.2024). (In Russ.).
10. Shaikhislamov R. B., Emelin S. M. Letopis' druzhby, vzaimopomoshchi i sozidaniya narodov Bashkirii i Ukrainy v gody Velikoi otechestvennoi voyny (po materialam natsional'nogo arkhiva respubliki Bashkortostan) [Chronicle of friendship, mutual assistance and creation of the peoples of Bashkiria and Ukraine during the Great Patriotic War (based on the materials of the national archive of the Republic of Bashkortostan)]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* = Modern scientific thought, 2023, no. 6, pp. 296–302. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/letopis-druzhby-vzaimopomoschi-i-sozidaniya-narodov-bashkirii-i-ukrainy-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-po-materialam> (accessed 15.06.2024). (In Russ.).

The article was submitted 04.09.2024; approved after reviewing 07.10.2024; accepted for publication 06.11.2024.

About the author

Ksenia R. Gabbasova

Senior lecturer of Department of Foreign History Institute of History and Public Administration, Ufa University of Science and Technology (32 Zaki Validi St., Ufa 450076, Russian Federation), [kseniagufranova@rambler.ru](mailto:kсениаgуfranova@rambler.ru)

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 930.2:352(470.13)"192"

DOI: 10.30914/2411-3522-2024-10-3-204-211

ИНСТРУКТИРОВАНИЕ («ЖИВАЯ» СВЯЗЬ) НИЗОВЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В КОМИ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1920-Е ГОДЫ

В. Н. Каракчиев

Институт языка, литературы и истории, г. Сыктывкар, Российская Федерация

Аннотация. Работа над повышением качества деятельности органов власти является важнейшей задачей для эффективного развития системы управления в стране. В 1920-е годы вышестоящие органы власти Коми автономной области взаимодействовали с низовыми в четырех формах, а именно телефонной, телеграфной, почтовой и «живой». Выезды на места инструкторов способствовали оперативному выявлению актуальных проблем в аппаратах управления и повышению качества работы местных властей. Цель: изучить важнейшие аспекты и практическое применение инструктирования низовых органов власти Коми автономной области в 1920-е годы. В статье используется литература и архивные источники, позволяющие изучить основы «живого» взаимодействия органов власти в регионе. В работе применены общенаучные методы исследования (анализ, сравнение, описание). Базовые принципы инструктирования волисполкомов и сельсоветов Коми автономной области изложены в документах и материалах органов управления. Властями из-за выявленной неудовлетворительной работы на местах признана необходимым организация регулярного инструктирования волостных исполкомов для ознакомления со всеми распоряжениями высших органов советской власти, а также для выявления недостатков и устранения возникающих вопросов. Инструкторы помогали устранять недочеты, составляли план работ, устраивали заседания, оформляли акты обследования с заключениями. Волисполкомам и сельсоветам необходимо было применять инструкторские указания вышестоящих органов как руководящий материал. В свою очередь сотрудникам волостных исполкомов следовало производить периодические инструктирования сельсоветов. Самым результативным способом взаимодействия вышестоящих организаций (областных и уездных органов, отдела внутреннего управления, областной рабоче-крестьянской инспекции, прокуратуры, налоговой, НКВД и др.) с низовыми органами власти (волисполкомы, сельсоветы) были признаны выезды на места.

Ключевые слова: Коми автономная область, органы власти, волостной исполнительный комитет, сельский совет, инструктирование, 1920-е годы

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Каракчиев В. Н. Инструктирование («живая» связь) низовых органов власти в Коми автономной области в 1920-е годы // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2024. Т. 10. № 3. С. 204–211. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-204-211>

INSTRUCTING (“LIVE” COMMUNICATION) OF GRASSROOTS AUTHORITIES OF THE KOMI AUTONOMOUS REGION IN THE 1920S

V. N. Karakchiev

Institute of Language, Literature and History, Syktывkar, Russian Federation

Abstract. Working to improve the quality of government activities is the most important task for the effective development of the management system in the country. In the 1920s, the higher authorities of the Komi Autonomous Region interacted with the lower ones in four forms, namely telephone, telegraph, postal and “live”. Field visits by instructors contributed to the prompt identification of current problems in government departments and improved the quality of work of local authorities. Purpose: to study the most important aspects and practical application of instructing the lower authorities of the Komi Autonomous Region in the 1920s. The article uses literature and archival sources to study the basics of “live” interaction between authorities in the region. The work uses general scientific research methods (analysis, comparison, description). The basic principles of instructing volost executive committees and village councils of the Komi Autonomous Region are set out in documents and materials of governing bodies. The authorities, due to the identified unsatisfactory work

on the ground, have recognized it as necessary to organize regular briefings for the volost executive committees to familiarize themselves with all orders of the highest bodies of Soviet power, as well as to identify shortcomings and eliminate emerging issues. The instructors helped eliminate shortcomings, jointly drew up a work plan, organized meetings, and prepared inspection reports with conclusions. Voluntary executive committees and village councils had to use the instructions of higher authorities as guiding material. In turn, employees of the volost executive committees should periodically instruct the apparatus of the village councils. Field visits were recognized as the most effective way of interaction between higher-level organizations (regional and county bodies, internal administration department, regional workers' and peasants' inspection, prosecutor's office, tax office, NKVD, etc.) with lower-level authorities (volost executive committees, village councils).

Keywords: Komi Autonomous Region, authorities, volost executive committee, village council, instructions, 1920s

The author declares no conflict of interest.

For citation: Karakchiev V. N. Instructing ("live" communication) of grassroots authorities of the Komi Autonomous Region in the 1920s. *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*. 2024, vol. 10, no. 3, pp. 204–211. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-204-211>

Введение

Организация эффективной системы государственного управления после установления советской власти в 1917 г. являлась важнейшей задачей для вышестоящих органов. Вскоре после избрания центральных аппаратов (СНК, ВЦИК и др.) был запущен процесс образования советских властных структур в регионах. На местах функции управления стали выполнять волостные исполнительные комитеты. Волисполкомы являлись звеном в системе ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет) – ОИК (областной исполнительный комитет, облисполком) – УИК (уездный исполнительный комитет, уисполком) – ВИК (волостной исполнительный комитет, волисполком), поэтому директивы (постановления, инструкции, положения и др.), поступающие различными путями от вышестоящих органов власти, должны были осуществляться через низовые органы власти. В Коми крае волисполкомы были образованы в 1918–1920 гг. и занимались выполнением административных, социально-экономических и культурных задач. Следует отметить, что в ходе революционных событий полностью сменилась политическая элита Коми региона. На смену имперским российским чиновникам пришли новые люди (причем не только из интеллигенции), в основном этнические коми (зыряне) [1, с. 116]. В августе 1921 г. была образована Коми автономная область, состоящая из 100 волостей, четырех уездов (Усть-Сысольский (с 1926 г. Сы-

сольский), Усть-Куломский, Усть-Вымский, Ижмо-Печорский) и одного города (г. Усть-Сысольск (совр. г. Сыктывкар)). В январе 1922 года I областной съезд Советов избрал Коми областной исполнительный комитет – высший исполнительный орган в регионе [2, с. 54]. Вся полнота власти формально была в руках волостных, уездных и областных съездов Советов. В перерывах между съездами исполнительную власть осуществляли соответствующие исполкомы: волостные, уездные, областные [3, с. 868]. В процессе районирования Коми области вместо 95 волисполкомов, 40 сельсоветов и 4 уисполкомов были избраны 119 сельсоветов и 9 райисполкомов [4, с. 321]. После ликвидации в 1929 г. системы волостных съездов Советов низовыми звеньями государственной власти стали районные съезды Советов [5, с. 102]. В 1929 году произошло включение Коми автономной области (далее Коми АО) в новый административно-экономический район Северный край (с центром в г. Архангельске) [6, с. 136]. В 1936 году регион, преобразованный в Коми АССР, вышел из Северного края и избавился от подчинения Архангельску [7, с. 18].

По данным Коми областного статистического бюро, на 1 января 1921 г. на территории области проживало 181 тыс. чел. [8, с. 45]. Согласно первой Всесоюзной переписи населения 1926 г., численность населения региона составляла 207 314 человек. Из них 200 549 человек (96,7 %) проживали в сельской местности и 6765 человек

(3,3 %) – в городской [9, с. 26]. Крестьянство являлось основной частью населения области (96–97 %) [10, с. 178]. Абсолютное большинство жителей области занимались сельским хозяйством и промыслами [11, с. 50]

Взаимодействие региональных властей (обл-исполком, уисполкомы, волисполкомы, сельсоветы) осуществлялось в четырех формах: телефонная, телеграфная, почтовая и «живая» (выезды инструкторов на места) связь. Телефонная и телеграфная охватывали небольшую часть волостей, т. к. из-за большой отдаленности населенных пунктов от уездных центров не было возможности проведения кабеля. Основной формой связи оставалась почтовая, благодаря которой осуществлялась переписка (отправка постановлений, представление отчетов, передача протоколов и другой документации) между различными уровнями органов власти путем разноски попутчиками. В связи с тем что на местах были выявлены многократные факты халатного отношения сотрудников к своим обязанностям, несоблюдение графика работы, неудовлетворительное распределение обязанностей и др., вышестоящими органами было принято решение об организации инструктирования низовых аппаратов. «Живая» связь осуществлялась представителями областных и уездных властей (работники ОИК и УИК, налоговые сотрудники, финансовые инспекторы, представители прокуратуры и НКВД и др.) на местах для выполнения различных задач (обследование аппарата, выявление недостатков, помощь в организации различных кампаний и др.). Выезды на места инструкторов помогали оперативно выявить (и по возможности устранить) актуальные проблемы на низовом уровне и, соответственно, повысить качество работы местных властей.

Цель исследования

Изучить важнейшие аспекты и практическое применение инструктирования низовых органов власти Коми автономной области в 1920-е годы.

Материалы и методы

Материалы об организации управления и общественно-политических процессах в Коми автономии проанализированы в трудах А. К. Гагевой, Л. А. Кызьюрова, М. В. Таскаева, М. Б. Рогачева [3; 5; 1; 4]. Данные о численно-

сти населения в регионе проанализированы в работах Н. П. Безносовой И. Л. Жеребцова, В. А. Саблина, В. В. Фаузера [8; 9]. Отдельные аспекты деятельности волостных исполнительных комитетов представлены в работе В. Н. Каракчиева [2]. В статью включены архивные источники ГАРФ и Национального архива Республики Коми, а также сборник документов и протоколы областных съездов Советов. В работе применены общенаучные методы исследования (анализ, сравнение, описание).

Результаты исследования, обсуждения

Основы инструктирования волисполкомов и сельсоветов изложены в документах и материалах органов власти (резюльции съездов Советов Коми автономной области, схемы отчетов и положения волисполкомов и др.). Так, в Положении о работе отдела по внутреннему управлению при волисполкоме от 1 декабря 1920 г. обозначено, что укрепление аппарата советской власти на местах возможно лишь путем инструктирования и постоянной живой связи волостных учреждений с уездными организациями и центром. Властями было признано необходимым инструктирование волостных исполкомов для ознакомления со всеми распоряжениями высших органов советской власти, а также для устранения на местах возникающих вопросов. В документе отмечалось, что указанную работу следовало осуществлять регулярно. Инструктирующий в первую очередь был обязан основательно ознакомиться с работой волисполкома, а далее выявить (и по возможности устранить) все недочеты и дефекты органа управления. Все замечания и указания инструктор должен был лично передать представителям органа власти. Для волисполкома все инструкторские указания необходимо было применять как руководящий материал, а в случае несогласия имелась возможность протестовать уездному отделу управления¹. В резолюции по советскому строительству III-го областного Съезда Советов Коми области от 21 декабря 1923 г. указано признать первоочередной задачей дальнейшее укрепление низовых советских аппаратов, которое могло быть достигнуто путем не только

¹ Формирование нормативно-правовой базы деятельности волостных исполнительных комитетов Коми автономной области 1920-х годов: сборник документов / сост. В. Н. Каракчиев. Сыктывкар, 2023. С. 103–104.

улучшения материального положения и эффективного подбора сотрудников, но и с помощью инструктирования со стороны УИК и ОИК, активно практикующих выезды на места¹. На IV Коми областном съезде (8–15 декабря 1924 г.) было указано выделить в каждом районе региона опытно-показательный волисполком, который должен был быть в центре особого наблюдения и инструктирования². На V областном съезде советов (24 января – 4 февраля 1926 г.) председатель Коми ОИК Е. М. Мишарин поручил укрепить инструкторский аппарат и увеличить количество выездов на места. На съезде отмечен факт отсутствия регулярного аппарата и недостаток инструкторов, в связи с чем членам ОИК, выполняя свои служебные обязанности, приходилось производить инструктирование попутно. Этот способ был признан не совсем удачным, т. к. сотрудники не были достаточно осведомлены о деятельности волисполкомов³. На VI областном съезде советов (20–27 марта 1927 г.) говорилось о необходимости расширения инструкторского аппарата. Там же указано производить ревизионные обследования низовых органов не реже двух раз в год⁴. По Положению волисполкомов от 16 октября 1924 г. на волостные власти возлагалось руководство и контроль над деятельностью сельских советов. В частности, волисполкомы были обязаны оповещать сельсоветы обо всех постановлениях Правительства, созывать совещания председателей сельсоветов, производить периодические инструктирования и др.⁵. В схеме трехмесячных отчетов волисполкомов от 1926 г. низовым орга-

нам управления следовало указывать формы «живой» связи с уездными властями, сельсоветами, отдельными селениями⁶. По схеме полугодовых отчетов волисполкомам следовало сообщать, были ли проведены обследования и инструктирования сельсоветов⁷. В годовом отчете волисполкомам требовалось представлять данные о реализации периодических обследований сельсоветов и инструктирований ВИК вышестоящими структурами (ОИК, УИК и др.)⁸. В примерной схеме руководства и контроля волисполкома над деятельностью сельсоветов от 1928 г. указаны следующие принципы организации «живой» связи: 1) установить регулярные выезды членов ВИК не менее двух-трех раз в год в каждый сельсовет с целью ознакомления с их работой; 2) созывать не менее 4-х раз в год совещания председателей и секретарей сельсоветов по вопросам массовой и организационно-административной работы; 3) ставить на каждом заседании волисполкома устные доклады председателей сельсоветов об их деятельности; 4) устраивать открытые совместные заседания волисполкомов с сельсоветами⁹.

В начале 1920-х гг. Народный комиссариат внутренних дел Коми АО, после произведенных в волисполкомах ревизионных обследований, установил в большинстве волостей неудовлетворительную организацию работы властей на местах. В документе отмечалось, что письменное инструктирование не дает положительных результатов, и работоспособность ВИК находится на низком уровне¹⁰. Плохая организация работы местных исполкомов была отмечена в большинстве волостей Ижмо-Печорского и Сысольского, а также в некоторых волостях Усть-Вымского и Усть-Куломского уездов. Выводы, к которым пришли органы внутреннего управления после проверок: отсутствие планирования в работе, неудовлетворительное распределение обязанностей между сотрудниками, плохая постановка делопроизводства. Причинами такого состояния назывались низкий уровень образования сотрудников, частая сменяемость и материальная необеспеченность [2, с. 55].

¹ Формирование нормативно-правовой базы деятельности волостных исполнительных комитетов Коми автономной области 1920-х годов: сборник документов / сост. В. Н. Каракчиев. Сыктывкар, 2023. С. 119.

² Протоколы 4-го областного съезда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной области Коми. 8–15 октября 1924. Усть-Сысольск, 1925. С. 23.

³ V областной съезд советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Коми АО. Журналы съезда, происшедшего 24 января – 4 февраля 1926 г. Усть-Сысольск, 1926. С. 59.

⁴ VI областной съезд советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Коми АО. Журналы резолюции съезда, происшедшего с 20 по 27 марта 1927 г. Усть-Сысольск, 1927. С. 24, 197.

⁵ Формирование нормативно-правовой базы деятельности волостных исполнительных комитетов Коми автономной области 1920-х годов: сборник документов / сост. В. Н. Каракчиев. Сыктывкар, 2023. С. 38.

⁶ Там же. С. 151.

⁷ Там же. С. 157.

⁸ Там же. С. 145.

⁹ Там же. С. 163.

¹⁰ ГУРК «НА РК». Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 971. Л. 7–7 об.

Заведующий Коми областным отделом внутреннего управления Зырянский 16 ноября 1922 г. докладывал, что волисполкомы, не инструктируемые уездными властями, разложились и потеряли всякую работоспособность. В связи с указанными фактами областным отделом управления были откомандированы инструктора и уполномоченные во все уезды¹. Инструктирование волисполкомов Коми автономной области осуществлялось представителями вышестоящих органов власти, в т. ч. работниками прокуратуры и внутренних дел, земельного управления, крестьянского комитета общественной помощи, налоговой, отдела социального обеспечения, уполномоченными ОИК и УИК. Заведующий организационно-инструкторским подотделом областного комиссариата внутренних дел В. И. Потапов докладывал комиссару внутренних дел Коми АО о командировке в волости Усть-Сысольского уезда (Небдинскую, Важкурскую, Пезмогскую, Корткеросскую, Маджскую волости) для проведения ревизии и инструктирования волисполкомов. В ходе работы в 1922 г. в отдельных аппаратах управления им были выявлены халатное отношение к выполнению служебных обязанностей, несоблюдение графика работы, слабая постановка делопроизводства и т. д. Инструктором даны указания по исправлению несоответствий, а также организации канцелярской работы согласно последним циркулярным распоряжениям вышестоящих властей. В. И. Потапов отметил, что сотрудники относятся к разъяснениям и инструктированию охотно².

В феврале 1925 года Коми облисполком разработал план ревизионных обследований волисполкомов и предложил после каждого обследования специалистами один экземпляр акта предоставлять для ознакомления и учета работ Президиуму ОИКа, второй – УИКу, а третий – оставлять в ВИКе. По прибытии инструктирующих лиц в ВИК им следовало сначала ознакомиться с актами, составленными ранее работавшими в этом учреждении ревизорами и инструкторами и, проверив состояние работы в момент настоящей ревизии, делать выводы об улучшении или ухудшении работы исполко-

мов со времени последней ревизии и об исправлении недочетов, указанных в прежнем акте. Результаты выводов следовало вносить во вновь составляемый акт³.

В соответствии с директивами одного из Усть-Куломских уездных съездов инструктор охватил обследованием и инструктирование первично 28 волисполкомов и 3 сельсовета, повторно – 7 волисполкомов и 1 сельсовет, третично – 2 волисполкома. Соответственно, все волисполкомы указанного уезда и половина сельсоветов были охвачены плановым инструктированием⁴. Тем не менее по области зафиксированы неоднократные факты того, что имеется нехватка инструктированных в волостях (особенно в отдаленных)⁵. При обследовании инструкторами давались указания по организации работы и устранению выявленных недостатков обследуемых ВИК, составлялись планы работ, устраивались заседания Президиума и Пленумы ВИК. В завершении работы составлялись акты обследования с подробными письменными заключениями⁶. Обследования волисполкомов (Изваильского, Помоздинского, Керчомского и др.) Усть-Куломского уезда в середине 1920-х гг. показали некоторый сдвиг в сторону улучшения, но оставались различные недочеты⁷.

На разработку материалов на месте, обследование и инструктирование одного волисполкома предусматривался период до месяца⁸. По данным годового отчета Ношульского ВИК (Сысольский уезд) «живая» связь волисполкома осуществлялась как с уездными, так и с областными учреждениями (сотрудниками прокуратуры, земельного управления, отделом местного финансирования, областным отделом труда). Постановка работы была признана удовлетворительной, указания выполнялись своевременно⁹. В годовом отчете Ибского ВИК (Сысольский уезд) указано, что взаимодействие с вышестоящими организациями большей частью была письменной. Но были и «живые» инструктирования,

³ ГУРК «НА РК». Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 142. Л. 30.

⁴ ГУРК «НА РК». Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 18. Л. 4 об.

⁵ ГУРК «НА РК». Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1000. Л. 65 ; ГУРК «НА РК». Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 42. Л. 20 об. ; ГУРК НАРК Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 88. Л. 58 и др.

⁶ ГУРК «НА РК» Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 382. Л. 446.

⁷ ГУРК «НА РК» Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 88. Л. 58.

⁸ ГУРК «НА РК». Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 474. Л. 2.

⁹ ГУРК «НА РК». Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 25. Л. 38.

¹ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 35. Д. 541. Л. 148.

² Там же. Л. 135.

на которых давались рекомендации по составлению плана работы, изучению экономического положения волости, налаживанию деятельности по переделу земли и др.¹. Безусловно, выезды на места различных инструкторов сыграли положительную роль в повышении качества работы и улучшении результативности низовых аппаратов власти на местах.

Заключение

Взаимодействие региональных органов власти в Коми автономной области в 1920-е гг. осуществлялось при помощи письменной (почтовая переписка), телефонной, телеграфной и «живой» (инструктирование, выезды на места) связи. Самым эффективным способом для оперативного решения задач были признаны выезды на места представителей вышестоящих органов власти. Волисполкомы посещали инструкторы ОИК и УИК, сотрудники отдела внутреннего управления, областной рабочей-крестьянской инспекции, прокуратуры, финан-

совые инспекторы, налоговые сотрудники, работники НКВД и др. Инструктирование было связано с плановыми обследованиями, выявлением проблем в организации работы, проведением различных хозяйственно-политических кампаний (перевыборы в Советы, лесозаготовка, сплавы, проведение сельскохозяйственных кампаний и др.). Работники были обязаны прислушиваться к советам инструкторов, чтобы устранить имеющиеся недостатки. По такому же принципу (выезды на места) работали сотрудники волисполкомов с подчиняющимися им сельсоветами. Зафиксированы факты недостаточного количества инструктирования в волостях, особенно находящихся в отдалении от столицы региона и уездных центров. Благодаря инструктированию решались актуальные вопросы на местах, что позволило повысить уровень работы низовых органов власти в Коми автономной области и в конце 1920-х гг. приступить к выполнению новых государственных задач (коллективизация, индустриализация и др.).

¹ ГУРК «НА РК». Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 33. Л. 33 об.

1. Таскаев М. В. Этнорегиональный фактор социальной трансформации общества (на примере автономизации Коми края) // Социальные трансформации Северного региона: исторический опыт и современность : сб. статей. Сыктывкар : ГОУ ВО КРАГСИУ, 2021. С. 112–120. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46249476> (дата обращения: 08.09.2024).

2. Каракиев В. Н. Деятельность волостных исполнительных комитетов Коми автономной области в 1920-е годы. Сыктывкар : ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. 146 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49531837> (дата обращения: 08.09.2024).

3. Гагиева А. К., Кызьюров Л. А. Партийное руководство избирательными процессами в Коми автономной области в 1920-е гг. // Вестник архивиста. 2022. № 3. С. 862–876. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2022-3-862-876>

4. Таскаев М. В., Рогачев М. Б. Общественно-политические процессы в Коми АО в 1920-е гг. // История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2011. Т. 2. С. 314–322.

5. Гагиева А. К., Кызьюров Л. А. Исторический опыт становления избирательных процессов и формирование избирательных технологий при проведении выборов в органы законодательной власти в Коми области, Коми АССР (1917–1936). Сыктывкар : Коми республиканская академия государственной службы и управления, 2021. 156 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46636071> (дата обращения: 08.09.2024).

6. Кузванова О. Ю., Попов А. А., Сметанин А. Ф. В начале пути (Очерки истории становления и развития Коми автономии). Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 1996. 198 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26002474> (дата обращения: 08.09.2024).

7. Жеребцов И. Л. Коми: от области к республике // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2016. № 3 (27). С. 15–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27258447> (дата обращения: 08.09.2024).

8. Безносова Н. П., Жеребцов И. Л., Саблин В. А. Миграции населения Коми автономии в 1920–1930-е годы // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2023. № 8 (66). С. 44–51. DOI: <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2023-8-44-51>

9. Фаузер В. В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение. Ижевск : Принт, 2023. 308 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67431766> (дата обращения: 08.09.2024).

10. Яков В. В. Крестьянство Коми АО в период НЭПа, индустриализации, коллективизации (1920–1930-е гг.). Екатеринбург : РИО УрО РАН, 2012. 216 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24793256> (дата обращения: 08.09.2024).

11. Жеребцов И. Л., Лейман И. И. Создание Коми автономии как результат национальной политики большевиков // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2021. № 4. С. 44–53. DOI: <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-44-53>

Статья поступила в редакцию 19.09.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 15.11.2024.

Об авторе

Каракчиев Владислав Николаевич

кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0382-5177>, karakchiev.vlad@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Taskaev M. V. Etnoregional'nyi faktor sotsial'noi transformatsii obshchestva (na primere avtonomizatsii Komi kraia) [Ethnoregional factor of social transformation of society (on the example of autonomization of the Komi region)]. *Sotsial'nye transformatsii Severnogo regiona: istoricheskii opyt i sovremennost'* : sb. statei = Social transformations of the Northern region: historical experience and modernity : collection of articles. Syktyvkar, Komi Republican Academy of Public Service and Management Publ. house, 2021, pp. 112–120. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46249476> (accessed 08.09.2024). (In Russ.).

2. Karakchiev V. N. Deyatel'nost' volostnykh ispolnitel'nykh komitetov Komi avtonomnoi oblasti v 1920-e gody: monografiya [Activities of the volost executive committees of the Komi Autonomous Region in the 1920s: monograph]. Syktyvkar, Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ. house, 2022, 146 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49531837> (accessed 08.09.2024). (In Russ.).

3. Gagieva A. K., Kyzuyurov L. A. Partiinoe rukovodstvo izbiratel'nymi protsessami v Komi avtonomnoi oblasti v 1920-e gg. [Party Management of Electoral Processes in the Komi Autonomous Region in the 1920s]. *Vestnik arkhivista* = Herald of an archivist, 2022, no. 3, pp. 862–876. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2022-3-862-876>

4. Taskaev M. V., Rogachev M. B. Obshchestvenno-politicheskiye protsessy v Komi AO v 1920-e gg. [Socio-political processes in the Komi Autonomous Okrug in the 1920s]. *Istoriya Komi s drevneyshikh vremen do sovremennosti* = History of Komi from ancient times to the present. Syktyvkar, Institute of Language, Literature and History Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ. house, 2011, vol. 2, pp. 314–322. (In Russ.).

5. Gagieva A. K., Kyzuyurov L. A. Istoricheskii opyt stanovleniya izbiratel'nykh protsessov i formirovanie izbiratel'nykh tekhnologii pri provedenii vyborov v organy zakonodatel'noi vlasti v Komi oblasti, Komi ASSR (1917–1936) [Historical experience in the formation of electoral processes and the formation of electoral technologies during elections to legislative bodies in the Komi region, Komi ASSR (1917–1936)]. Syktyvkar, Komi Republican Academy of Public Service and Management Publ. house, 2021, 156 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46636071> (accessed 08.10.2024). (In Russ.).

6. Kuzivanova O. Yu., Popov A. A., Smetanin A. F. V nachale puti (Ocherki istorii stanovleniya i razvitiya Komi avtonomii) [At the beginning of the path (Essays on the history of the formation and development of Komi Autonomy)]. Syktyvkar, Institute of Language, Literature and History Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ. house, 1996, 198 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26002474> (accessed 08.09.2024). (In Russ.).

7. Zhrebtsov I. L. Komi: ot oblasti k respublike [Komi: from region – to the republic]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* = Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences, 2016, no. 3 (27), pp. 15–22. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27258447> (accessed 08.09.2024). (In Russ.).

8. Beznosova N. P., Zhrebtsov I. L., Sablin V. A. Migratsii naseleniya Komi avtonomii v 1920–1930-e gody [Migrations of the population of Komi Autonomy in the 1920s – 1930s]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* = Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences, 2023, no. 8 (66), pp. 44–51. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2023-8-44-51>

9. Fauzer V. V. Respublika Komi na rubezhe vekov: demografiya, migratsiya, rasselenie. [The Komi Republic at the turn of the century: demography, migration, resettlement]. Izhevsk, Print LLC, 2023, 308 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67431766> (accessed 08.09.2024). (In Russ.).

10. Yakob V. V. Krest'yanstvo Komi AO v period NEPa, industrializatsii, kollektivizatsii (1920–1930-e gg.). [The peasantry of the Komi Autonomous region during the NEP period, industrialization, collectivization (1920–1930s)]. Ekaterinburg, RIO UB RAS Publ. house, 2012, 216 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24793256> (accessed 08.09.2024). (In Russ.).

11. Zherebtsov I. L., Leiman I. I. Sozdanie Komi avtonomii kak rezul'tat natsional'noi politiki bol'shevikov [Creation of Komi Autonomy as a result of the national policy of the Bolsheviks]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* = Journal of the Belarusian State University. History, 2021, no. 4, pp. 44–53. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-44-53>

The article was submitted 19.09.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 15.11.2024.

About the author

Vladislav N. Karakchiev

Ph. D. (History), Researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Center “Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences” (26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar 167982, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0382-5177>, karakchiev.vlad@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript

УДК 930

DOI: 10.30914/2411-3522-2024-10-3-212-219

УЧАСТНИКИ ПОЛИТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ КАТАЛОНИИ**М. В. Кирчанов***Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация*

Аннотация. Автор в представленной статье анализирует региональные формы и особенности актуальной модели исторической политики в современной Испании в контекстах мемориальных культур автономных сообществ на примере опыта Каталонии. Целью исследования является анализ современной политики памяти Каталонии в начале 2020-х годов. Автор анализирует роль и место региональных интеллектуальных сообществ и политических элит как основных участников генезиса памяти и функционирования мемориальной культуры и коллективной исторической памяти в современных общественных, идеологических и политических дискурсах Испании на региональном уровне. Новизна исследования заключается в изучении актуального (современного) этапа в развитии исторической политики испанского социума на уровне Каталонии в контекстах объективного дефицита междисциплинарных исследований, сфокусированных на анализе мемориальных культур и исторических политик миноритарных групп и национализмов в странах Южной Европы, выполненных с привлечением оригинальных источников и достижений современной междисциплинарной историографии, сфокусированной на анализе исторической политики, мемориальных культур и исторических коллективных памятей. В статье показано, что 1) интеллектуальные сообщества Каталонии являются системными сегментами современного общества, которые вносят значительный вклад в развитие и трансформацию мемориальной культуры, 2) спектр мемориальных практик каталонских интеллектуалов ограничен преимущественно их участием в укреплении гражданской и этнической идентичности, 3) мемориальные практики Каталонии взаимосвязаны с развитием гражданского дискурса на региональном уровне и переосмыслением исторического опыта XX века через призму идеологии миноритарных национализмов. Предполагается, что участие региональных интеллектуалов в мемориальной политике актуализирует политическую, идеологическую и этническую гетерогенность общества.

Ключевые слова: Испания, Каталония, коллективная память, регионализм, миноритарные национализмы, интеллектуалы, историческая политика, войны памяти, исторический ревизионизм, культура памяти

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кирчанов М. В. Участники политики исторической памяти в современной Каталонии // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2024. Т. 10. № 3. С. 212–219. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-212-219>

PARTICIPANTS OF THE POLICY OF HISTORICAL MEMORY IN MODERN CATALONIA**M. V. Kirchanov***Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation*

Abstract. The author in the presented article analyses the regional forms and features of the current model of historical politics in modern Spain in the context of memorial cultures of the Autonomous Communities using the example of Catalonia. The purpose of the study is to analyse the contemporary politics of memory in Catalonia in the early 2020s. The author analyses the role and place of regional intellectual communities and political elites as the main participants in the genesis of memory and the functioning of memorial culture and collective historical memory in modern social, ideological and political discourses of Spain at the regional level. The novelty of the research lies in the study of the current (modern) stage in the development of the historical policy of Spanish society at the level of Catalonia in the context of an objective lack of interdisciplinary research, focused on the analysis of memorial cultures and historical policies of minority groups and nationalisms in the countries of Southern Europe, carried out using original sources and achievements modern interdisciplinary historiography, focused on the analysis of historical politics, memorial cultures and historical collective memories. The article shows that 1) intellectual communities of Catalonia

are systemic segments of modern society that make a significant contribution to the development and transformation of memorial culture, 2) the range of memorial practices of Catalan intellectuals is limited primarily by their participation in strengthening civic and ethnic identity, 3) memorial practices of Catalonia are interconnected with the development of civil discourse at the regional level and the rethinking of the historical experience of the twentieth century through the prism of the ideology of minority nationalisms. It is assumed that the participation of regional intellectuals in memorial policy actualizes the political, ideological and ethnic heterogeneity of society.

Keywords: Spain, Catalonia, collective memory, regionalism, minority nationalisms, intellectuals, historical politics, memory wars, historical revisionism, culture of memory

The author declares no conflict of interest.

For citation: Kirchanov M. V. Participants of the policy of historical memory in modern Catalonia. *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*. 2024, vol. 10, no. 3, pp. 212–219. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-212-219>

Введение

Историческая политика в современном мире представляет собой одну из универсальных политических стратегий и тактик, с помощью которых правящие элиты конструируют такие коллективные взгляды на прошлое, которые соответствуют их идеологическим и культурным предпочтениям. Современная Испания не является исключением из этой универсальной логики инструментализации истории и интеграции коллективных идей о прошлом в арсенал мобилизационных ресурсов политических элит. Мемориальная культура современной Испании характеризуется одновременным и параллельным сосуществованием и соразвитием различных форм коллективной исторической памяти и, как следствие, разных мемориальных практик и связанных с ними мемориальных культур.

Политика памяти в Испании: региональные уровни

Гетерогенность является системной характеристикой испанской модели мемориальной культуры, что в значительной степени связано и отягощено тенденциями последовательной политизации и идеологизации представлений о прошлом. Такая ситуация представляется фактически неизбежной в Испании как многосоставном и регионализированном государстве, где исторически сложившиеся регионы, институционализованные на уровне автономных сообществ, не только сохраняют и воспроизводят культурное и языковое разнообразие, но и эффективно используют историю как мобилизационный ресурс [1], что

превращает региональные политические элиты не только в фактор развития местных мемориальных культур, но и делает их акторами исторической политики, так как исторические представления о XX столетии, опыте гражданской войны и наследии франкизма [2] стимулируют не только регулярные рефлексии относительно истории со стороны интеллектуалов, но и подчеркивают политические и идеологические противоречия в рамках общества в целом.

Эта тенденция хронологически восходит к событиям XX века, когда на территории Испании была провозглашена республика, а испанское общество оказалось втянутым в политический и идеологический конфликт, который привел не только к гражданской войне, но и завершился победой Ф. Франко и установлением в стране авторитарного политического режима. Последний также оказал существенное влияние на коллективные не академические, но массовые, общественные и социальные, представления о прошлом, которые мы определяем как мемориальная культура.

Таким образом, к 1970-м гг. испанское общество накопило уникальный и значительный опыт политически и идеологически мотивированной проработки прошлого, что привело к актуализации тенденций к гетерогенизации и множественному параллельному, разнонаправленному развитию различных версий прошлого, что позволило испанским интеллектуалам не только писать различные версии национальных и региональных историй, но и подкреплять и легитимировать последние с использованием различных форм коллективной исторической памяти.

На современном этапе испанское общество представляет пример того социума, который разделен параллельно (со)существующими версиями исторических коллективных памяти. В свою очередь для них характерны разновекторные и разнонаправленные модели развития и функционирования исторической памяти в публичных и общественных пространствах.

Цель и задачи статьи

Исходя из охарактеризованной выше специфики испанского общества как глубоко регионализованного социума и принимая во внимание то, что уникальный опыт проведения как собственной исторической политики, так и развития производимой от нее мемориальной культуры в современной Испании имеет Каталония, где правовой основой для проведения политики памяти является Закон № 11/2017 о компенсации жертвам франкизма, принятый 4 июля 2017 г.¹

Целью данной статьи является изучение региональной исторической памяти и связанных с ней мемориальных культур в Каталонии. В число задач автора входит 1) анализ региональных представлений о прошлом через призму неакадемической историографии, но инструментализированного подхода к прошлому, который представлен различными формами проработки прошлого в рамках исторической политики Каталонии, 2) изучение основных особенностей мемориальных культур Каталонии на региональном уровне, 3) выявления тенденций и перспектив развития исторической памяти в современном испанском обществе в условиях последовательной регионализации как политической жизни, так и мемориальной культуры Каталонии как одного из Автономных Сообществ.

Методология

В плане методологии данная статья актуализирует достижения современной историографии, сфокусированной на изучении феномена коллективной исторической памяти в контекстах междисциплинарности. Анализируя различные формы исторической политики и производных от нее

мемориальных культур в современной Испании, автор полагает возможным использовать концепции изобретения традиций и воображения сообществ. С одной стороны, концепт воображения сообществ позволяет проанализировать, как различные региональные социальные культурные группы конструируют свои собственные представления о прошлом, формируя альтернативные формы памяти, которые могут параллельно развиваться друг с другом или конкурировать с общенациональными версиями исторической памяти. Что касается концепта изобретения традиций, то в его рамках различные формы памяти в частности и коллективные памяти в целом можно воспринимать не просто как социальные культурные конструкты, но и как изобретенные политические и культурные традиции, которые позволяют испанским интеллектуалом на региональном уровне эффективно использовать мобилизационный потенциал прошлого, актуализируя его эффективность для решения стоящих перед ними политических задач.

Главное управление демократической памяти как участник мемориальной политики

Состав акторов исторической политики в Каталонии отличается относительным разнообразием, включая в себя как государственные, так и общественные институты, вовлеченные в проведение политики памяти и ответственные за формирование и развитие мемориальной культуры. Ведущую роль в проведении исторической политики играет Главное управление демократической памяти (Direcció General de Memòria Democràtica), основной специализацией которого является изучение франкизма, его визуализация в публичных и общественных пространствах региона с целью как формирования и продвижения исключительно негативного и отрицательного образа авторитаризма, так и его последующая деконструкция из самосознания. Последнее должно достигаться в рамках реализации программ, направленных на формирование памяти, определяемой участниками, вовлеченными в ее развитие, как «демократическая»².

Главное управление активно вовлечено в поиск мест массовых расстрелов с целью картирования

¹ Llei 3/2017, de 4 de juliol, de pressupostos generals de la comunitat autònoma de castella i lleó per a l'any 2017. URL: <https://www.colegionotarial.org/ca/legislació/llei-32017-4-juliol-pressupostos-generals-comunitat-autònoma-castella-i-lleó-lany-2017> (дата обращения: 03.06.2024).

² Memòria democràtica. URL: <https://justicia.gencat.cat/ca/ambits/memoria/> (дата обращения: 03.06.2024).

и визуализации этих пространств в современной Каталонии¹. Подобной активности участники исторической политики в Каталонии уделяют особое внимание, полагая, что «мемориальное наследие, материальное и нематериальное, отражающее борьбу и конфликты за достижение демократических прав и свобод с момента провозглашения Второй республики до демократического перехода»², имеет принципиальное значение для развития и консолидации современной каталонской идентичности. Укрепление идентичности активности исторической политики связывают с необходимостью маргинализации франкизма и его деконструкции из коллективной исторической памяти.

Именно поэтому история не только делает существование нации законной, но без переосмысления коллективного исторического и политического опыта «нация не является нацией и поэтому императив о написании истории очень важен для любых националистов, так как история используется для легитимации государства, для борьбы за равноправие с другими народами» [3, р. 467]. По мнению польского историка Р. Трабы, «когда “пишется” коллективная память, она отражает определенную политическую и общественную конъюнктуру, а не только повествует о давно минувших событиях» [4, р. 3], поэтому в современном испанском случае значение, действительно, в большей степени имеет не нация, а политические и идеологические производные, связанные с переосмыслением франкизма и его деконструкции из публичных и общественных пространств.

В рамках такой модели проведения политики памяти мемориальная культура конструируется как дихотомия, основанная на противопоставлении каталонизма и франкизма, в связи с чем подчеркивается, что «окончание гражданской войны означало подавление каталонской автономии и преследование ее языка и культуры: началась долгая ночь франкизма – диктатуры, которая до последнего момента делила обще-

ство на победителей и побежденных»³. С этим аспектом в деятельности Главного управления связана организация специализированных выставок, посвященных репрессивной политике франкизма, направленных против каталонских националистов⁴. В рамках реализации демократической политики памяти ее институционализированные участники значительное внимание уделяют актуализации именно антропологического, человеческого измерения в мемориальной культуре региона, подчеркивая, что память о жертвах политических репрессий франкизма⁵ имеет принципиальное значение для укрепления современной каталонской идентичности.

Усилению и укреплению последней содействуют мемориальные практики, связанные с проведением исторической политики и, которые фактически стали изобретенными гражданскими традициями. Важнейшими мемориальными традициями в современной политике памяти Каталонии следует признать Национальный день изгнания и депортации⁶, празднование битвы при Эбро⁷, Национальный день памяти жертв гражданской войны и жертв репрессий диктатуры Франко⁸, День памяти жертвам битвы при Эбро у мемориала Кампозинес⁹. Среди современных изобретенных мемориальных традиций особое место занимают политические ритуалы, связанные

³ Vencedors i vençuts. Exposició sobre l'escenari de la postguerra a Catalunya. URL: <https://memoria.gencat.cat/ca/que-fem/exposicions/exposicions-itinerants/vencedors-i-vençuts/> (дата обращения: 03.06.2024).

⁴ Exposició “Les presons de la repressió franquista a Tarragona”. URL: <https://justicia.gencat.cat/ca/ambits/memoria/Reconeixement-i-reparacio/presonstgn/> (дата обращения: 03.06.2024).

⁵ Persones desaparegudes. URL: <https://justicia.gencat.cat/ca/ambits/memoria/Persones-desaparegudes/> (дата обращения: 03.06.2024).

⁶ Dia Nacional de l'Exili i la Deportació. URL: <https://justicia.gencat.cat/ca/ambits/memoria/Foment-de-la-memoria/reconeixement/exili/> (дата обращения: 03.06.2024).

⁷ Commemoració de la Batalla de l'Ebre. URL: <https://justicia.gencat.cat/ca/ambits/memoria/Foment-de-la-memoria/reconeixement/homenatge-bibero/> (дата обращения: 03.06.2024).

⁸ Dia Nacional en Memòria de les Víctimes de la Guerra Civil i Víctimes de la Repressió de la Dictadura Franquista. URL: <https://justicia.gencat.cat/ca/ambits/memoria/Foment-de-la-memoria/reconeixement/victimes-dictadura-franquista/> (дата обращения: 03.06.2024).

⁹ Homenatge a les víctimes de la Batalla de l'Ebre al Memorial de les Camposines. URL: <https://justicia.gencat.cat/ca/ambits/memoria/Foment-de-la-memoria/reconeixement/homenatge-camposines/> (дата обращения: 03.06.2024).

¹ Fosses. URL: <https://justicia.gencat.cat/ca/ambits/memoria/Fosses/> (дата обращения: 03.06.2024).

² Xarxa d'Espais de Memòria. URL: <https://memoria.gencat.cat/ca/que-fem/banc-memoria-democratica/fons/xem/> (дата обращения: 03.06.2024).

с битвой при Эбро, что позволяет активистам исторической политики одновременно визуализировать, виртуализировать и музефицировать историческую память Каталонии¹.

Национальный архив Каталонии как актер политики памяти

Особое место среди этих акторов занимает Национальный архив Каталонии (L'Arxiu Nacional de Catalunya). НАК в сложившейся политической ситуации руководствуется необходимостью сохранения исторической памяти и культурного наследия Каталонии. В современной историографии подчеркивается, что «восприятие прошлого имеет важное значение для легитимации современных идеологий» [5, p. 531]. Вероятно, именно поэтому свои цели НАК видит в поддержании и укреплении той версии исторической памяти, которая одновременно основана на деконструкции наследия франкизма и укреплении каталонской идентичности как одновременно этнической, так и гражданской, поэтому в своей деятельности НАК стремится к «описанию и изучению документальных фондов, касающихся Гражданской войны, изгнания и репрессий Франко»².

В рамках проведения такой исторической политики НАК открыто конфликтует с центральными властями Испании, настаивая на том, что Мадрид должен «вернуть фонды, коллекции и документы, относящиеся к личностям и организациям, участвовавшим в создании Второй республики, в Гражданской войне, изгнании, борьбе с франкизмом и переходе к демократии»³. Каталонские власти, в связи с этим, реализуя проекты, направленные на продвижение одновременно каталонской и общегражданской версии памяти о гражданской войне в рамках проекта «De l'Ebre als Pirineus: Guerra Civil i primera Postguerra» («От Эбро до Пиренеев: Гражданская война и первый послевоенный период»⁴), подчеркивают,

что только они в состоянии «гарантировать доступ к документальным фондам и, следовательно, к исторической памяти», что воспринимается ими как «право граждан демократического и свободного общества»⁵.

Демократический Мемориал как участник исторической политики

Аналогичные цели преследует и Демократический Мемориал (Memorial Democràtic) – еще один институционализированный и коллективный актер в политике исторической памяти современной Каталонии. По инициативе Демократического Мемориала (ДМ) издается «серия дидактических и педагогических материалов, направленных на поддержку учителей, занимающихся преподаванием предметов, связанных с демократической памятью... с целью донести до молодых людей жестокость и варварство войны, а также важность укрепления и продвижения мира, демократии и прав человека»⁶. В рамках этой деятельности ДМ активно оперирует ресурсами современной массовой культуры, используя визуальные средства комикса для укрепления каталонской политической идентичности [6]. Кроме этого, усилиями ДМ актуализируется вклад кинематографа в развитие исторической памяти, основанной на ценностях прав человека [7].

Реализуя подобные проекты ДМ активно сотрудничает с академическим сообществом, актуализируя потенциал таких междисциплинарных направлений в историографии, как женская история [8], устная история [9] и новая культурная история [10]. ДМ формирует Банк памяти – базу данных о преследованиях и репрессиях, инициированных франкизмом на территории Каталонии. В рамках такой активности участники исторической политики формируют базу данных интервью свидетелей и очевидцев событий, связанных как с франкизмом, так и борьбы против него⁷. Особое внимание со стороны агентов исторической политики уделяется форматированию

¹ La batalla de l'Ebre. URL: <https://batallaebre.org/> (дата обращения: 03.06.2024).

² Memòria històrica. El projecte. URL: <https://anc.gencat.cat/ca/coneix/Projectes/Memoria-historica/index.html> (дата обращения: 03.06.2024).

³ Memòria històrica. Objectius. URL: <https://anc.gencat.cat/ca/coneix/Projectes/Memoria-historica/index.html> (дата обращения: 03.06.2024).

⁴ Memòria històrica. Actuacions per a la recuperació de la memòria històrica. URL: <https://anc.gencat.cat/ca/coneix/Projectes/Memoria-historica/index.html> (дата обращения: 03.06.2024).

⁵ Memòria històrica. Objectius. URL: <https://anc.gencat.cat/ca/coneix/Projectes/Memoria-historica/index.html> (дата обращения: 03.06.2024).

⁶ Eines de Memòria. URL: https://memoria.gencat.cat/ca/que-fem/publicacions_md/eines-de-memoria/ (дата обращения: 03.06.2024).

⁷ Banc Audiovisual de Testimonis. URL: <https://memoria.gencat.cat/ca/que-fem/banc-memoria-democratica/fons/bat/> (дата обращения: 03.06.2024).

современной коллективной памяти, что сводится к составлению каталога символов франкистского режима, которые, по их мнению, должны быть демонтированы из общественных пространств и уничтожены¹.

В целом усилиями ДМ формируется модель памяти, основанная на актуализации образа Каталонии как коллективной жертвы франкистской диктатуры. В связи с этим ДМ активно проводит мероприятия, связанные с большей визуализацией и актуализацией в современной каталонской политической идентичности опыта, полученного в результате вынужденного изгнания², с одной стороны, и политических преследований и репрессий – с другой³.

Общественный активизм как форма исторической политики

Активность рассмотренных выше акторов исторической политики в современной Каталонии ограничивается, как правило, формированием негативного образа франкизма, что ведет к идеализации альтернативного исторического опыта, связанного с республикой, активизацией каталонского национализма и попытками создания независимой каталонской государственности. В рамках компромиссной версии мемориальной культуры, официально продвигаемой властями региона, Каталонская Республика определяется как «режим, провозглашенный во Дворце Жене-ралитата в Барселоне Франсеском Масиа 14 апреля 1931 года, за несколько часов до провозглашения Испанской Республики в Мадриде». Такое восприятие республики стало следствием соработки каталонской националистической модели исторической памяти с мемориальной гражданской культурой Испании в целом.

Следствием компромиссного характера такой версии памяти является одновременно признание заслуг и достижение каталонского национализма и декларирование того, что независимое Ката-

лонское государство должно было быть интегрировано в Федерацию иберийских республик, то есть остаться частью федерализированной Испании⁴. Наряду с умеренными националистами в формировании и продвижении республиканских образов в современной исторической памяти активное участие принимают и радикалы, представленные, например, Советом Каталонской Республики (Consell de la República Catalana), который инициировал, например, подготовку электронных паспортов и удостоверений личности республики⁵.

Противостоя политике Мадрида, каталонские националисты стремятся инструментализировать прошлое, превратив историю в ресурс политической мобилизации. Примером такого практико-ориентированного отношения к истории является организация ярмарок Каталонской Республики (Fira de la República Catalana)⁶, которые фактически стали формой актуализации исторической памяти в публичных и общественных пространствах. Кроме этого, как историческая память о республике, так и сама идея независимости⁷ и республиканские образы⁸ в современной Испании в целом и в Каталонии в частности активно маркетизируются⁹, используя апелляции каталонистов к гражданскому и антифашистскому опыту¹⁰ и единству Каталонских стран¹¹.

⁴ República Catalana. URL: <https://www.enciclopedia.cat/gran-enciclopedia-catalana/republica-catalana> (дата обращения: 03.06.2024).

⁵ Identitat digital republicana. URL: <https://consellrepublica.cat/republicacompartida/idrepublicana> (дата обращения: 03.06.2024).

⁶ Fira de la República Catalana. URL: <https://www.torrelameu.cat/fires-i-activitats-culturals/fires/fira-de-la-republica-catalana> (дата обращения: 03.06.2024).

⁷ Samarreta Daltònics per la Independència. URL: <https://productesdelaterra.cat/samarretes-unisex/861-comprar-samarreta-daltonics-per-la-independencia.html> (дата обращения: 03.06.2024).

⁸ Samarreta Rebel legion Catalan Republic. URL: <https://productesdelaterra.cat/samarretes-unisex/13965-comprar-samarreta-rebel-legion-catalan-republic.html> (дата обращения: 03.06.2024).

⁹ Samarreta República Catalana. URL: <https://productesdelaterra.cat/samarretes-unisex/14224-comprar-samarreta-republica-catalana.html> (дата обращения: 03.06.2024).

¹⁰ Samarreta antifeixistes Ara i Sempre. URL: <https://productesdelaterra.cat/samarretes-unisex/14353-comprar-samarreta-antifeixistes-ara-i-sempre.html> (дата обращения: 03.06.2024).

¹¹ Samarreta Catalan Countries. URL: <https://productesdelaterra.cat/samarretes-unisex/825-comprar-t-shirt-catalan-countries.html> (дата обращения: 03.06.2024).

¹ Cens de Simbologia Franquista. URL: <https://memoria.gencat.cat/ca/que-fem/banc-memoria-democratica/fons/csf/> (дата обращения: 03.06.2024).

² Spanish Refugee Aid. URL: <https://memoria.gencat.cat/ca/que-fem/banc-memoria-democratica/fons/sra/> (дата обращения: 03.06.2024).

³ Deportats catalans i espanyols als camps nazis. URL: <https://memoria.gencat.cat/ca/que-fem/banc-memoria-democratica/fons/deportats-catalans-i-espanyols-als-camps-nazis/> (дата обращения: 03.06.2024).

Выводы

На региональном уровне мемориальные культуры современной Испании подвергнуты существенной фрагментации, которая стимулируется объективными языковыми и этническими особенностями и отличиями исторически сложившихся испанских регионов, что существенно влияет на то, каким образом региональные правящие элиты проводят политику в отношении прошлого. Как и национальные элиты, региональные политические группы и сообщества характеризуются потребительским и избирательным отношением к истории. В руках политических элит на региональном уровне последняя превращается в важный мобилизационный ресурс. Кроме этого, историческая политика в Каталонии используется для легитимации политических регионалистских движений, а также как аргумент в дискуссиях с Мадридом, направленных на увеличение региональной автономии.

В этом контексте историческая политика и производимая в ее рамках мемориальная культура Каталонии на региональном уровне актуализирует почти исключительно инструменталистское предназначение политики памяти в современном мире как одного из инструментов правящих политических элит, которые в зависимости от идеологической конъюнктуры используют факты прошлого, предварительно упрощенные до версии массовой культуры. Поэтому культура памяти в Каталонии используется для решения стоящих перед элитами социальных и политических задач. Что касается характера региональных мемориальных культур, которые возникли в рамках исторической политики в испанских автономных сообществах, то большинство таких версий памяти носит гражданский и политический характер. Вместе с тем, не следует исключать фактор этничности, потому что потенциал этнического и культурного национализ-

ма в современных испанских регионах играет значительную роль.

В этой ситуации историческая политика Каталонии, в отличие от общеиспанской политики памяти в целом, представляется более адаптивной по отношению к внешним и внутренним вызовам, потому что регионалистские участники и акторы исторической политики всегда могут прибегнуть к мобилизационному потенциалу этничности и ресурса этнического национализма, политический язык и риторика которого отличается большим радикализмом в сравнении с теми ценностями и лозунгами, которыми оперирует гражданский национализм в Испании. Таким образом, изучая и анализируя региональные формы мемориальной культуры в современном испанском обществе в контекстах опыта Каталонии, которые формируются в рамках различных подходов к осуществлению исторической политики, во внимание следует принимать их гетерогенный характер, значительную зависимость от политической и идеологической конъюнктуры, а также взаимосвязь с традициями региональных политических и этнических национализмов.

В целом политические элиты Каталонии в ближайшей хронологической перспективе, вероятно, не откажутся от использования столь эффективного и удобного политического ресурса, как историческая политика, которая позволяет им мобилизовать историю и использовать прошлое для решения стоящих перед ними политических и идеологических задач. В этой ситуации представляется неизбежным углубление зависимости истории от политической идеологической конъюнктуры, что и в дальнейшем будет содействовать разграничению академических исторических исследований, с одной стороны, и политических, идеологически мотивированных манипуляций с фактами прошлого в публичных и общественных пространствах в рамках исторической политики памяти и мемориальной культуры – с другой.

Статья поступила в редакцию 26.08.2024; одобрена после рецензирования 23.09.2024; принята к публикации 30.10.2024.

Об авторе

Кирчанов Максим Валерьевич

доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, Воронежский государственный университет (394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, maksymkirchanoff@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Martín R. The public policies of memory in the debates of the Parliament of Catalonia. *Parliamentary activity*, 2016, no. 29, pp. 89–114. (In Catalan).
2. Hristova M. The struggle for historical memory in Spain: beyond genealogy and generations. *For Peace*, 2020, no 38. pp. 1–8. (In Catalan).
3. Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland. *Ab Imperio*, 2004, no. 1, pp. 467–486. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2004.0078>
4. Traba R. *The Past in the Present: The Construction of Polish History*. NY–Berlin, Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag, 2015. 336 p. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.3726/978-3-653-02435-7>
5. Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history. *Nationalism and Ethnic Politics*, 2004, vol. 10, no. 4, pp. 531–560. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/13537110490900340>
6. Fernández de Arriba D. Memory and vignettes. Historical memory in the classroom through comics. Barcelona, Department of Institutional and External Affairs and Relations and Transparency, 2018, 224 p. (In Catalan).
7. Breu i Panyella R. Treating memory in the classroom through cinema. Barcelona, Department of Institutional and External Affairs and Relations and Transparency, 2015, 200 p. (In Catalan).
8. Segura I. The fight for the opportunity to live. Women during the Second Republic, the war, Francoism and the construction of democracy. Barcelona, General Directorate of the Democratic Memory, 2010, 116 p. (In Catalan).
9. The memory made word. Popular Memory of the Francoism. Eds. C. Molinero, P. Ysàs. Barcelona, General Directorate of Democratic Memory, 2008, 128 p. (In Catalan).
10. Dolors Bernal M., Corbalán J. Tools for oral memory work. Barcelona, Directorate General of Democratic Memory, 2008, 64 p. (In Catalan).

The article was submitted 26.08.2024; approved after reviewing 23.09.2024; accepted for publication 30.10.2024.

About the author

Maksim V. Kirchanov

Dr. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Voronezh State University (1 University Sq., Voronezh 394018, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, maksymkirchanoff@gmail.com

The author has read and approved the final manuscript

УДК 94

DOI: 10.30914/2411-3522-2024-10-3-220-226

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РИТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АНТИОХИИ ПРИ ИМПЕРАТОРАХ ЮЛИАНЕ II И ВАЛЕНТЕ II

М. Л. Радченко

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Аннотация. Оценка развития риторического образования, как и роль риторических школ, позволяющих развивать это направление на всех подконтрольных Римской империи территориях, – актуальное направление, развивающееся в зарубежной историографии, начиная с XIX века по настоящее время. Риторические школы на Востоке имели различного рода характерную популярность и свой набор поступающих студентов. Одной из сильных школ в плане обучения риторике являлась школа Либания в Антиохии. На популярность риторических школ, в частности антиохийской, оказывал влияние ряд факторов, одним из которых являлось расположение и поддержка ратора со стороны официальной власти. В статье отмечается зависимость роста популярности риторической школы и расположения, оказываемого императором Юлианом II главе школы Либанию. Рассматривается влияние религиозной политики императоров на развитие риторики в регионе в период Поздней Античности. В этом плане актуализируется переходный для риторической школы период при правлении императора Иовиана, и последующие годы воцарения Валента II. В частности, несмотря на разные мировоззрения императоров Юлиана и Валента, языческое и христианское, показана практически идентичная популярность риторической школы и в целом риторики. Наблюдается сокращение количества студентов из регионов, вызванное сменой императорской власти и сокращением влияния Либания при императорской канцелярии. Но при этом количество студентов, уроженцев Антиохии, оставалось прежним и не зависело от смены направленности религиозной политики Империи.

Ключевые слова: риторическое образование, риторика, Либаний, риторические школы, политика Юлиана II, император Валент II

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Радченко М. Л.* Некоторые аспекты развития риторического образования в Антиохии при императорах Юлиане II и Валенте II // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2024. Т. 10. № 3. С. 220–226. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-220-226>

SOME ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF RHETORICAL EDUCATION IN ANTIOCH UNDER THE EMPERORS JULIAN II AND VALENTINE II

M. L. Radchenko

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russian Federation

Abstract. The assessment of the development of rhetorical education, as well as the role of rhetorical schools, allowing the development of this direction in all territories controlled by the Roman Empire, is a relevant direction developing in foreign historiography, starting from the 19th century to the present. Rhetorical schools in the East had various kinds of characteristic popularity and their own set of incoming students. One of the strong schools in terms of teaching rhetoric was the school of Libanius in Antioch. The popularity of rhetorical schools, in particular the Antiochian one, was influenced by a number of factors, one of which was the location and support of the rhetorician by the official authorities. The article notes the dependence of the growth of the popularity of the rhetorical school and the location shown by Emperor Julian II to the head of the school Libanius. An assessment is given of the influence of the change in the vector of religious policy in the empire during the period of Late Antiquity on the development of rhetoric in the region. In this regard, the transitional period for the rhetorical school during the reign of Emperor Jovian and the subsequent years of the accession of Valens II are actualized. In particular, despite the different worldviews of the emperors Julian and Valens, pagan and Christian, the popularity of the rhetorical school

and rhetoric in general is shown to be almost identical. There is a reduction in the number of students from the regions, caused by the change of imperial power and the reduction of Libanius' influence in the imperial chancellery. But at the same time, the number of students born in Antioch remained the same, and was independent of the change in the direction of the religious policy of the Empire.

Keywords: rhetorical education, rhetoric, Libanius, rhetorical schools, policy of Julian II, Emperor Valens II

The author declares no conflict of interest.

For citation: Radchenko M. L. Some aspects of the development of rhetorical education in Antioch under the emperors Julian II and Valentine II. *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*. 2024, vol. 10, no. 3, pp. 220–226. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-220-226>

Вопрос о развитии риторического образования в Позднеантичный период неразрывно связан с изучением риторических школ, осуществляющих собственно подготовку будущих риторов. Риторическое образование, как в целом высшее образование в Римской империи времен Поздней Античности, является частым предметом исследования у зарубежных историографов, из современных авторов не раз обращались к этой теме Рафаэлла Крибиоре, Лив ван Хуф, а также Эдвард Уоттс. Вопросы, поднимаемые учеными, строятся не только вокруг самой системы развития образования и деятельности школ риторики, но и вокруг самого термина «высшее образование». Допустимость и уместность применения данного определения, характерного для современного общества, едва ли может быть применено в полной мере для отображения действительности в период Римской империи [1, с. 23].

В исследованиях ученых XIX века наблюдаются вариации использования как термина «высшее образование», так и терминов «университет», «высшая школа» для обозначения процессов, свойственных античному периоду. Что касается отечественных исследователей, то, по мнению Т. Б. Перфиловой, отождествление ими терминов «высшее образование» и «университетское образование» объясняется, вероятнее всего, тем, что отечественные историки не видели существенного различия в форме организации высшей школы Античного мира и Нового времени¹.

Тем не менее более логичным будет применение не метода отождествления, а метода сравнения, который позволяет выявить сходства и раз-

личия в системе получения образования на разных этапах развития и на основании этого представить некую «промежуточную» модель интеллектуальных центров Римской империи. Данные центры можно обозначить как аналогичные, но не идентичные центрам высшего образования Нового времени. Следовательно, более логичным будет говорить об уникальной системе высшего образования, функционирующей в Римской империи. Однако употребление термина «высшее образование» в работах исследователей, в том числе и отечественных, в большей степени является нормой, хотя и отмечаются определенные особенности получения знания в античных школах и центрах.

Особое место в процессе получения высшего, иначе «классического» образования, занимает риторическое образование [2, р. 51]. Анализ источников античного периода показывает, что риторика занимала доминирующее положение среди дисциплин, формирующих программу общеобразовательной подготовки. В свою очередь, формируются и риторические школы, преподаватели которых должны были обладать высоким уровнем профессионализма, широким кругозором и готовностью выполнять гражданские обязанности. Большинство преподавателей школ совмещали свою прямую профессиональную деятельность со службой при императорском дворе или канцелярии², организуя в своих школах набор учеников и выстраивая систему обучения по типу наставничества, при которой ученики старших «курсов» могли обучать вновь принятых в школу кандидатов. Или заниматься вербовкой будущих студентов, прибегая не только к методам убеждения, но, в том числе, к методам принуждения

¹ Перфилова Т. Б. Высшее образование в Римской империи (культурологический аспект) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 21.

² Там же. С. 37

(случай с похищением Либания и обучение его у Диофанта, пример одного из таких методов) [2, р. 26]. Несмотря на различный подход к обучению в риторической школе, основывающийся на личностных качествах учителя, объединяющим фактором для них выступала лояльность к императорской власти, уважение к закону и порядку. Критика же власти, императора воспринималась общественностью как проявление оппозиционных настроений и могла служить скорее как привилегия наиболее влиятельных риторов. Одним из таких риторов в период Поздней Античности можно назвать Либания.

Говоря о наиболее влиятельных риторах и риторических школах, нельзя не отметить такие центры развития риторики, как Афины, Берит, Газа, Константинополь, Антиохия и другие [3].

Несомненно, наиболее привлекательными в плане обучения являлись риторические школы в Афинах и Александрии, которые представляли крупнейшие интеллектуальные центры [4, с. 94]. Но нельзя отрицать, что и Антиохия, административная столица восточной метрополии Римской империи, важный политический, военный и религиозный центр [5, с. 628], играла также существенную роль в развитии риторического образования.

Ключевым интеллектуальным центром Антиохии была школа ритора Либания. Деятельность школы, а равно и самого ритора, привлекала внимание многих исследователей, прежде всего из США, Великобритании, Франции. Отечественные антиковеды, рассматривая школу Либания в контексте развития риторического образования в целом, отмечают особенности работы антиохийской школы и организацию преподавания риторики самим Либанием.

Примечательно, что по существу языческая школа Либания являлась местом «формирования» студентов, приверженцев, не только язычества, но и христианства. Так, наряду с известным историком Аммианом Марцеллином среди выпускников антиохийской школы был Иоанн Златоуст [6, с. 715]. Переплетение в одной школе и в одном регионе языческой и раннехристианской традиции можно рассматривать как одну из особенностей риторической школы Либания [7].

Равно как и в отношении обучения студентов Либанию необходимо было взаимодействовать со студентами-язычниками и студентами-христианами,

так и в отношении с представителями официальной власти для ритора необходимым являлось установление, если не дружественного отношения, то, как минимум, нейтрального. Безусловно, критика власти – как форма проявления особой привилегии являлась неотъемлемой составляющей деятельности Либания [8]. Однако исключительность в данном случае состояла в том, что от отношения ритора к императорской власти, проявления лояльности или враждебности, зависело развитие школы, следовательно, риторического образования в регионе.

Обращаясь к развитию риторики на Востоке и непосредственно к Антиохийской школе, целесообразно будет отметить два условных периода, идущих один за других и оказавших влияние на Либания, а через него в целом на риторическую школу.

Речь идет о периоде правления императоров Юлиана II Отступника (361–364) и Валента II (364–378).

Противник христианства и сторонник реставрации языческих культов, Юлиан II был, несомненно, находкой для Либания с его непреклонной верой в божественный пантеон и приверженностью традициям.

Император Валент II так же, как и его брат-соправитель Валентиниан I, являлся сторонником христианства. Таким образом, для Либания период правления императора-язычника сменился правлением императора-христианина. Вся деятельность ритора, как и его школы, должна была проходить с учетом этих перемен.

Зарубежные и отечественные исследователи не раз отмечали расположенность императора Юлиана к Либанию. Даже тогда, когда Юлиан посетил Антиохию, в преддверии начала войны на Востоке, император, прежде всего, обратился к Либанию, желая знать, где и когда он сможет услышать выступления ритора [9, с. 786]. В принципе, оживленная переписка завязалась между ними еще до того, как Юлиан был возведен в императоры [10, с. 86].

Да и сам Либаний с определенным восторгом относился к Юлиану, о чем свидетельствуют его письма к императору. В настоящее время известно, что из четырех писем, написанных Либанием Юлиану, до настоящего времени дошло всего пара.

Что же касается речей Либания, то наиболее грандиозным «свидетельством» почитания Юлиана

Отступника, безусловно, является «Надгробная речь», написанная ритором по случаю смерти императора (Ог. XVIII). Пораженный гибелью императора, ритор не только сожалеет о случившемся, но и туманно намекает, что за убийством могли стоять люди, которым не одобряли преобразования Юлиана в финансовой, административной и религиозной сферах [11, с. 80].

Что же касается Либания, то воцарение Юлиана должно было привести к увеличению количества студентов в Антиохийской школе [2, р. 89]. Для Либания это было время, когда по новому можно было взглянуть на риторику, направив ее развитие в новое русло. Политика императора немало этому способствовала. В речах Либания имеется отсылка к эпизоду, когда к Юлиану, прибывшему в Сирию, обратились губернаторы с «дарами риторики». Под дарами понимались не «кабаны, птицы и козлы, которые предлагались раньше» [2, р. 89], а собственные речи губернаторов. Таким образом, с поддержки Юлиана во главе городов были поставлены люди культурные, наделенные риторическими навыками (Ог. XVIII). На протяжении всей своей поездки по империи Юлиан был доступен для учителей, и следуя примеру императора, губернаторы также сделали учителей своими приближенными. Однако говоря о дальнейшем положении учителей, то после смерти императора, те же учителя, были «отвергнуты от дверей, как убийцы», а ученики избегали их речей (Ог. XVIII).

Что же касается небезызвестного эдикта Юлиана 362 года, который запрещал учителям-христианам заниматься преподаванием риторики, то довольно непросто понять, оказал ли данный указ существенное влияние на деятельность школы Либания и получил ли сам ритор от него какие-либо результаты. Вероятно, что в результате принятия эдикта, в школу Либания пришло несколько новых учеников [2, р. 90], но сам Либаний, несмотря на это предпочел ответить на столь суровый эдикт «тишиной». Под тишиной в данном случае Либаний понимал отсутствие открытой поддержки эдикта, выраженной в виде речи или декламации. Это может говорить о том, что сам ритор не полностью одобрял действия императора в этом вопросе, в частности его эдикт. Г. У. Вимер тут задается вопросом, почему же Либаний, восторженно приветствовавший Юлиана, открыто не поддерживает эдикт импера-

тора? Как один из возможных вариантов заключается в том, что Либаний не решался открыто одобрить эдикт, боясь потерять своих христианских учеников [12, s. 108–110].

Интересен тут и вопрос, как император относился к тому факту, что в риторической школе Либания наравне с язычниками обучались и христианские ученики. Отсутствие в переписке каких-либо признаков неудовольствия со стороны Юлиана по этому вопросу является следствием того, что император предоставлял полную свободу определения риторической школе и деятельности Либания.

Однако в работах Г. Зиверса представлена и другая точка зрения на отношения Либания с его учениками-христианами. По мнению Зиверса, в период правления Юлиана у Либания все больше проявляется неприязнь к христианам, вызванная, в том числе и личными соображениями. Г. Зиверс объясняет: Либаний опасался, что гонения на христиан могут подорвать политику Юлиана по возрождению язычества или бросить тень на императора и его религиозную реформу [10, s. 123].

Более того, в своей монографии Зиверс четко определяет взаимоотношения императора Юлиана и ритора. Гибель Юлиана не только оказала влияние на попытку возрождение язычества, но и на положение Либания. Будучи приближенным к верхам власти в период правления Юлиана Отступника и пользуясь его расположением, Либаний, в свою очередь, имел немало врагов со стороны противников политики императора. И после гибели последнего опасность, в которой находился ритор, в разы увеличилась. Особенно ухудшила ситуацию монодия Либания, написанная им после смерти Юлиана. Как уже отмечалось, в своей речи Либаний намекал на то, что отношение к убийству императора имели не столько персы, сколько противники религиозных преобразований, то есть христиане. Обвинение христиан, особенно в свете того, что приемником Юлиана была восстановлена прохристианская политика, поставили Либания, как одного из приближенных императора-язычника, перед угрозой заговора и возможного убийства [10, s. 123]. Спас Либания его однокурсник Кападоир, имевший большое влияние и убедивший избранного императора в том, что тот ничего не выиграет, если Либаний будет убит. Речи

его, тем не менее, останутся, и последователи риторика, прежде всего его ученики, продолжают распространять речи Либания.

Является ли мнение Г. Зиверса обоснованным? Безусловно, данная версия имеет место быть. Но в дошедшей до нас переписке со стороны Либания нет упоминаний о прямой угрозе его жизни. Хотя в письмах Либания встречаются отсылки к недооцененности его деятельности, показывающие, что ритору было свойственно излагать публично многие перипетии своей судьбы, да и в «Автобиографии» мы можем встретить «жажды на возможную опасность» (Lib. 136–138).

Относительно развития школы Либания, обзор писем, касающихся получения образования в риторической школе и зачисления новых и возвращающихся студентов из года в год, не показывает, что правление императора Юлиана и его смерть повлияли на количество учеников риторика. Высокие показатели притока учеников в школу Либания, о котором свидетельствуют письма 362/363 годов, относятся, прежде всего, к студентам, прибывающим из других частей империи. Вероятно, их привлекал тот факт, что Юлиан оказывал покровительство Либанию. Существующие данные относительно мало меняющегося притока студентов пытаются интерпретировать в своей монографии и Поль Пети, считая их весьма удивительными [8]. Относительно низкие показатели в последующий после смерти Юлиана год, вероятно, отражают местный набор и высокий процент поступления в школу студентов из Антиохии, упоминания о которых в переписке почти отсутствуют [2, р. 90]. В 365 году активная переписка риторика прерывается, но школа, видимо, еще продолжает процветать. Объяснить это можно тем, что в первые годы после гибели Юлиана Либаний продолжал пользоваться хорошими отношениями с некоторыми чиновниками из администрации Валента [13, р. 139–141; 156], в частности переписка с Сатурнием Салюстием подтверждает это [8]. Салюстий, продолжая назначать на должности губернаторов людей с риторическим образованием, определенно «помог» Либанию в развитии Антиохийской школы. Либаний признавал, что благодаря Салюстию «улучшилось положение риторики в глазах тех, кто занимает официальные должности и, таким образом, заполнил [Салюстий] школы студентами, вдох-

новляя страсть в тех, кто надеялся на равные почести» [2, р. 91].

Поддержка риторических школ, в особенности школы Либания, была своего рода продолжением политики Юлиана в непростые для риторики времена. По утверждению Дж. Винтеса, при императоре Иовиане Либаний все еще пользовался влиянием, следовательно, наблюдалось и развитие его школы. Но вот в период с 371 по 378 годы наблюдается отток студентов [14, s. 175–176], за чем следуют частые обвинительные речи риторика, выдвигаемые против представителей власти и определенные язвительные характеристики в адрес чиновников [15, р. 168–169]. Характерно, что, несмотря на подобные «действия» со стороны риторика, Антиохийская школа продолжала существовать, а обучение студентов продолжалось. Это делает маловероятным то, что поддержка сверху, полезная изначально, являлась определяющим фактором в развитии школы.

Обращая внимание на развитие школы в период правления императора Валента, отмечаем, что для первых годов было характерно сохранение общей тенденции развития, установленной еще при Юлиане. Для самого Либания, несмотря на его преданность Юлиану Отступнику, в приоритете было развитие школы и риторики. Первоначальный период, сопряженный с установлением отношений с представителями администрации, был малоизмененным для развития риторики в регионе. В дальнейшем, после воцарения Валента и формирования новой концепции управления империей, построенной на возвращении христианских принципов, в развитии риторической школы наблюдаются изменения. Это не было связано с полным оттоком студентов из школы, безусловно, Либаний продолжал набирать учеников, и популярность риторического образования была все еще достаточно высока. Но сокращение количества студентов, прибывающих из других регионов, имеет место. И здесь зачастую возникает предположение, что данное сокращение могло быть вызвано непопулярностью Либания у императора Валента и отдаления Либания от «имперского престола». Однако, по мнению Зиверса, отношения риторика и императора не носили прямо выраженного враждебного характера и в большей степени представляли собой попеременную смену расположения и охлаждения. Так, достаточно

неплохо об отношении к Либанию императора Валента говорит постановление, изданное императором Валентинианом о внебрачных детях [10, s. 137]. Известно, что у Либания имелся внебрачный сын, и, чтобы показать свою расположенность к ритору, Валент принял во внимание постановление своего брата, с которым, по сути, был мало согласен. А с другой стороны, потеря студентов, поддержание Валентом христианского развития в империи, невозможность Либания в дальнейшем влиять на развитие риторики в регионе, говорит о том, что если Валент и не был настроен категорически против ритора, то и поддерживать его он не планировал, во всяком случае, как это делал Юлиан.

Таким образом, имея возможность сравнивать развитие риторической школы Либания, да и в целом развитие риторики в Антиохии в период правления императоров, имеющих разное мировосприятие – языческое и христианское, можно наблюдать относительную зависимость от распо-

ложения императора к ритору. Нельзя сказать, что функционирование школы было напрямую связано с отношением Юлиана или Валента к Либанию. Школа вполне существовала и развивалась как при одном императоре, так и при другом. Но вот количество обучаемых в ней студентов действительно могло зависеть от поддержки императора. Так, исследователи склонны считать, что при приближенности Либания к Юлиану в школе обучалось большее количество студентов из других регионов, что в свою очередь влияло на показатель развития риторического образования в Антиохии. С момента прихода к власти императора Валента и невозможности в дальнейшем пользоваться той императорской поддержкой, как прежде, у Либания наблюдается отток студентов из дальних регионов. Но при этом ученики родом из Антиохии продолжают обучаться в школе Либания, также способствуя развитию риторического образования на Римском Востоке.

1. Перфилова Т. Б. Литературное наследие Либания как источник изучения высшего образования в восточных провинциях Римской империи. Ч. 2. Либаний – официальный профессор антиохийской риторической школы // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 2. С. 22–27. URL: https://vestnik.yspu.org/releases/novye_issledovaniy/14_3/ (дата обращения: 22.08.2024).

2. Criboire R. The School of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton : Princeton University Press, 2007. 360 p.

3. Bonner S. F. Education in Ancient Rome. Berkeley, 1977. 404 p.

4. Денисова И. В., Болгов Н. Н. Ранневизантийские интеллектуалы – кто они? // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис : материалы науч. конф. XV Международный Византийский Семинар. Симферополь, 2023. С. 89–96. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50766669> (дата обращения: 22.08.2024).

5. Бузанаков Ю. В. Завоевание Антиохии персами и начало геополитической катастрофы Византии на Востоке // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 4. С. 627–633. DOI: <https://doi.org/10.18413/2075-4458-2019-46-4-627-633>

6. Образованность, школы, книжная культура в Восточном Средиземноморье в IV–VII вв. (Антиохия, Берит, Кесария, Газа) / Н. Н. Болгов, А. М. Болгова, И. В. Денисова, Ю. В. Бузанаков // Via in tempore. История. Политология. 2020. Т. 47. № (4). С. 714–726. DOI: <https://doi.org/10.18413/2687-0967-2020-47-4-714-726>

7. Wolf P. Libanius. Autobiographische Schriften. Zurich, 1967.

8. Petit P. Les etudiants de Libanius. Paris, 1956. 206 p.

9. Болгова А. М. Общественные конкурсы софистов и риторические выступления (epideixis akroasis) в Ранней Византии // Via in tempore. История. Политология. 2022. Т. 49. № 4. С. 784–794. DOI: <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2022-49-4-784-794>

10. Sievers G. R. Das Leben des Libanius. Berlin, 1868. 344 s.

11. Пак Е. А. Гибель Юлиана Отступника в отражении языческой и христианской традиции // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2010. № 3. С. 79–84. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibel-yuliana-otstupnika-v-otrazhenii-yazycheskoy-i-hristianskoj-traditsii> (дата обращения: 22.08.2024).

12. Wiemer H.-U. Libanios und Julian: Studien zum Verhältnis von Rhetorik und Politik im vierten Jahrhundert n. Chr. (Vestigia 46). Munich : Beck, 1995. 408 s.

13. Vanderspoel J. Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty, and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor, 1995. 280 p.

14. Wintjes J. Das Leben des Libanius // Historische Studien der Universitat Wurzburg. 2. Rahden, Westfalia, 2005. S. 151–162, 175–176.

15. Norman A. F. Libanius: The Teacher in an Age of Violence // Fatouros and Krischer. 1983. Pp. 150–173.

Статья поступила в редакцию 16.09.2024; одобрена после рецензирования 14.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

Об авторе**Радченко Маргарита Леонидовна**

кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина (308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, д. 71), ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7535-7438>, mirra.1991@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Perfilova T. B. Literaturnoe nasledie Libaniya kak istochnik izucheniya vysshego obrazovaniya v vostochnykh provintsiyakh Rimskoi imperii. Ch. 2. Libanii – ofitsial'nyi professor antiokhiiskoi ritoricheskoi shkoly [The literary heritage of Libanius as a source for the study of higher education in the eastern provinces of the Roman Empire. Part 2. Libanius – official professor of the Antiochian rhetorical school]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* = Yaroslavl Pedagogical Bulletin, no. 2, pp. 22–27. Available at: https://vestnik.yspu.org/releases/novye_issledovaniy/14_3/ (accessed 22.08.2024). (In Russ.).
2. Criore R. The School of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton, Princeton University Press, 2007, 360 p. (In Eng.).
3. Bonner S. F. Education in Ancient Rome. Berkeley, 1977, 404 p. (In Eng.).
4. Denisova I. V., Bolgov N. N. Rannevizantiiskie intellektualy – kto oni? [The Early Byzantine intellectuals – who were they?]. *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis: materialy nauch. konf. XV Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar* = ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: empire and polis: scientific materials. conf. XV International Byzantine Seminar. Simferopol, 2023, pp. 89–96. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50766669> (accessed 22.08.2024). (In Russ.).
5. Buzanakov Yu. V. Zavoevanie Antiokhii persami i nachalo geopoliticheskoi katastrofy Vizantii na Vostoke [The conquest of Antioch by the Persians and the beginning of the geopolitical catastrophe of Byzantium in the East]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* = Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science, 2019, vol. 46, no. 4, pp. 627–633. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18413/2075-4458-2019-46-4-627-633>
6. Bolgov N. N., Bolgova A. M., Denisova I. V., Buzanakov Yu. V. Obrazovannost', shkoly, knizhnaya kul'tura v Vostochnom Sredizemnomore v IV–VII vv. (Antiokhiya, Berit, Kesariya, Gaza) [Education, schools, book culture in the East Mediterranean in the 4th–7th cent. A. D. (Antioch, Berit, Caesaria, Gaza)]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* = Via in Tempore. History and Political Science, 2020, vol. 47, no. 4, pp. 714–726. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18413/2687-0967-2020-47-4-714-726>
7. Wolf P. Libanius. Autobiographische Schriften [Libanius. Autobiographical works]. Zurich, 1967. (In Germ.).
8. Petit P. Les etudiants de Libanius [Disciples of Libanius]. Paris, 1956, 206 p. (In French).
9. Bolgova A. M. Obshchestvennye konkursy sofistov i ritoricheskie vystupleniya (epideixis akroasis) v Rannei Vizantii [Public Competitions of Sophists and Rhetorical Presentations (epideixis akroasis) in Early Byzantium]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* = Via in Tempore. History and Political Science, 2022, vol. 49, no. 4, pp. 784–794. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2022-49-4-784-794>
10. Sievers G. R. Das Leben des Libanius [Life of Libanius]. Berlin, 1868, 344 s. (In Germ.).
11. Pak E. A. Gibel' Yuliana Otstupnika v otrazhenii yazycheskoi i khristianskoi traditsii [The death of Julian the Apostate as narrated in the pagan and Christian tradition]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* = *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2010, no. 3, pp. 79–84. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibel-yuliana-otstupnika-v-otrazhenii-yazycheskoy-i-hristianskoy-traditsii> (accessed 22.08.2024). (In Russ.).
12. Wiemer H.-U. Libanios und Julian: Studien zum Verhältnis von Rhetorik und Politik im vierten Jahrhundert n. Chr. (Vestigia 46) [Libanios and Julian: studies of the relationship between rhetoric and politics in the fourth century AD (Vestigia 46)]. Munich, Beck, 1995, 408 s. (In Germ.).
13. Vanderspoel J. Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty, and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor, 1995, 280 p. (In Eng.).
14. Wintjes J. Das Leben des Libanius [Life of Libanius]. *Historische Studien der Universitat Wurzburg* = Historical studies at the University of Würzburg, 2. Rahden, Westfalia, 2005, s. 151–162, 175–176. (In Germ.).
15. Norman A. F. Libanius: The Teacher in an Age of Violence, Fatouros and Krischer, 1983, pp. 150–173. (In Eng.).

The article was submitted 16.09.2024; approved after reviewing 14.10.2024; accepted for publication 12.11.2024.

About the author**Margarita L. Radchenko**

Ph. D. (History), Lecturer at the Department of Humanities and Social and Economic Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia (71 Gor'kogo St., Belgorod 308024, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7535-7438>, mirra.1991@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript

УДК 930

DOI: 10.30914/2411-3522-2024-10-3-227-239

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ МАРИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В БАШКОРТОСТАНЕ (1979–2010)

Ф. Г. Сафин^{1,2}

¹Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева – Уфимский федеральный исследовательский центр
РАН, г. Уфа, Российская Федерация

²Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается динамика социальной структуры марийского населения в Башкортостане. Формирование социально-профессионального состава населения в советское время происходило в условиях существования двух неантогонистических классов – рабочих и колхозников, а также прослойки служащих. В рамках идеологической концепции выстраивалось распределение населения по общественным группам, которое отражало профессиональный состав занятых по отраслям народного хозяйства. Целью статьи является раскрытие этносоциальной структуры марийского населения в Республике Башкортостан с 1979 по 2010 год. Особое внимание акцентировано на ее трансформацию в период становления и развития рыночной экономики. Основу исследования составляют сравнительно-исторический и ретроспективный методы. Источниковая база включает материалы Всесоюзных и Всероссийских переписей населения, а также статистические материалы, изученные в архивах Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Установлено, что более половины марийского населения было занято в сельскохозяйственном производстве, занимаясь растениеводством и животноводством с учетом того, что больше половины марийцев проживало в сельской местности. Несмотря на сложившийся характер расселения, определенная ее часть также представлена в других отраслях экономики, в том числе связанных с новейшими технологическими процессами. Выявлено, что в сфере промышленности марийцы больше были заняты в металлургии и машиностроительной отрасли, что является косвенным доказательством ориентации марийцев на городскую жизнь и выбор профессий, связанных с городскими условиями. Установлено, что весьма высокой была доля марийцев в сфере образования, поскольку это связано с функционированием школ со значительным контингентом школьников практически в каждой марийской деревне. Среди занятого населения – людей преимущественно умственного труда – значительной долей марийцы были представлены в сфере планирования и учета. Таким образом, анализ этносоциальной структуры марийского населения в Башкортостане показывает, что заметная доля марийцев была представлена практически во всех отраслях экономики республики.

Ключевые слова: марийское население, Башкортостан, республика, социальная структура, занятость населения, образование, рыночная экономика

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания № 122041900145-1 ИЭИ УФИЦ РАН «Социальные основы этнополитических процессов в республиках Урало-Поволжья».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сафин Ф. Г. Трансформация этносоциальной структуры марийского населения в Башкортостане (1979–2010) // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2024. Т. 10. № 3. С. 227–239. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-227-239>

TRANSFORMATION OF THE ETHNOSOCIAL STRUCTURE OF THE MARI POPULATION IN BASHKORTOSTAN (1979–2010)

F. G. Safin^{1,2}

¹R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

²Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russian Federation

Abstract. The article examines the dynamics of the social structure of the Mari population in Bashkortostan. The formation of the socio-professional composition of the population in Soviet times took place

in the conditions of the existence of two non-antagonistic classes – workers and collective farmers, as well as a stratum of employees. Within the framework of the ideological concept, the distribution of the population by social groups was built, which reflected the professional composition of the employed by sectors of the national economy. The purpose of the article is to reveal the ethnosocial structure of the Mari population in the Republic of Bashkortostan from 1979 to 2010. Special attention is focused on its transformation during the formation and development of a market economy. The research is based on comparative historical and retrospective methods. The source database includes materials from the All-Union and All-Russian population censuses, as well as statistical materials studied in the archives of the Federal State Statistics Service for the Republic of Bashkortostan. It was found that more than half of the Mari population was employed in agricultural production, engaged in crop production and animal husbandry, taking into account the fact that more than half of the Mari people lived in rural areas. Despite the established nature of settlement, a certain part of it is also represented in other sectors of the economy, including those related to the latest technological processes. It was revealed that in the field of industry, Mari people were more engaged in metallurgy and machine-building, which is indirect evidence of the orientation of Mari people to urban life and the choice of professions related to urban conditions. It was found that the share of Mari people in the field of education was very high, since this is due to the functioning of schools with a significant contingent of schoolchildren in almost every Mari village. Among the employed population, mainly people of intellectual labor, a significant proportion of Mari people were represented in the field of planning and accounting. Thus, an analysis of the ethnosocial structure of the Mari population in Bashkortostan shows that a significant proportion of Mari people were represented in almost all sectors of the republic's economy.

Keywords: Mari population, Bashkortostan, republic, social structure, employment, education, market economy

Acknowledgments: The project is funded on the topic № 122041900145-1 IES UFRC RAS “The social foundations of ethnopositional processes in the republics of the Ural-Volga region”.

The author declares no conflict of interest.

For citation: *Safin F. G.* Transformation of the ethnosocial structure of the Mari population in Bashkortostan (1979–2010). *Vestnik of the Mari State University. Chapter “History. Law”*. 2024, vol. 10, no. 3, pp. 227–239. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-227-239>

Введение

Российская система трудовой занятости складывалась на фоне кардинального изменения, сформировавшегося еще в советскую эпоху, порядка распределения занятого населения в народном хозяйстве и внедрения рыночных механизмов в национальную экономику [1]. Советская система управления занятостью населения на уровне отдельно взятой республики имела характерные особенности в зависимости от географического положения, климатических условий, степени обеспеченности природными ресурсами и др. Необходимо выделить, что специфика трудового потенциала региона по большей части связана с этносоциальными особенностями занятости этнических групп по отдельным отраслям экономики [2].

Одним из показателей высокой социальной активности этнических групп выступает уровень образования населения. В этом смысле следует

отметить, что доля лиц с высшим образованием среди сельских жителей существенно ниже, чем среди проживающих в городской местности. Но в то же время чем выше удельный вес сельчан, тем ниже уровень высшего образования. Марийское население Башкортостана в своем абсолютном большинстве проживало в сельской местности. Ввиду этого более половины трудоспособного марийского населения было занято в сфере сельского хозяйства. Вместе с тем марийцы значительной долей были представлены и в других отраслях экономики, в том числе в машиностроительной и металлургической промышленности, строительстве, а также в сфере, связанной преимущественно с умственным трудом, – системе образования и здравоохранения.

Целью исследования выступает раскрытие этносоциальной структуры марийского населения в Республике Башкортостан с 1979 по 2010 год. В качестве источников привлечены материалы

Всесоюзных и Всероссийских переписей населения, а также статистические материалы, хранящиеся в архивах Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. С учетом сложившейся социальной структуры населения, с использованием широкого круга статистических материалов и архивных документов установлено распределение марийского населения по основным отраслям экономики в Республике Башкортостан.

Результаты исследования

Анализ численности сельского и городского населения марийцев в Башкортостане показывает, что, по данным переписи 1979 г., доля городского марийского населения составляла 22,1 %¹, что является одним из низких показателей урбанизированности марийцев. В это время доля лиц с высшим образованием в республике среди марийцев в возрасте 15 лет и старше была самой низкой и составляла 16 чел. на 1000 чел., превышая только удмуртов и существенно уступая представителям других этнических групп. Например, удельный вес людей с высшим образованием на 1000 чел. среди чувашей составлял 26 чел., башкир – 38 чел., татар – 45 чел., русских – 61 чел. и среди украинцев – 78 чел. (среднереспубликанский показатель составлял 50 чел. (табл.1)).

Перепись 1989 г. показала существенный рост доли марийского городского населения. Одна треть марийцев (33,2 %), проживающих в Башкортостане², стала урбанизированной. За этот межпереписной период (1979–1989) темпы роста лиц с высшим образованием среди марийцев почти удвоились. Следует указать, что доля лиц с высшим образованием среди русских и украинцев выросла лишь в 1,4 раза, татар и чувашей – 1,6 раза, башкир – 1,8 раза, при этом среднереспубликанский показатель составил 1,5 раза. В постсоветский период (на фоне перехода страны к рыночной экономике, закрытия заводов и фабрик) темпы переезда марийцев в городскую

местность, как и среди других народов республики, существенно сократились. Первая постсоветская перепись 2002 г. зафиксировала рост городского марийского населения лишь на 1,8 %³. Иными словами, преобладающая, т. е. две трети части марийского населения в Башкортостане оставалась сельскими жителями. Видимо, поэтому среди марийцев республики доля лиц с высшим образованием остается одной из низких в регионе.

По данным переписи 2002 г., доля лиц с высшим образованием среди марийцев существенно выросла и составила 53 чел., но несмотря на это, все же на общем республиканском фоне она оставалась самой низкой. Если по республике на 1000 чел. в возрасте 15 лет и старше приходилось 117 чел. с высшим образованием, то среди марийцев данный показатель был в 2,2 раза ниже (табл. 1). Например, среди украинцев (149 чел.), татар (130 чел.), русских (128 чел.) коэффициент лиц с высшим образованием превышал даже среднереспубликанский показатель [3, с. 139–140]. Аналогичными были показатели марийцев с неполным высшим и среднепрофессиональным образованием. Если в среднем по республике данный показатель в 2002 г. составлял 307 чел., то среди марийцев он был самым низким – 230 чел., это всего лишь 75 % от республиканского уровня.

Перепись 2010 г. показала рост лиц с высшим образованием в целом по республике на 58 чел. по сравнению с 2002 годом. Самый высокий рост был отмечен у русских и татар – на 53 чел., у украинцев – на 45 чел., башкир – на 42 чел. и у чувашей – на 32 чел. Снова самым низким оставался показатель лиц с высшим образованием среди марийцев – на уровне 22 чел. Среди лиц с неполным высшим и средним профессиональным образованием показатели марийцев также были самыми низкими, как и в случае с начальным образованием (143 чел.), но самые высокие показатели отмечались из числа тех, кто имел среднее и начальное профессиональное образование (486 чел.), тогда как данный среднереспубликанский показатель был лишь на уровне 379 чел.

¹ Национальный состав населения Башкирской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.) : Стат. сб. Уфа : ЦСУ РСФСР Статистическое управление Башкирской АССР, 1981.

² Национальный состав населения Башкирской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) : Стат. сб. Уфа : Госкомстат РСФСР Башкирское республиканское управление статистики, 1990.

³ Национальный состав населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года): статистический сборник. Уфа : Башкортостанстат, 2006.

Таблица 1 / Table 1

Образовательный уровень ряда этнических групп в Республике Башкортостан (на 1000 чел. в возрасте 15 лет и старше)¹ / Educational level of a number of ethnic groups in the Republic of Bashkortostan (per 1000 people aged 15 years and older)¹

	Высшее образование / Higher education				Неполное высшее и среднее профессиональное образование / Incomplete higher and secondary vocational education				Среднее (основное и полное) и начальное профессиональное образование / Secondary (basic and complete) and primary vocational education				Начальное образование / Primary education			
	1979	1989	2002	2010	1979	1989	2002	2010	1979	1989	2002	2010	1979	1989	2002	2010
Все население	50	76	117	175	116	183	307	374	509	529	473	379	196	139	91	66
Русские	61	87	128	181	143	206	340	384	491	504	441	323	183	132	81	106
Башкиры	38	69	100	142	83	157	262	309	519	561	516	406	214	139	108	135
Татары	45	72	130	183	110	180	324	369	547	539	459	336	182	136	77	107
Чуваши	26	43	69	101	83	151	284	318	520	565	524	450	231	165	111	125
Марийцы	16	31	53	75	50	103	230	258	502	584	571	486	257	191	130	143
Украинцы	78	110	149	194	164	228	344	389	438	452	396	313	199	143	102	98

Марийское население весьма многогранно представлено во многих сферах народного хозяйства как в одноименной республике² [4], так и в Башкортостане, несмотря на существенно низкий уровень высшего образования внутри собственной этнической группы.

По данным переписи 1979 г., почти половина марийского населения (48,1 %) была представлена в составе колхозного крестьянства, 43,4 % – рабочего и лишь 8,8 % составила слой интеллигенции. В этом отношении доля марийцев в составе колхозного крестьянства была самой высокой из числа всех этнических групп, за исключением удмуртов. Самая низкая доля марийцев наблюдалась среди служащих. К 1989 году этносоциальная структура марийцев существенно преобразилась в пользу увеличения доли

занятых в составе рабочих (56,0 %) и служащих (15,6 %). Среди украинцев, например, удельный вес в составе служащих составлял 39,9 %, среди русских немного менее этого – 33,7 %, среди татар более четверти – 28,7 % [5]. Среди колхозного крестьянства марийцы составили 36,4 % от всего населения, превышая показатели практически всех этнических групп, за исключением удмуртов. Например, среди башкир в составе колхозников была занята четверть населения (24,9 %), среди татар – каждый пятый (21,0 %), среди чувашей немногим менее трети (31,0 %). Лишь только доля удмуртов среди колхозников была более одной трети [6].

Одним из показателей социального статуса является распределение населения по занятости физическим и умственным трудом. В этом отношении в советское время считалось, что чем больше доля той или иной этнической группы в составе рабочего класса³, занимающегося физическим трудом, тем в большей степени эта группа состоялась как социалистическая нация с преобладающим в ней классом пролетариата.

¹ Национальный состав населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года). Уфа, 2006. С. 35–45; Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. Уфа, 2013. Ч. II. С. 17–23.

² Ожиганова Е. А. Социальное развитие Республики Марий Эл, вторая половина 80-х – середина 90-х гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 2000. 233 с. ; Захарова М. С. Социальная структура общества Марийской АССР в 1956 г. – 1970 г.: Исторический опыт трансформации : дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2005. 263 с.

³ Бойко И. И. Рабочие Волго-Вятского региона: Опыт и уроки социально-экономического развития, конец 1950-х – первая половина 1980-х годов : дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 1998. 413 с.

С другой стороны, население в это время больше было занято физическим трудом, нежели умственным [4]. Если рассмотреть распределение населения по занятости физическим и умственным трудом, то вырисовывается следующее: абсолютное большинство населения (73,5 %) в 1979 г. было занято физическим трудом, тогда как умственной работой занималось немногим более четверти (26,5 %)¹. К 1989 году доля лиц физического труда заметно сократилась и составила 69,1 %, тем самым увеличивался удельный вес лиц, занятых умственной работой (30,9 %)². Доля марийцев, занятых физическим трудом, в 1979 г. составляла 87,9 %. Это превышало показатели практически всех национальностей, проживающих в республике. К 1989 году удельный вес занятых физическим трудом среди марийцев составил 82,4 %, превышая показатели чувашей на 4,6 %, башкир – на 10,2 %, татар – 12,8 %, русских – на 13,1 % украинцев – на 23,0 %. Соответственно, доля занятых умственным трудом среди марийцев оказалась самой низкой и составила 17,6 % [5]. При этом доля занятых умственным трудом среди марийских женщин была существенно выше, чем среди мужчин. Так, немногим менее четверти марийских женщин (22,4 %) были заняты в сфере умственного труда, что в 1,6 раза превышало показатели мужчин. Например, среди украинских женщин почти половина (48,2 %), среди русских немного меньше (46,9 %), среди татарских каждая вторая из пяти (40,8 %) работали в сфере умственного труда³.

Самую высокую долю занятых физическим трудом составляли сельскохозяйственные занятия, на них приходилась почти четверть (24,9 %) всего работающего населения. Ниже этого уровня было только показатели русских (10,4 %) и украинцев (14,1 %). Среди марийцев доля занятых физическим трудом в сельском хозяйстве составляла половину (50,5 %) из всего трудоспособного населения. В данной категории занятых среди башкир было представлено 43,6 % работающих, среди чувашей – 40,4 %, среди татар –

25,1 % [7, с. 195]. Наибольшую долю среди работающих в сельскохозяйственном производстве составляли занятые в сфере растениеводства. На долю марийцев, занятых в растениеводстве, приходилось более четверти трудящихся (27,7 %), трактористы, комбайнеры, машинисты на сельскохозяйственных машинах и установках составляли 8,9 %, доярки – 5,9 %, скотники и телятницы – 5,0 %⁴, агрономы, зоотехники и ветеринарные врачи – 5,7 %. Доля зоотехников, ветеринарных врачей, агрономов с высшим и среднеспециальным образованием среди марийцев была одной из высоких по сравнению с представителями других национальностей (при среднереспубликанском показателе – 2,3 %)⁵. Например, среди ветеринарных техников и ветеринарных фельдшеров доля марийцев составляла 2,0 %, что было выше, чем у представителей остальных этнических групп при среднем показателе по республике всего 0,6 %⁶.

К 1989 году численность марийцев, занятых в сельском хозяйстве, составляла 20 326 чел., или 39,7 %. Из них физическим трудом были заняты 14 809 чел., или 28,9 % от всего марийского населения. Всего в сельском хозяйстве к 1989 г. в республиканском масштабе работало 372 042 чел., из них на долю марийцев приходилась 5,5 %. Наибольшей численностью (5 418 чел.) марийцы были заняты в растениеводстве (36,6 %), машинистами на сельскохозяйственных машинах и установках, трактористами и комбайнерами работали 3 508 чел., или 6,9 %⁷, удельный вес операторов по обслуживанию крупного рогатого скота, скотников и телятниц составил – 4,2 %, дояров и операторов машинного доения – 4,3 %. Заметно снизились количество и доля специалистов с высшим образованием в сфере сельского хозяйства – агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей, их численность в 1989 г. составила 461 чел. Из них с высшим образованием:

⁴ Профессиональный состав населения Башкирской АССР. ... Уфа, 1981. С. 101.

⁵ Там же. С. 108.

⁶ Там же.

⁷ Текущий архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан (Башкортостанстат). Всесоюзная перепись населения 1989 г. Занятое население отдельных национальностей в возрасте 15–64 лет, проживающее в частных домохозяйствах, по занятиям. Таблица 36в. (далее – ТА ТО ФСГС по РБ ВПН 1989 г.).

¹ Профессиональный состав Башкирской АССР (По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.): стат. сб. Уфа, 1981. С. 94.

² Профессиональный состав Башкирской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.): стат. сб. Уфа, 1991. С. 67.

³ Там же.

ветеринарные врачи составляли 20,2 %, агрономы – 17,3 %, зооинженеры и зоотехники – 16,7 %. Ветеринарные техники и ветеринарные фельдшеры со средним и среднеспециальным профессиональным образованием составили 35,8 %¹.

В постсоветский период на фоне распада колхозов и совхозов потребность в специалистах резко исчезла. Часть специалистов из сельской местности уехала в города и устроилась на работу в другие отрасли экономики. Но при этом даже через 30 лет, когда практически не осталось колхозов, подготовка специалистов с высшим образованием на бюджетной основе в Башкирском государственном аграрном университете продолжается. Однако абсолютное большинство выпускников не идут работать по специальности в сферу сельского хозяйства, оставаясь в городах и обустроиваясь на работу в разного рода коммерческие структуры.

Второе место по удельному весу занятости в 1979 г. среди марийцев занимала промышленность (14,9 %)². В сфере промышленности наибольшая доля занятых была представлена в машиностроительной и металлообрабатывающей отрасли, в ней работало 20,8 % из числа трудоспособного населения республики. В данной отрасли наибольшую долю представляли русские 29,1 %, украинцы – 26,1 %, татары – 18,5 %, чувашаи – 14,5 %, башкиры – 11,4 % и замыкали марийцы – 10,1 % [8]. Существенную долю в отрасли составляли слесари, сборщики, монтажники оборудования и аппаратуры, среди них удельный вес марийцев составлял 4,1 % [9, с. 46].

К 1989 году удельный вес марийцев, занятых в промышленности, увеличился на 8,4 % и составил 23,3 %. Доля рабочих, занятых в машиностроительной и металлообрабатывающей отрасли промышленности, также незначительно увеличилась и составила 12,2 %. Хотя общий удельный вес занятых в данной сфере промышленности на общереспубликанском уровне сократился на 5,2 % и составил 15,6 %³.

¹ ТА ТО ФСГС по РБ ВПН 1989. Табл. 36В.

² Распределение населения Башкирской ССР по общественным группам, отраслям народного хозяйства и источникам средств существования (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.): стат. сб. Уфа, 1981. С. 81.

³ Профессиональный состав населения Башкирской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Уфа, 1991. С. 69.

Марийцы, занятые физическим трудом, самой высокой долей (7,3 %) по сравнению с представителями других национальностей в 1979 г. были представлены в строительной отрасли, опережая русских (4,9 %), башкир (5,8 %), чувашей (6,7 %) и татар (6,9 %), при среднереспубликанском коэффициенте 5,8 %. В строительной отрасли у марийцев преобладали такие рабочие профессии, как маляры и штукатуры (2,7 %), огнеупорщики, облицовщики и каменщики (1,6 %), плотники (1,9 %), бетонщики и асфальтировщики⁴. Хотя общий удельный вес работающих в сфере строительства из числа всех марийцев составлял 8,9 %, уступая татарам (10,0 %), украинцам (9,9 %) и русским (9,4 %)⁵. Иными словами, марийцы больше были заняты малоквалифицированным, преимущественно физическим трудом.

К 1989 году в сфере строительства работал 4 541 мариец, т. е. доля практически осталась на прежнем уровне и составила 8,9 %. При этом доля занятых физическим трудом упала до 6,5 %, также опережая представителей других этнических групп, занятых в данной отрасли. При среднереспубликанском показателе 4,0 % удельный вес марийцев (6,5 %), работающих в сфере строительства, превышал долю русских (3,1 %) более, чем в два раза.

Отдаленность проживания марийцев от узловых железнодорожных станций сказывалось на их незначительной представленности в сфере железнодорожного транспорта (0,4 %). Но среди занятых на автотранспорте и городском электротранспорте доля марийцев составляла 5,8 % [6, с. 98].

Марийцы составляли незначительную долю в системе жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания (1,9 %), но, несмотря на это их удельный вес занятости физическим трудом в данной сфере в 1979 г. превышал более 4,0 %. К 1989 году доля марийцев, занятых в данной отрасли, существенно повысилась и достигла 2,4 %. При этом удельный вес марийцев (3,8 %), занятых физическим трудом в сфере коммунального, хозяйственного и бытового обслуживания, был выше, чем в среднем по республике (3,0 %) и существенно опережал татар и украинцев (2,8 %), русских и башкир (3,0 %)⁶.

⁴ Профессиональный состав населения Башкирской АССР. ... Уфа, 1981. С. 100.

⁵ ТА ТО ФСГС по РБ ВПН 1989. Табл. 36В.

⁶ Там же. С. 74.

Определенная, хотя и незначительная часть марийцев была занята в сфере торговли и общественного питания. Если по данным переписи 1979 г. доля марийцев в данной отрасли составляла 3,0 %¹, то к переписи 1989 г. она увеличилась до 3,6 %, но по сравнению с представителями других национальностей оставалась весьма скромной при среднереспубликанском коэффициенте 5,9 %². Среди работников в данной сфере лиц, занимающихся преимущественно умственным трудом, доля марийцев достигала 4,3 %³. Но к концу 1989 г. доля работающих в данной категории имела тенденцию к сокращению.

В целом еще около 3 тыс. (5,9 %) марийцев работали рабочими во внеотраслевых сферах машинистами и мотористами, операторами и вахтерами, контролерами и счетчиками, а также кладовщиками и приемщиками⁴.

Значительная доля марийского населения также была занята преимущественно умственным трудом в разных отраслях экономики. Из всего населения, занятого преимущественно умственным трудом в 1979 г., 28,8 % были отмечены как инженерно-технические работники. Среди этой категории работников марийское население было представлено 14,8 % занятых, что было почти два раза ниже, чем в среднем по республике. Показатели выше среднего уровня были отмечены только у русских (34,4 %) и украинцев (31,6 %), тогда как у татар они были на уровне четверти – 24,8 %, у чувашей – 19,4 %, у башкир и того меньше – 16,7 %⁵.

К 1989 году доля населения, занятого преимущественно умственным трудом, незначительно повысилась и составила 30,9 %. Доля занятых умственным трудом в этническом разрезе, несмотря на некоторое увеличение, также не претерпела особых изменений, оставаясь стабильной относительно среднего показателя в це-

лом по республике. Если темпы роста занятых умственным трудом среди марийцев и чувашей составили 2,8 %, то среди татар – 9,6 %, среди башкир – 11,1 %, среди украинцев – 9,0 %. Только среди русских произошло сокращение на 0,2 %.

Среди занятого населения преимущественно умственным трудом одной из высоких была представленность в сфере образования. Например, по данным переписи 1979 г., слой преподавателей, воспитателей и научных работников составлял 18,5 %. При этом самый высокий удельный вес был отмечен среди марийцев, из числа которых 30,3 % были заняты в данной сфере, что было выше башкир на 4,6 %, чувашей – на 8,2 %, татар – на 11,9 %, русских – на 14,3 %. Основная доля марийцев (21,4 %) из числа этой категории работников приходилась на преподавателей начальных, восьмилетних и всех средних учебных заведений и курсов, инструкторов и мастеров производственного обучения. По этому показателю марийцы также опережали представителей других этнических групп, причем весьма существенно, а среднереспубликанская доля занятых в данной категории работников составляла всего лишь 11,0 %, т. е. почти в два раза меньше, чем у марийцев⁶.

По данным переписи 1989 г., доля марийцев, занятых среди научных работников, преподавателей и воспитателей, составляла 2 498 чел. Из них 55,7 % работали преподавателями начальных, неполных средних и всех средних учебных заведений и курсов, 682 чел. – воспитатели в детских домах, дошкольных учреждениях и школах-интернатах, 132 – руководители учебных заведений и курсов, 115 – преподаватели, инструкторы физкультуры и спорта, тренеры, 14 – руководители научно-исследовательских учреждений, разведочных и изыскательских организаций⁷.

Значительная доля марийцев работала в культурно-просветительских учреждениях (4,7 %), а также в библиотечной сфере (2,4 %) ⁸.

В сфере здравоохранения, по данным переписи 1989 г., работало всего 1,8 % чел. из числа всего марийского населения. Из них более половины

¹ Распределение населения Башкирской ССР по общественным группам, отраслям народного хозяйства и источникам средств существования (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.): стат. сб. Уфа, 1981. С. 81.

² Распределение населения Башкирской ССР по общественным группам, отраслям народного хозяйства и источникам средств существования (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.): стат. сб. Уфа, 1991. С. 53.

³ Там же. С. 110.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ Профессиональный состав населения Башкирской АССР. ... Уфа, 1981. С. 107.

⁶ Там же. С. 109–110.

⁷ ТА ТО ФСГС по РБ ВПН 1989. Табл. 36В.

⁸ Профессиональный состав населения Башкирской АССР. ... Уфа, 1981.

(58,7 %) работали медицинскими сестрами, 25,7 % фельдшерами и акушерками, 9,1 % врачами с высшим образованием, а 7 чел. из последней категории были главными врачами в медицинских учреждениях – больницах и поликлиниках¹.

Выше среднереспубликанского значения (1,9 %) был удельный вес марийцев (2,5 %), работающих заведующими заготовительными, снабженческими и сбытовыми организациями².

Среди занятого населения преимущественно умственным трудом в 1979 г. одним из высоких был показатель работников в сфере планирования и учета (15,9 %). Несмотря на низкий показатель, чем в среднем по республике, представленность марийцев в данной сфере составляла 14,8 %, т. е. несколько выше, чем у украинцев (14,0 %). Среди этой категории занятых значительную часть составили бухгалтеры – 6,8 %, кассиры – 2,6 %, а также работники канцелярии и делопроизводственный персонал – 2,1 %³.

По данным 1989 г., с учетом инструментария переписи в сфере планирования и учета было занято 1 251 чел. марийской национальности. Из них 515 чел. работали бухгалтерами, 106 – экономистами и статистиками, 176 чел. – кассирами, 155 – учетчиками, нарядчиками и табельщиками⁴.

Переход к рыночной экономике коренным образом внес изменения и в социальную структуру населения республики [10]. Если рассмотреть занятость населения по отраслям экономики, то, по данным переписи 2002 г., вырисовывается, что существенная доля (25,8 %) марийцев была занята в сфере сельского хозяйства, превышая показатели других этнических групп и почти в два раза среднереспубликанский коэффициент (13,2 %). При этом из числа всех занятых в сельском хозяйстве работников доля марийцев составляла лишь 4,9 %, практически уступая основным этническим группам. Наибольшую долю работников, занятых в сельском хозяйстве, составили башкиры, на них приходилось немногим менее половины (45,9 %) всех работников данной отрасли. Почти каждый пятый (22,0 %) занятый

в сфере сельского хозяйства, охоты и лесоводства был представителем татарской национальности, 16,6 % – русской и 5,6 % – чувашской⁵.

На втором месте по занятости марийцев была обрабатывающая отрасль промышленности, в ней трудились более 14 % представителей данной этнической группы. В этой сфере марийцы уступали практически всем этническим группам, за исключением башкир (13,4 %), при среднереспубликанском показателе 20,0 %. Удельный вес марийцев, работающих в обрабатывающей отрасли промышленности, также был невелик и составил всего 1,8 %, тогда как основную часть рабочих составляли русские (48,7 %), татары – 24,1 %, башкиры – 18,3 % и чувашаи – 2,9 %.

Третью позицию в занятости занимала сфера образования, в которой работала 11,6 % марийского населения. Марийское население в республике составляет более 100 тыс. чел. и рождаемость среди марийцев остается самой высокой. Следовательно, наличие большого количества детей марийцев школьного возраста в республике требует широкой сети общеобразовательных учреждений. Поскольку марийское население в своем большинстве проживает в сельской местности, то и практически все общеобразовательные школы находятся также на селе, поэтому число лиц марийской национальности в системе образования представляет весьма солидную долю. При этом доля марийцев в данной сфере превышает среднереспубликанский показатель (10,9 %) и незначительно опережает чувашей – 10,6 %, татар – 10,1 %, русских – 9,6 %, уступая только башкирам – 13,7 %⁶.

Следующая отрасль, в которой марийцы представлены значительной долей, – это строительство, в нем занятость марийцев составляет 9,3 %. Это, видимо, одна из таких отраслей экономики, в которой доля марийцев превышает удельный вес других этнических групп, работающих в строительной сфере, при среднереспубликанском коэффициенте 8,1 %. Марийцы, работающие в строительной сфере, составляли 3 904 чел., но, несмотря на это, их доля в общей структуре данной отрасли составляла всего лишь 2,7 %, а основная нагрузка в строительной отрасли

¹ ТА ТО ФСГС по РБ ВПН 2002. Табл. 36В.

² Профессиональный состав населения Башкирской АССР. ... 1981. С. 111.

³ Там же.

⁴ ТА ТО ФСГС по РБ ВПН 2002. Табл. 45В.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

приходилась на русских – 37,6 %, татар – 26,0 % и башкир – 24,7 %.

Другая сфера, в которой марийцы также представлены значительной долей и превышают аналогичные показатели – это горнодобывающая отрасль промышленности и разработка карьеров. В данной сфере работает более 6 % марийцев, тогда как среднереспубликанский коэффициент составлял всего 3,8 %. Наибольшим удельным весом в этой сфере представлены татары – 4,5 %, башкиры – 4,4 %. Все же основная часть рабочих данной сферы приходится на русских – 31,9 %, башкир – 30,1 % и татар – 28,4 %¹.

Весомая доля марийцев работала в сфере оптовой и розничной торговли, ремонта автомобилей и мотоциклов, а также бытовых товаров и предметов личного пользования (6,7 %). Хотя в данной сфере их доля, по сравнению с представителями других этнических групп, весьма скромна и существенно уступает среднереспубликанскому показателю (11,4 %). Аналогичным удельным весом марийцы также представлены в сфере здравоохранения и социальных услуг (6,7 %)².

Значительная часть марийцев, как и представителей других этнических групп, работала в сфере транспорта, складского хозяйства и связи – 5,2 %, а также коммунальных, социальных и индивидуальных услуг – 4,5 %. В сфере газового, электрического и водоснабжения доля марийцев (2,2 %) также сочеталась с показателями других народов, работающих в этих сферах³.

В целом 8 652 чел. марийской национальности работали машинистами установок и машин, а также операторами и аппаратчиками. Если из общего количества работников в данной сфере марийцы составляли всего лишь 2,9 %, то из всех марийцев в данной сфере работали 19,8 %⁴. Иными словами, марийское население, проживающее в основном в сельской местности, все же достойно представлено в таких отраслях эконо-

мики, связанных с новейшими технологическими процессами.

Если в сфере научных исследований и разработок в здравоохранении было занято всего лишь 0,3 % населения республики, то среди марийцев данный показатель составлял около 4 %. При этом следует отметить, что это был один из низких показателей среди всех этнических групп. Относительно высокой долей марийцы были представлены среди специалистов среднего уровня квалификации. Если среди всех специалистов с такой квалификацией удельный вес марийцев в республике составлял всего лишь около 2 %, то из всех марийцев данный показатель достигал почти 10 %, что также показывает довольно высокую планку работников марийской национальности, занятых в различных отраслях экономики.

В сфере строительства, транспорта, связи, художественной промышленной геологии были заняты почти 20 % марийцев трудоспособного возраста, что является одним из высоких показателей представленности этнических групп в данных отраслях экономики. Среди специалистов в области образования в республике работало 84 668 чел., что составило 5,1 % от всего занятого населения республики. На долю марийцев приходилось 5,2 %, что соответствует среднереспубликанскому показателю.

Значительно выше среднереспубликанского уровня удельный вес рабочих марийцев, трудившихся в лесном, охотничьем хозяйствах, рыбоводстве и рыболовстве, имеющих рыночную ориентацию. Общий удельный вес рабочих, занятых в данной отрасли, составлял всего лишь 3,0 %, доля марийцев в этой отрасли занимала 5,2 %. Из всех марийцев в этой сфере работало 6,4 % представителей данной этнической группы.

Марийцы, как и татары (8,3 %), также значительной долей были представлены среди рабочих металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности (8,3 %), немного уступая чувашам (9,0 %) и русским (10,7 %), существенно опережая башкир – 6,9 %, при среднереспубликанском показателе – 8,9 %.

Внутри этнической группы марийцев одной из высокой была доля неквалифицированных рабочих. Если в среднем по республике около 10 % населения были заняты неквалифицированным

¹ ТА ТО ФСГС по РБ ВПН 2002. Табл. 45В.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Текущий архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан (Башкортостанстат). Всесоюзная перепись населения 2002 г. Занятое население отдельных национальностей в возрасте 15–64 лет, проживающее в частных домохозяйствах, по занятиям. Таблица 45в. (далее – ТА ТО ФСГС по РБ ВПН 2002 г.)

трудом, то среди марийцев этот показатель составлял 16,8 %, существенно опережая чувашей – 13,8 %, башкир – 12,6 %, татар – 9,2 % и русских – 7,3 %¹.

Из 41 823 марийцев 4 466 чел. (10,7 %) были вовлечены в одну из отраслей экономики, которая приобрела в период рыночной экономики особый статус, как одна из основ ее формирования – в сферу обслуживания и родственных видов деятельности. Удельный вес марийцев, работающих в данной сфере, все же уступал представителям других этнических групп. Так, по данным 2002 г., в сфере сервиса были заняты 12,6 % из всех татар, 11,8 % русских, 10,9 % башкир и 11,1 % чувашей².

Из числа всех работников, занятых в сфере гостиничного и ресторанного бизнеса, на долю марийцев приходилась 2,2 %, хотя из числа всех марийцев в данной отрасли работали всего лишь 1,8 %, что также соответствовало среднереспубликанскому показателю.

Марийцы также в той или иной степени представлены среди руководителей органов власти и управления, а также в местном самоуправлении. Среди руководителей органов местного самоуправления доля марийцев составляла 3,7 %, хотя в этой сфере деятельности были заняты всего лишь 0,1 % марийцев. Такие «ножницы» в представленности марийцев в системе муниципальных образований объясняются тем, что на местах, на уровне сельских поселений, марийцы занимают весьма солидную нишу.

Весьма солидную долю марийцы также составили среди руководителей учреждений, организаций и предприятий – их удельный вес превышал более 5 %.

По данным переписи населения в 2002 г., доля трудоспособного марийского населения в республике составляла 60,1 %, что ненамного была выше, чем в среднем по республике (59,4 %), опережая все этнические группы, уступая только татарам (60,9 %). При этом самой низкой была доля марийского населения старше трудоспособного возраста – 16,4 %, т. е. пенсионеров среди марийцев было намного меньше, чем у представителей других национальностей. В целом средний показатель лиц старше трудоспособного воз-

раста по республике составлял 19,3 %, он был выше только у русских (20,5 %) и чувашей (20,3 %)³.

Перспективы пополнения трудоспособного населения среди марийцев выглядели весьма впечатляюще. При этом, несмотря на существенное сокращение лиц моложе трудоспособного возраста, связанное с демографическим кризисом начала 1990-х гг., у марийцев доля данной категории населения оставалась довольно высокой, поскольку удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста среди марийцев в республике в 2002 г. был одним из высоких и составлял 23,5 %, уступая только башкирам, опережая представителей других национальностей, при среднереспубликанском показателе 21,3 %.

В 2010 году удельный вес марийцев моложе трудоспособного возраста существенно сократился и составил 19,4 %, опережая чувашей – 15,7 %, татар – 17,0 %, русских – 18,2 %, мордву – 8,2 %, удмуртов – 17,8 %, уступая только башкирам – 20,1 %⁴.

За прошедшие 8 лет трудоспособное население марийцев существенно пополнилось за счет поколения, которое вступило в рабочий возраст, тем самым доля марийцев среди трудоспособного населения существенно повысилась и достигла 64,2 %, тогда как среди башкир она составляла 61,7 %, среди русских – 59,9 %, среди украинцев – 53,7 %, среди мордвы – 57,2 %, среди татар – 63,0 %, среди чувашей – 63,1 %, среди удмуртов – 61,3 %, при среднереспубликанском показателе – 61,6 %⁵.

Иными словами, самый высокий удельный вес трудоспособного населения в 2010 г. был отмечен среди марийцев.

По данным переписи 2010 г., 42 293 чел. марийской национальности отметили свое положение в занятости, что составило 40 % от общего числа всех марийцев. Из них 40 860 чел. указали себя в качестве работающих по найму, 1 433 чел. (3,4 %) признали, что работают не по найму, а 426 чел. (1,0 %) отметили о привлечении наемных работников, 970 чел. (2,3 %) указали на работу

¹ ТА ТО ФСГС по РБ ВПН 2002. Табл. 45В.

² Там же.

³ ТА ТО ФСГС по РБ ВПН 2002. Табл. 36В.

⁴ Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. : стат. сб. : в 2 ч. Уфа, 2013. Ч. 2. С. 35–37.

⁵ Там же.

без привлечения наемных рабочих. Для сравнения среди чувашей 621 чел. отметили о привлечении наемных работников, что составило 1,3 %, среди татар таких было – 11 651 (2,5 %), среди башкир – 8 458 (1,7 %), среди русских –

15 765 (2,4 %), среди украинцев – 501 (2,8 %), среди мордвы – 1,4 %, среди удмуртов – 0,9 %. Иными словами, марийцы, как и удмурты, меньше всех привлекали для работы наемных работников.

Таблица 2 / Table 2

Структура населения по возрастным группам (в %) / Population structure by age group (in %)

	Все население / The entire population		Башкиры / Bashkirs		Русские / Russians		Татары / Tatars		Марийцы / Mari		Чуваши / Chuvash	
	2002	2010	2002	2010	2002	2010	2002	2010	2002	2010	2002	2010
Все население	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе в возрасте:												
моложе трудоспо- собного	21,3	18,2	24,3	20,1	19,7	18,2	20,6	17,0	23,5	19,4	19,8	15,7
трудоспособном	59,4	61,7	57,7	61,7	59,7	59,9	60,9	63,0	60,1	64,2	59,9	63,1
старше трудоспособного	19,3	20,2	18,0	18,2	20,5	21,9	18,4	20,0	16,3	16,4	20,3	21,2

* Таблица составлена по материалам текущего архива Башкортостанстата

Вместе с тем, в возрасте 15–72 лет экономически активного населения занятость марийцев составляла 54,4 %, при среднереспубликанском показателе 59,4 %. Доля меньше этого уровня была отмечена также у башкир – 56,6 %, чувашей – 59,0 %, мордвы – 57,9 %, удмуртов – 55,0 % и украинцев – 57,2 %, выше были показатели занятости у русских и татар – 60,9 %. Среди экономически активной части населения доля работающих пенсионеров составляла 4,4 %. При этом в условиях города возможности для работы пенсионерам были больше, чем в сельской местности, поэтому у марийцев, удмуртов, а также и башкир, большинство которых сельские жители, удельный вес работающих пенсионеров был ниже, чем в среднем по республике. Например, у марийцев доля работающих пенсионеров составляла 2,5 %, у удмуртов – 2,2 % и у башкир – 3,4 %. Самую высокую долю работающих пенсионеров составили украинцы – 8,6 %, мордва – 6,2 %, русские – 5,3 % и татары – 4,5 %¹.

¹ Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: стат. сб.: в 2 ч. Уфа, 2013. Ч. 2. С. 35.

Безработица в 2010 г. составила 6,5 % из числа всего занятого населения республики. При этом самая высокая доля безработных была отмечена среди марийского населения (7,7 %), тогда как у башкир она была отмечена на уровне 7,4 %, у удмуртов – 6,4 %, у чувашей – 6,3 %, у татар – 6,2 %, у русских – 6,0 %.

Из категории экономически неактивного населения республики в возрасте 15–72 лет помимо пенсионеров существенную долю составляли студенты. Студенты, получающие стипендии, составили всего 2,3 % из общего числа представителей данной категории. Выше республиканского уровня доля стипендиатов, обучающихся на бюджетной основе, была только у башкир (3,0 %) и марийцев (2,5 %). У татар и чувашей данный показатель оставался на среднереспубликанском уровне (2,3 %), у представителей остальных этнических групп, например, у русских, доля получающих стипендии была существенно ниже этого показателя – 1,7 %, у мордвы – 1,1 %, у удмуртов – 2,1 %, у украинцев – 0,9 %².

В качестве источника средств к существованию 41,1 % марийцев указали трудовую деятельность,

² Там же. С. 35–37.

включая работу по совместительству. Почти у каждого пятого (19,1 %) марийца источником средств к существованию служила пенсия, доля этой категории населения была самой низкой по сравнению с представителями других этнических групп республики. Одним из источников средств к существованию были личные подсобные хозяйства. Если в среднем по республике таким видом деятельности занималось 18,9 % населения, то среди марийцев данный показатель было выше в 1,6 раза и составлял 29,6 %, превышая показатели русских в 2,5 раза, но существенно уступая удмуртам – 41,2 %¹.

Более половины марийцев (58,9 %) указали один источник средств к существованию, при этом представители марийского населения в большей степени, чем в остальные жители республики, ука-

¹ Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. : стат. сб. : в 2 ч. Уфа, 2013. Ч. 2. С. 31–32.

зали два источника. Если в среднем по региону два источника указали 29,4 % населения, то среди марийцев об этом заявили 39,0 %. Более того, 19,8 % марийцев признались, что они имеют три источника средств к существованию, тогда как среднереспубликанский показатель был не выше 2 %, наибольший показатель после марийцев имели только удмурты – 3,0 % и башкиры – 2,4 %².

Заключение

Таким образом, следует признать, что статистические данные, в том числе переписей последних лет, показывают высокий уровень трудовой мотивации марийского населения в республике. Вместе с тем, для марийского населения, как и для других этнических групп, характерно проявление этносоциальной дифференциации, что является неизбежностью в период трансформации общества [2, с. 125].

² Там же. С. 32.

1. Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России : предварительные итоги представительного опроса экономически активного населения России 2006 г. М. : ГУ ВШЭ, 2007. 92 с.

2. Шкаратан О. И., Тихонова Н. Е. Занятость в России: социальное расслоение на рынке труда // Мир России: Социология, этнология. 1996. Т. 5. № 1. С. 94–153. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zanyatost-v-rossii-sotsialnoe-rassloenie-na-rynke-truda> (дата обращения: 26.07.2024).

3. Социальные основы мобилизации башкирской этничности в Башкортостане (1989–2019 гг.) / М. Н. Ишемгулов, Д. А. Камалетдинов, Ф. Р. Кульшарипов, Ф. Г. Сафин. Уфа : Первая типография, 2023. 225 с.

4. Сануков К. Н. Рабочий класс и крестьянство: взаимосвязь социальных и национальных процессов // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С. 287–296.

5. Камалетдинов Д. А., Ишемгулов М. Н., Сафин Ф. Ф. Трансформация этносоциальных процессов в Башкортостане (1979–2021 гг.). Уфа : Первая типография, 2023. 231 с.

6. Сафин Ф. Г. Этносоциальная структура удмуртского населения в Башкортостане (1989–2020 гг.) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2024. Т. 18. № 1. С. 97–109. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/8732> (дата обращения: 26.07.2024).

7. Сафин Ф. Г., Мухтасарова Э. А., Халиулина А. И. Социальная структура чувашского населения в Башкортостане (1979–2019 гг.) // Вестник Чувашского университета. 2021. № 2. С. 189–201. DOI: <https://doi.org/10.47026/1810-1909-2021-2-189-201>

8. Алексеев С. С., Абрамова С. Р., Сафин Ф. Г. Этносоциальные основы развития русского населения в Башкортостане (по данным этносоциологических исследований). Уфа : Первая типография, 2018. 187 с.

9. Сафин Ф. Г., Мухтасарова Э. А., Халиулина А. И. Чуваша Башкортостана: этносоциологические очерки. Уфа : Первая типография, 2020. 126 с.

10. Сафин Ф. Г., Камалетдинов Д. А. Трансформация этносоциальной структуры в полиэтничном российском регионе: теоретические подходы и тенденции развития. Уфа : Первая типография. 2022. 108 с.

Статья поступила в редакцию 02.09.2024; одобрена после рецензирования 08.10.2024; принята к публикации 06.11.2024.

Об авторе

Сафин Фаиль Габдуллович

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела этнополитологии, Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева – Уфимский федеральный исследовательский центр РАН (450077, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 6), профессор кафедры философии, истории и социального инжиниринга ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (450064, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Космонавтов, д. 1), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4862-1386>, faillsafin@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Shkaratan O. I., Yastrebov G. A. Sotsial'no-professional'naya struktura i ee vosproizvodstvo v sovremennoi Rossii : predvaritel'nye itogi predstavitel'nogo oprosa ekonomicheski aktivnogo naseleniya Rossii 2006 g. [Social and professional structure and its reproduction in modern Russia: preliminary results of a representative survey of the economically active population of Russia in 2006]. M., Higher School of Economics Publ., 2007, 92 p. (In Russ.).
2. Shkaratan O. I., Tikhonova N. E. Zanyatost' v Rossii: sotsial'noe rassloenie na rynke truda [Employment in Russia: social stratification in the labor market]. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya* = The World of Russia: Sociology, ethnology, 1996, vol. 5, no. 1, pp. 94–153. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zanyatost-v-rossii-sotsialnoe-rassloenie-na-rynke-truda> (accessed 26.07.2024). (In Russ.).
3. Ishemgulov M. N., Kamaletdinov D. A., Kulsharipov F. R., Safin F. G. Sotsial'nye osnovy mobilizatsii bashkirskei etnichnosti v Bashkortostane (1989–2019 gg.) [Social foundations of mobilization of Bashkir ethnicity in Bashkortostan (1989–2019)]. Ufa, First printing house, 2023, 225 p. (In Russ.).
4. Sanukov K. N. Rabochii klass i krest'yanstvo: vzaimosvyaz' sotsial'nykh i natsional'nykh protsessov [The working class and the peasantry: the interrelation of social and national processes]. *Krest'yanskoe khozyaistvo i kul'tura derevni Srednego Povolzh'ya* = The peasant economy and culture of the village of the Middle Volga region, Yoshkar-Ola, 1990, pp. 287–296. (In Russ.).
5. Kamaletdinov D. A., Ishemgulov M. N., Safin F. F. Transformatsiya etnosotsial'nykh protsessov v Bashkortostane (1979–2021 gg.) [Transformation of ethnosocial processes in Bashkortostan (1979–2021)]. Ufa, First printing house, 2023, 231 p. (In Russ.).
6. Safin F. G. Etnosotsial'naya struktura udmurtskogo naseleniya v Bashkortostane (1989–2020 gg.) [Ethnosocial structure of the Udmurt population in Bashkortostan (1989–2020)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, no. 1, pp. 97–109. (In Russ.). Available at: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/8732> (accessed 26.07.2024). (In Russ.).
7. Safin F. G., Muhtasarova E. A., Khaliulina A. I. Social'naya struktura chuvashskogo naseleniya v Bashkortostane (1979–2019 gg.) [The ethnosocial structure of the Chuvash population in Bashkortostan (1979–2019)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* = Bulletin of the Chuvash University, 2021, no. 2, pp. 189–201. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.47026/1810-1909-2021-2-189-201>
8. Alekseenko S. S., Abramova S. R., Safin F. G. Etnosotsial'nye osnovy razvitiya russkogo naseleniya v Bashkortostane (po dannym etnosotsiologicheskikh issledovaniy) [Ethnosocial foundations of the development of the Russian population in Bashkortostan (according to ethnosocial studies)]. Ufa, First printing house, 2018, 187 p. (In Russ.).
9. Safin F. G., Mukhtasarova E. A., Khaliulina A. I. Chuvashi Bashkortostana: etnosotsiologicheskie ocherki [The Chuvash of Bashkortostan: ethnosociological essays]. Ufa, First printing house, 2020, 126 p. (In Russ.).
10. Safin F. G., Kamaletdinov D. A. Transformatsiya etnosotsial'noi struktury v polietnichnom rossiiskom regione: teoreticheskie podkhody i tendentsii razvitiya [Transformation of the ethnosocial structure in the multiethnic Russian Region: theoretical approaches and development trends]. Ufa, First printing house, 2022, 108 p. (In Russ.).

The article was submitted 02.09.2024; approved after reviewing 08.10.2024; accepted for publication 06.11.2024.

About the author

Fail G. Safin

Dr. Sci. (History), Professor, Chief Researcher of the Department of Ethnopolitology, R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (6 Karl Marx St., Ufa 450077, Russian Federation), Professor of the Department of Philosophy, History and Social Engineering, Ufa State Petroleum Technological University (1 Cosmonauts St., Ufa 450064, Russian Federation), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4862-1386>, failsafin@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 930.253+94(470.342)*18/19"

DOI: 10.30914/2411-3522-2024-10-3-240-247

**ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ДОКУМЕНТАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ****А. М. Субботина***Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук,
г. Ижевск, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена изучению документов фондов Канцелярии вятского губернатора и Вятского губернского правления Центрального государственного архива Кировской области как источников по истории евреев Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Она представляет собой первое исследование, в котором предпринята попытка обобщения опыта проживания в крае еврейского населения в сложный для межэтнических отношений период прошлого России и его документального представления. Автор делает вывод о том, что важная роль губернатора и губернского правления в управлении местными евреями способствовала накоплению в изучаемых фондах многочисленных и разнообразных материалов, которые иногда дополняют или дублируют друг друга. Исследование опирается на изучение законодательных актов, циркуляров Министерства внутренних дел, ведомостей и именных списков, журналов и постановлений общего присутствия губернского правления, рапортов уездных исправников, протоколов осмотра жилых помещений, дел о праве проживания. Проведенный комплексный анализ документов позволяет говорить об отражении в них таких аспектов, как постепенное формирование еврейского населения губернии, его количественный и профессиональный состав, правовое и конфессиональное положение, взаимоотношения с местной администрацией, государственной властью и жителями в разные годы. На территории Вятской губернии проживали военнослужащие, ссыльные и добровольные переселенцы, в число которых входили ремесленники, врачи, аптекари и др. Перемены в курсе государственной политики оказывали сильное влияние на положение евреев края, способствуя количественному росту или сокращению за счет выселения.

Ключевые слова: евреи, Канцелярия вятского губернатора, Вятское губернное правление, военнослужащие, ремесленники, ссыльные

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Субботина А. М. История евреев Вятской губернии в документах Центрального государственного архива Кировской области // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2024. Т. 10. № 3. С. 240–247. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-240-247>

**VYATKA PROVINCE JEWS HISTORY DOCUMENTS OF THE CENTRAL STATE ARCHIVE
OF THE KIROV REGION****A. M. Subbotina***Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the study of documents from the funds of the Office of the Vyatka Governor and the Vyatka Provincial Government of the Central State Archive of the Kirov Region as sources on the Vyatka Province Jews history in the second half of the XIX and early XX centuries. This is the first study in which the author summarizes the experience of the Jewish population living in the region during a difficult period for interethnic relations in Russia's past and how this experience is presented in documents. The author concludes that the governor and the provincial government played an important role in the management of Jews. Thanks to this, numerous and diverse materials have appeared in the studied archive funds. These documents sometimes complement or duplicate each other. Legislative acts, circulars of the Ministry of Internal Affairs, quantitative statements and personal lists, journals and resolutions of the general presence of the provincial government, reports of county police officers, protocols of inspection of residential premises, cases on the right of residence form the source basis of the study. The author conducts a comprehensive analysis of the documents

and says that they reflect such aspects as the gradual formation of the Jewish population of the province, its quantitative and professional composition, legal and confessional status, relations with the local administration, state authorities and residents in different years. Military personnel, exiles and voluntary migrants lived in Vyatka Province, including artisans, doctors, pharmacists, etc. Changes in the course of state policy had a strong impact on the situation of the Jews of the region, contributing to its quantitative growth or reduction due to eviction.

Keywords: Jews, Office of the Vyatka Governor, Vyatka Provincial Government, military personnel, artisans, exiles

The author declares no conflict of interest.

For citation: Subbotina A. M. Vyatka Province Jews history documents of the Central State Archive of the Kirov Region. *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*. 2024, vol. 10, no. 3, pp. 240–247. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-240-247>

Введение

Российской империей в XIX – начале XX в. накоплен опыт сложных взаимоотношений с многочисленными проживающими на ее территории народами. История евреев Вятской губернии представляет пример того, как государство пыталось адаптировать к местным условиям оказавшееся в его границах население с чуждой конфессиональной принадлежностью, обладающее достаточно сильным экономическим потенциалом. Особое внимание к евреям со стороны органов управления способствовало появлению достаточно большого количества документов, которые сохранились в фондах Центрального государственного архива Кировской области (ЦГАКО). Их изучение поможет лучше понять особенности жизни евреев края и страны в целом в период XIX – начала XX века.

История еврейского населения Вятской губернии и ее отражение в архивных источниках не получили серьезного научного изучения, несмотря на существующий уже с 1990-х гг. интерес к данной теме. В 1994 году в ЦГАКО был составлен перечень документов о евреях, выявленных в фондах архива¹. Анализ состава перечисленных в перечне документов показывает, что при достаточно широком охвате фондов он является неполным, выборочным, с явным предпочтением к материалам по губернскому городу Вятке. Немногочисленные региональные

публикации по теме посвящены политической ссылке евреев в начале XX в. [1], кратким справочно-статистическим сведениям о еврейской общине и иудеях², музейным проектам устной истории еврейских семей [2], краеведческим поискам отдельных персоналий и фактов³. В рамках активно изучаемой в последние годы истории евреев в России в целом для понимания ситуации в Вятской губернии представляют интерес исследования отечественных и зарубежных ученых, раскрывающие вопросы правового положения евреев в стране в имперский период [3; 4; 5], в том числе находившихся на военной службе [6], их взаимоотношений с российским обществом [7], жизни еврейских общин в соседних с Вяткой и схожих по своим условиям проживания регионах [8; 9], сохранившихся документальных материалов [10; 11]. Учитывая слабую изученность прошлого еврейского населения Вятской губернии, автор своей работой стремится обозначить возможные направления дальнейшего научного поиска.

² Иудейство // Хлынов – Вятка – Киров. История и современность: историко-статистический сборник : в 5 т. Киров : Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области, 2014. Т. 3. Кн. 2. С. 590–593.

³ Николаева Т. К. Аронсоны в Вятке // Герценка: вятские записки. 2011. Вып. 20. С. 163–164. URL: https://herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number20&ELEMENT=gerzenka20_3_2 (дата обращения: 14.05.2024); Рашковский А. Л. Рахель Блювштейн из Вятки – национальная поэтесса Израиля // Герценка: вятские записки. 2011. Вып. 20. С. 175–179. URL: https://herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number20&ELEMENT=gerzenka20_3_3 (дата обращения: 14.05.2024).

¹ Воробьева И. С. Перечень документов о евреях в Вятской губернии (1809–1916). Киров : Государственный архив Кировской области, 1994. 18 с. URL: https://cgako.ru/static/page_files/bee5f02a586c11eaacca5254007c38a0.pdf (дата обращения: 14.05.2024).

Цель исследования – рассмотрение документов фондов Канцелярии вятского губернатора (ф. 582) и Вятского губернского правления (ф. 583) ЦГАКО в контексте представления в них истории евреев края в XIX – начале XX века.

Материалы и методы исследования

Исследование опирается на комплексный анализ архивных и опубликованных материалов. Источниковую базу составляют разнообразные документы указанных двух фондов ЦГАКО (ф. 582 и 583): ведомости и именные списки евреев, журналы и постановления общего присутствия Вятского губернского правления, протоколы осмотра жилых помещений, рапорты уездных исправников, циркуляры Министерства внутренних дел, копии указов Правительствующего Сената и др. Их дополняют законодательные акты, раскрывающие основания пребывания евреев в регионе, а также опубликованные данные Первой всеобщей переписи населения 1897 года.

Исторические условия формирования еврейского населения Вятской губернии

Вятская губерния находилась далеко от западных российских территорий черты еврейской оседлости. Возможность их проживания здесь ограничивалась законодательством. Колебания численности евреев в крае в XIX – начале XX в. находились в зависимости от перемен государственной политики по еврейскому вопросу. Для самих еврейских переселенцев регион был привлекателен благодаря наличию городов и заводских поселков с устойчивым спросом на торгово-предпринимательскую и ремесленную деятельность, близости Нижнего Новгорода с крупнейшей в стране ярмаркой, относительно терпимому отношению местного населения на фоне периодически происходивших в черте еврейской оседлости погромов.

Первые свидетельства о появлении в Вятском крае евреев относятся к концу XVIII века¹. Добровольно приехать сюда могли те, кто отказался от иудаизма и принял православие. Вятская губерния для некоторых евреев становилась местом ссылки. Временно выезжать за пределы

обозначенных в положении 1804 г. губерний постоянного проживания могли фабриканты, ремесленники, художники, купцы². Более многочисленным еврейское население Вятки и некоторых других населенных мест губернии стало после того, как Николай I в 1827 г. распространил натуральную рекрутскую повинность на евреев³. Служба в армии стала легальным основанием для нахождения во внутренних губерниях России за пределами черты еврейской оседлости. В 1867 году бессрочно-отпускные и отставные нижние воинские чины получили право проживать повсеместно, «где пожелают»⁴. Введенная в 1874 г. всеобщая воинская повинность была распространена на еврейских мужчин на общих основаниях⁵ с некоторыми ограничениями по месту службы, получению офицерских званий и др. [6, с. 176–177]. Александром II было принято еще несколько законодательных актов, разрешавших некоторым категориям евреев выбирать место пребывания за пределами их постоянного места жительства. В 1859 году купцам первой гильдии разрешили приписываться к купечеству в городах вне черты еврейской оседлости⁶. В 1861 году право повсеместного проживания получили обладатели дипломов доктора медицины, доктора медицины и хирургии, ученой степени доктора, магистра и кандидата по любым другим направлениям наук⁷. С 1865 года переселиться за пределы черты оседлости могли ремесленники, получившие в городах с цеховым устройством свидетельства на звание мастера или подмастерья, в случае с нецеховыми ремеслами – засвидетельствованные полицией удостоверения о знании мастерства и благонадежности от заводчиков и фабрикантов⁸. В 1865 году было разрешено принимать на военно-медицинскую

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое. Т. 28. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1830. С. 734.

³ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 2. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1830. С. 727.

⁴ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 42. Ч. 1. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1871. С. 999.

⁵ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 49. Ч. 1. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1871. С. 1–30.

⁶ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 34. Ч. 1. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1861. С. 207.

⁷ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 36. Ч. 2. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1863. С. 510.

⁸ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 40. Ч. 1. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1867. С. 693.

¹ Иудейство // Хлынов – Вятка – Киров. История и современность: историко-статистический сборник: в 5 т. Киров: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области, 2014. Т. 3. Кн. 2. С. 590.

службу евреев-врачей, даже не имевших высшей ученой степени¹. С 1866 года эта категория еврейских медиков получила право служить на должностях по Министерству народного просвещения², с 1867 г. – Министерству внутренних дел (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга)³. В 1879 году право повсеместного жительства было предоставлено выпускникам высших учебных заведений, аптекарским помощникам, дантистам, фельдшерам, повивальным бабкам, изучающим фармацию и повивальное искусство⁴. Правление Александра III и Николая II в литературе рассматривается как время антисемитской реакции, юдофобии, погромов, новых ограничений в отношении евреев [3, с. 7]. На региональном уровне это проявилось в более строгой проверке документов проживающих в Вятской губернии евреев с немедленной отправкой за ее пределы в случае возникших сомнений, увеличении числа сосланных за преступления из других губерний. Несмотря на это, введенные Александром II законодательные нормы, предоставившие основания для проживания за пределами черты оседлости, продолжали действовать и в этот период, хотя и с некоторыми изъятиями. В 1904 году Николай II подтвердил, что все принятые до этого постановления о причислении евреев к купечеству или мещанскому обществу городов внутренних губерний остаются в силе. Также было установлено право повсеместного проживания для выпускников высших учебных заведений, мануфактур и коммерции-советников, их жен даже после смерти мужей и детей до совершеннолетия, окончания обучения в вузе или замужества; купцов первой гильдии; отставных нижних чинов, служивших по Рекрутскому уставу; отличившимся беспорочной службой и получившим знаки отличия воинским чином, участвовавшим в Русско-Японской войне. Купцы второй и первой гильдии по торговым и промысловым делам могли приезжать в города на срок 3 и 6 месяцев в течение года⁵. Зако-

нодательство XIX – начала XX в., интерес к Вятской губернии самих евреев способствовали формированию в крае постоянного еврейского населения.

Сведения об истории евреев в документах архивных фондов Канцелярии вятского губернатора и Вятского губернского правления

Состав документов фондов Канцелярии Вятского губернатора и Вятского губернского правления сложился благодаря той роли, которую играли данные органы в жизни евреев края⁶. Через губернатора и губернское правление проходили дела о правомочности пребывания евреев в губернии, их жалобах и прошениях, о еврейских кладбищах, об открытии синагог и молельных домов, проведении молельных собраний, переходе в православие и др. Некоторые материалы фондов Канцелярии вятского губернатора и Вятского губернского правления дополняют, а иногда повторяют друг друга. В обоих фондах содержатся министерские циркуляры и копии указов Правительствующего Сената по еврейскому вопросу, ведомости и именные списки разных категорий евреев Вятской губернии, рапорты уездных исправников и других должностных лиц в уездах и городах края, дела о незаконном проживании или высылке и др. Документами, характеризующими деятельность Вятского губернского правления, являются журналы и постановления общего присутствия. В фонде Канцелярии вятского губернатора много документальных материалов о подназорных лицах, в частности, ссыльных.

С точки зрения изучения истории еврейского населения интерес представляют ведомости и списки, отражающие его состав. В 1852 году в Вятской губернии находился 181 еврей, из них 32 принадлежали к женскому полу. Они проживали в Вятке, Нолинске, Воткинском и Ижевском заводах. За год было заключено 3 брака, родилось 4 мальчика и 1 девочка. В Ижевском заводе действовала 1 синагога (молельный дом)⁷. В 1866 году число евреев в крае увеличилось до 305, из которых 77 были женщинами⁸.

¹ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 40. Ч. 1. СПб.: Тип. II отделения Собств. е.и.в. канцелярии, 1867. С. 496

² ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 41. Ч. 1. СПб.: Тип. II отделения Собств. е.и.в. канцелярии, 1868. С. 555.

³ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 42. Ч. 1. СПб.: Тип. II отделения Собств. е.и.в. канцелярии, 1871. С. 75.

⁴ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 54. Ч. 1. СПб.: Тип. II отделения Собств. е.и.в. канцелярии, 1881. С. 27.

⁵ ПСЗРИ. Собрание третье. Т. 24. Ч. 1. СПб.: Государственная типография, 1907. С. 872.

⁶ Свод законов Российской империи повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. 2. Ч. 1. Общее губернское учреждение. СПб.: Тип. II отделения Собств. е.и.в. канцелярии, 1857. 5, 1263, 198, IV с.

⁷ Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 582. Оп. 139. Д. 361. Л. 95, 102, 104.

⁸ ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 51. Л. 10–46.

Расширилась и география их проживания. К уже перечисленным населенным пунктам добавились города Елабуга, Котельнич, Сарапул, Слободской, Яранск. Большинство мужчин во второй трети XIX в. состояли на службе, местом которой могли быть в разные годы Вятский гарнизонный батальон, 58-й резервный батальон в Елабуге, Ревельский пехотный полк в Слободском, гарнизонные артиллерийские роты при Ижевском заводе, уездная, инвалидная, полицейская и пожарная команды в городах и др. При них находились жены и дети.

Отдельную категорию проживающих в крае евреев составляли ссыльные. По данным 1852 г., во всей губернии находился только 1 ссыльный еврей. Это был житомирский мещанин Исая Мармер, сосланный в Вятку за «составление ябеднических просьб». На месте ссылки он, согласно имеющемуся отзыву, требовал сильного надзора как человек «дурной нравственности» и склонный «к ябедам»¹. И. Мармер получал содержание от казны по 77 коп. серебром и занимался изготовлением ваксы. В 1953 году он был переведен в город Нолинск. Его жена, 3 сына и 2 дочери проживали в Одессе. А. С. Касанов отмечает существенное увеличение количества ссыльных евреев в Вятской губернии накануне и в период революции 1905–1907 годы. Его исследование основано на изучении документов фондов Канцелярии вятского губернатора, Вятского губернского жандармского (ф. 714) и Вятского городского полицейского (ф. 721) управлений ЦГАКО. А. С. Касановым выявлено в Вятской губернии с 1897 по 1907 г. 100 ссыльных евреев, наиболее многочисленные группы которых размещались в Малмыжском и Орловском уездах [1, с. 37].

По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., в крае проживало 904 иудея, что составляло 0,03 % всего населения². Эта цифра не учитывает тех евреев, кто принял православие. В это время еврейское население присутствовало уже во всех уездах губернии. Значительную его массу составляли добровольные переселенцы: ремесленники, дантисты, аптекари, купцы и др. Списки евреев-ремесленников показывают, что в Вятскую губернию они при-

езжали как из черты еврейской оседлости (Витебской, Волынской, Екатеринославской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и других губерний), так и из внутренних районов страны (Вологодской, Нижегородской, Казанской, Костромской, Пермской, Уфимской губерний)³. В начале XX в. был ужесточен контроль за этой категорией евреев. Проводились проверки документов на право заниматься ремеслами и мастерством с отправкой запросов в губернии, где их выдали, выборочные осмотры места жительства и мастерских, опросы свидетелей. С 1902 по 1911 год общим присутствием Вятского губернского правления было принято 67 постановлений о выселении евреев и 39 постановлений о признании недействительными ремесленных документов. Особое внимание было уделено Вятской городской ремесленной управе. В 1909 году губернское правление признало недействительными 100 ремесленных документов, выданных ею в 1907–1908 гг.⁴. Кампания по выселениям была приостановлена после начала Первой мировой войны. Вятский губернатор сообщал губернскому правлению 9 августа 1914 г., что в связи с циркуляром министра внутренних дел высылка из пределов губернии евреев, не имеющих права на проживание в ней, отменяется до особого распоряжения⁵. Циркуляры МВД военного периода демонстрируют и другие временные послабления. Еврейским семьям призванных на военную службу разрешалось остаться на прежнем месте жительства их ушедших в армию глав⁶. Евреи, не имевшие права повсеместного проживания, получили возможность приезжать на конские ярмарки с целью закупки лошадей для нужд армии⁷. С началом войны появился еще один канал притока еврейского населения. Это были беженцы из приграничных территорий. В 1916 году евреям-купцам было разрешено на новом месте пребывания использовать регистрационные книжки 1915 г., куда полицейские управления вносили запись после проверки документов об уплате сборов за купеческое свидетельство

³ ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 123; ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1138.

⁴ ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1138. Л. 46.

⁵ ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 129. Л. 39.

⁶ Там же. Л. 35.

⁷ Там же. Л. 60.

¹ (ЦГАКО). Ф. 582. Оп. 139. Д. 361. Л. 46.

² Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1907 год. Вятка : Губ. тип., 1907. С. 27–29.

и за свидетельства их приказчиков по эвакуированному городу¹.

Сохранившиеся протоколы осмотра жилых помещений евреев-ремесленников дают представление об их занятиях, образе жизни, взаимодействии с местным населением. В квартире и мастерской мещанина из Могилевской губернии Исаака Лейбова Тукациера по Поповской улице в поселке при Воткинском заводе в июле 1910 г. было обнаружено около 200 карманных часов. В мастерской за работой находились мещанин из города Чаусы Могилевской губернии Нахим Мордухов Шнейдерман и 2 малолетних ученика. И. Л. Тукациер предоставил расчетную книжку, выданную Воткинским казенным горным заводом, где он состоял мастером часовых дел, и книгу по ремонту часов, в которой за 1909–1910 гг. было сделано 1943 записи². В августе 1910 г. были осмотрены квартира и чулочная мастерская Гени Лейбовой Крафт. Она происходила из мещан Ковенской губернии и проживала в Пуренговом переулке в поселке при Ижевском заводе. В мастерской стояли 2 вязальные машины и работали 2 мастерицы: Марфа Андреева Сажина и Наталья Константинова Лопатина. Последняя расписалась в протоколе и за себя и за свою хозяйку, поскольку Г. Л. Крафт была неграмотной³.

У большинства еврейских женщин не было собственных документов, дающих право заниматься профессиональной деятельностью и проживать в губернии. Они находились при своих мужьях или до определенного возраста при отцах. В случае смерти или длительной отлучки

мужа возникал вопрос о праве их нахождения в крае. По возбужденному по представлению Сарапульского полицейского управления делу Б. Л. Голландской о лишении ее права пребывания в городе Сарапуле в связи с ее раздельным проживанием с мужем, зубным техником Н. Б. Голландским, принявшим православие, в 1913 г. было вынесено положительное для нее решение⁴.

Заключение

История евреев Вятской губернии находится в самом начале своего изучения. Фонды Канцелярии вятского губернатора и Вятского губернского правления ЦГАКО хранят документы, раскрывающие разные аспекты этой истории. Среди них можно назвать формирование еврейского населения края, изменение его численности, состава и правового положения, взаимоотношения с органами управления и местными жителями, вопросы конфессиональной жизни и профессиональной деятельности. Анализ документов показывает, что евреи приезжали в Вятскую губернию по разным причинам. Военнослужащие и ссыльные оказывались здесь не по своей воле. В конце XIX – начале XX в. их дополнили добровольные переселенцы тех профессий, которые давали право на проживание за пределами черты постоянной еврейской оседлости. В этот период евреи находились уже во всех уездах губернии. Имеющиеся документы дают основание сделать вывод, что положение еврейского населения края находилось в зависимости от курса государственной политики. Периоды относительно спокойного существования сменялись ужесточением мер и угрозой выселения.

¹ ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 134. Л. 3.

² Там же. Л. 109.

³ ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1127. Л. 104.

⁴ ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 123. Л. 811.

1. Касанов А. С. Евреи в политической ссылке на территории Вятской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Вестник гуманитарного образования. 2023. № 4 (32). С. 36–44. DOI: <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.23.052>

2. Еврейское счастье: локальный аспект: истории еврейских семей Ижевска в рассказах, документах и фотографиях / отв. ред. М. Б. Рупасова, науч. ред. и сост.: М. В. Веретенникова, Е. В. Попова. Ижевск: БФ «Хэсэд-Ариэль», 2020. 302 с.

3. Дубнов С. М. Евреи в России в царствование Александра III (1881–1894). Евреи в России и Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. М.; Пг.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1923. Кн. 1. 128 с.

4. Магомедова А. Б. Эволюция законодательного оформления ограничения прав евреев в Российской империи в XVIII – начале XX вв. // Вестник Российского университета кооперации. 2022. № 1 (47). С. 151–155. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-zakonodatelnogo-oformleniya-ogranicheniya-prav-evreev-v-rossiyskoy-imperii-v-xviii-nachale-xx-vv> (дата обращения: 14.05.2024).

5. Розина О. В., Волкова Т. И. Правовое положение еврейского населения в России: политико-аналитический обзор (конец XVIII – начало XX вв.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 1. С. 32–38. DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-32-38>

6. Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии, 1827–1914. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 555 с.
7. Meyerovich A., Vladimirovsky I. In search of self-identity: Jews in the context of the Russian culture // *RUDN Journal of Russian History*. 2018. 17. No. 2. Pp. 234–247. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-2-234-247>
8. Авдашкин А. А., Черных А. В. Этноизация позднимперского города: еврейские общины Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX вв. // *Былые годы*. 2022. № 17 (4). С. 1909–1917. DOI: <https://doi.org/10.13187/bg.2022.4.1909>
9. Пудалов Б. М. Из истории еврейской общины Нижнего Новгорода в XIX – начале XX вв. // *Евреи Нижнего Новгорода*. Н. Новгород : Декон, 1993. С. 6–25.
10. Фельдман Д. З., Минкина О. Ю. Прощения евреев российским властям конца XVIII – начала XIX в.: по итогам выявления в государственных архивохранилищах // *Отечественные архивы*. 2017. № 5. С. 24–32. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30032041> (дата обращения: 14.05.2024).
11. Freeze Ch. Y., Harris J. M. *Everyday Jewish life in imperial Russia: select documents, 1772–1914*. Waltham : Brandeis University Press, 2013. 664 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv102bd4r>

Статья поступила в редакцию 29.08.2024; одобрена после рецензирования 26.09.2024; принята к публикации 30.10.2024.

Об авторе

Субботина Анна Михайловна

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы, отдел исторических исследований, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук (426067, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. им. Татьяны Барамзиной, д. 34), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3152-5884>, anmisu@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Kasanov A. S. Evrei v politicheskoi ssylke na territorii Vyatskoi gubernii na rubezhe XIX–XX vv. [Jews in political exile on the territory of Vyatka Governorate at the turn of the XIX–XX centuries]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya = Herald of Humanitarian Education*, 2023, no. 4 (32), pp. 36–44. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.23.052>
2. Evreiskoe schast'e: lokal'nyi aspekt: istorii evreiskikh semei Izhevsk v rasskazakh, dokumentakh i fotografiyakh [Jewish happiness: a local aspect: stories of Jewish families of Izhevsk in stories, documents and photographs]. *Izhevsk, BF Hesed-Ariel Publ.*, 2020, 302 p. (In Russ.).
3. Dubnov S. M. Evrei v Rossii v tsarstvovanie Aleksandra III (1881–1894). Evrei v Rossii i Zapadnoi Evrope v epokhu antisemitiskoi reaktsii [Jews in Russia during the reign of Alexander III (1881–1894). Jews in Russia and Western Europe in the era of anti-Semitic reaction]. M. ; Petrograd, L. D. Frenkel' Publ., 1923, book 1, 128 p. (In Russ.).
4. Magomedova A. B. Evolyutsiya zakonodatel'nogo oformleniya ogranicheniya prav evreev v Rossiiskoi imperii v XVIII – nachale XX vv. [Evolution of the legislative formalization of restrictions on the rights of Jews in the Russian Empire in the XVIII – early XX centuries]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii = Vestnik of the Russian University of Cooperation*, 2022, no. 1 (47), pp. 151–155. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-zakonodatel'nogo-oformleniya-ogranicheniya-prav-evreev-v-rossiyskoy-imperii-v-xviii-nachale-xx-vv> (accessed 14.05.2024). (In Russ.).
5. Rozina O. V., Volkova T. I. Pravovoe polozhenie evreiskogo naseleniya v Rossii: politiko-analiticheskii obzor (konets XVIII – nachalo XX vv.) [The legal status of the Jewish population in Russia: a political and analytical review (the late 18th – early 20th centuries)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Kostroma State University*, 2021, vol. 27, no. 1, pp. 32–38. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-32-38>
6. Petrovskii-Shtern I. Evrei v russkoi armii, 1827–1914 [Jews in the Russian Army, 1827–1914]. M., Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003, 555 p. (In Russ.).
7. Meyerovich A., Vladimirovsky I. In search of self-identity: Jews in the context of the Russian culture. *RUDN Journal of Russian History*, 2018, 17 no. 2, pp. 234–247. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-2-234-247> (In Eng.).
8. Avdashkin A. A., Chernykh A. V. Etnizatsiya pozdneimpeerskogo goroda: evreiskie obshchiny Orenburgskoi gubernii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [Ethnization of the Late Imperial City: Jewish communities of the Orenburg Province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Bylye Gody*, 2022, no. 17 (4), pp. 1909–1917. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.13187/bg.2022.4.1909>
9. Pudalov B. M. I Iz istorii evreiskoi obshchiny Nizhnego Novgoroda v XIX – nachale XX vv. [From the history of the Jewish community of Nizhny Novgorod in the 19th – early 20th centuries]. *Evrei Nizhnego Novgoroda = Jews of Nizhny Novgorod*. Nizhny Novgorod, Dekon Publ., 1993, pp. 6–25. (In Russ.).

10. Feldman D. Z., Minkina O. Yu. Prosheniya evreev rossiiskim vlastyam kontsa XVIII – nachala XIX v.: po itogam vyyavleniya v gosudarstvennykh arkhivokhranilishchakh [Petitions of Jews to the Russian authorities of the late XVIII – early XIX centuries: based on the results of identification in state archives]. *Otechestvennyye arkhivy* = Domestic archives, 2017, no. 5, pp. 24–32. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30032041> (accessed 14.05.2024). (In Russ.).

11. Freeze Ch. Y., Harris J. M. Everyday Jewish life in imperial Russia: select documents, 1772–1914. Waltham, Brandeis University Press, 2013, 664 p. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv102bd4r>

The article was submitted 29.08.2024; approved after reviewing 26.09.2024; accepted for publication 30.10.2024.

About the author

Anna M. Subbotina

Ph. D. (History), Associate professor, Senior researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Department of Historical Research, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (34 Tat'yany Baramzinoy St., Izhevsk 426067, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3152-5884>, anmisu@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

LAW

УДК 342

DOI: 10.30914/2411-3522-2024-10-3-248-258

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ ФОРМОЙ КОНСТРУКТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В. В. Гончаров¹, В. В. Нагайцев², Е. Г. Петренко³, Е. В. Пустовалова²

¹Юридическая консалтинговая корпорация «Ассоциация независимых правозащитников»,
г. Краснодар, Российская Федерация

²Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

³Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу места и роли института общественного контроля в Российской Федерации в системе форм социального протеста. В работе исследуются различные формы социального протеста, проведена и обоснована их авторская классификация. Автором исследуются различные точки зрения в научной и учебной литературе на место и роль общественного контроля в системе форм социального протеста. Проведен анализ международно-правовых основ правового регулирования конструктивных форм социального протеста, а также отношение российского законодательства к конструктивным и деструктивным формам социального протеста. В работе проведен анализ влияния института общественного контроля на различные формы социального протеста. В статье обоснована авторская точка зрения относительно того, что институт общественного контроля в России можно отнести к формам конструктивного социального протеста, но одновременно данный институт гражданского общества выступает как инструмент предупреждения и профилактики формирования и реализации в обществе деструктивных форм социального протеста. В работе формализованы и исследуются основные проблемы, препятствующие развитию института общественного контроля в Российской Федерации как конструктивной формы социального протеста, разработана и обоснована система мероприятий по разрешению указанных проблем, в том числе путем внесения изменений и дополнений как в Конституцию страны, так и действующее законодательство.

Ключевые слова: общественный контроль, народный контроль, Российская Федерация, форма, конструктивный, деструктивный, социальный протест, цифровые технологии, права, свободы

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Является ли институт общественного контроля в России формой конструктивного социального протеста: к постановке проблемы / В. В. Гончаров, В. В. Нагайцев, Е. Г. Петренко, Е. В. Пустовалова // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2024. Т. 10. № 3. С. 248–258. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-248-258>

IS THE INSTITUTION OF PUBLIC CONTROL IN RUSSIA A FORM OF CONSTRUCTIVE SOCIAL PROTEST: TOWARDS THE FORMULATION OF THE PROBLEM

V. V. Goncharov¹, V. V. Nagaytsev², E. G. Petrenko³, E. V. Pustovalova²

¹Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", Krasnodar, Russian Federation,

²Altai State University, Barnaul, Russian Federation

³Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the analysis of the place and role of the institute of public control in the Russian Federation in the system of forms of social protest. The work explores various forms of social

protest, and their author's classification is carried out and justified. The author explores various points of view in scientific and educational literature on the place and role of public control in the system of forms of social protest. The analysis of the international legal foundations of the legal regulation of constructive forms of social protest, as well as the attitude of Russian legislation to constructive and destructive forms of social protest, is carried out. The paper analyzes the influence of the institute of public control on various forms of social protest. The article substantiates the author's point of view that the institute of public control in Russia can be attributed to forms of constructive social protest, but at the same time this institution of civil society acts as a tool for preventing and preventing the formation and implementation of destructive forms of social protest in society. The paper formalizes and explores the main problems hindering the development of the institution of public control in the Russian Federation as a constructive form of social protest, develops and justifies a system of measures to resolve these problems, including by making amendments and additions to both the Constitution of the country and the current legislation.

Keywords: public control, people's control, Russian Federation, form; constructive, destructive, social protest, digital technologies, rights, freedoms

The authors declare no conflict of interest.

For citation: *Goncharov V. V., Nagaytsev V. V., Petrenko E. G., Pustovalova E. V.* Is the institution of public control in Russia a form of constructive social protest: towards the formulation of the problem. *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*. 2024, vol. 10, no. 3, pp. 248–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-248-258>

Анализу современных форм социального протеста как населения в целом, так и его отдельных категорий, а также прав на социальный протест, посвящена работы Е. Ю. Безруковой [1, с. 58–62], Е. В. Бродовской [2, с. 195–214], А. В. Воробьева [3, с. 61–72], Д. В. Гончарова [4, с. 65–81], В. В. Петухова [5, с. 86–96], М. С. Степановой, [6, с. 306–307], В. Ю. Титова [7, с. 77–79], Н. Р. Шукуралиевой [8, с. 16–29], а также многих иных авторов. Особый интерес представляют исследования С. Д. Гаврилова [9, с. 24–34], С. А. Косинова [10, с. 11–17], Р. Л. Метлицкого [11, с. 39–47], затрагивающие проблематику использования института общественного контроля в качестве гарантии недопущения деструктивных социальных протестов в стране. В этой связи на наш взгляд, имеет определенную актуальность и научно-практическую значимость анализ вышеназванного института гражданского общества с позиции рассмотрения его в качестве формы социального протеста, чем и обусловлен выбор темы настоящего научного исследования.

Существование и развитие любого современного государства в условиях возрастающей международной политической нестабильности и рисков военных угроз возможно при условии постоянного усовершенствования механизма публичной власти в стране, опирающегося на поддержку всего населения государства либо его

большинства. В этой связи наибольшей устойчивостью к вышеназванным угрозам обладают демократические государства с республиканской формой правления. В Российской Федерации Конституция закрепила правовой статус многонационального народа страны в качестве носителя суверенитета и единственного источника власти в государстве, реализующего свои властные полномочия через систему прямых и опосредованных форм народовластия, нуждающихся в сложной системе юридических гарантий, важнейшей из которых выступает институт общественного контроля.

В силу демократической природы российской государственности весь смысл существования системы публичного управления в стране, а также правовой системы сводится к обеспечению сохранения и развития российского общества, фундаментальной ценностью которого является человек, его права, свободы, законные интересы (как личные, так и в составе коллективных форм жизнедеятельности человека – семьи, а также любых форм ассоциаций с другими людьми, например, в форме негосударственных некоммерческих организаций).

В этой связи Конституция Российской Федерации закрепила огромное количество прав и свобод человека и гражданина, которые условно можно классифицировать на личные, политические,

социально-экономические, культурные. Политические права и свободы человека и гражданина, закрепленные в статьях 29–33 Конституции Российской Федерации, выступают их важнейшей разновидностью. Необходимость их закрепления, реализации, охраны и защиты и обуславливает приоритетное значение и важность конституционных принципов народовластия и участия граждан страны в управлении делами государства. То есть, указанные конституционные принципы являются теми основными базовыми конституционными началами, посредством которых обеспечивается закрепление основных политических прав граждан нашей страны. При этом условно политические права и свободы граждан Российской Федерации можно классифицировать на ряд групп: 1) политические права, посредством которых граждане реализовывают непосредственные формы народовластия (в частности, закрепленные в ч. 2, 3 статьи 32 Конституции права граждан избирать и быть избранными в органы публичной власти, а также участвовать в референдумах, упомянутое в ч. 1 статьи 32 право лично участвовать в управлении делами государства, закрепленное в ч. 5 статьи 32 право на участие в отправлении правосудия в качестве присяжного заседателя, закрепленное в ч. 4 статьи 32 право граждан иметь равный доступ в государственной службе вне зависимости от пола, расы религиозной принадлежности); 2) политические права, посредством которых реализовываются опосредованные формы демократии (например, закрепленное в ч. 1 статьи 32 право граждан участвовать в управлении делами государства через своих представителей); 3) политические права, выступающие в качестве гарантий реализации, охраны и защиты гражданами своих прав и свобод граждан (в частности, закрепленное в статье 30 право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов, упомянутое в статье 33 право граждан на обращения в органы публичной власти).

В рамках третьей разновидности политических прав и свобод огромное значение имеют права и свободы, посредством которых граждане могут выражать свое несогласие с порядком и содержанием процессов реализации органами публичной власти, а также их должностными лицами, своих полномочий (которые, напомним,

всего лишь являются властными полномочиями, которые делегированы им народом): право свободно искать, передавать, распространять информацию законным способом (ч. 4 статьи 29 Конституции РФ); гарантии каждому гражданину в свободе мысли и слова (части 1–3 статьи 29); право граждан собираться мирно (без оружия), проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования (статья 31).

В этой связи, как мы уже отмечали в ранее проведенных исследованиях [12, с. 194–196], трудно переоценить роль и место института общественного контроля в гарантировании реализации, охраны и защиты системы политических прав и свобод граждан.

Общество в любом современном государстве состоит из граждан, которые либо полностью и беспартийно поддерживают систему публичного управления в стране, политический курс государства, либо имеют определенные претензии как к порядку и содержанию процессов организации и осуществления органами публичной власти своих полномочий, реализации функций государства, а также в связи с имеющимся социальным неравенством, иными проблемами, носящими в большинстве случаев социально-экономический характер.

Состав этих категорий неоднороден, граждане постоянно меняют свое отношение к вышеназванным основаниям своей лояльности или не лояльности к правящему режиму. Их выбор в большинстве случаев обусловлен степенью соответствия ожиданий уровня своего социально-экономического благополучия его реальному состоянию.

Естественно, что в случае улучшения эффективности работы органов публичной власти, уменьшения уровня коррупции в стране, улучшения степени реальности в плане реализации закрепленных прав и свобод граждан растет и уровень поддержки власти населением страны.

По мере же ухудшения данных показателей растет и число граждан, которые становятся все менее лояльными системе публичного управления в стране.

При этом данные процессы сопровождаются социальными протестами со стороны населения, под которыми следует понимать публичное выражение несогласия, неодобрения с какими-либо действиями (бездействием) либо идеей, критику,

направленные против порядка и содержания процессов организации и осуществления органами публичной власти своих полномочий, реализации функций государства, а также в связи с имеющимся социальным неравенством, иными, как правило, социально-экономическими проблемами.

Институт социальных протестов нельзя рассматривать как явление сугубо негативное и находящееся вне допустимых рамок поведения населения. Социальные протесты выступают в роли своеобразной гарантии, страхующей общество и государство от сползания к диктатуре, авторитаризму и построению тоталитаризма в стране. Недавний опыт существования СССР показал, что беспартийная борьба руководства СССР с социальными протестами (вместо принятия и реализации конструктивных мер по их разрешению, купированию) привела к тому, что советские и партийные органы власти утратили доверие и авторитет в глазах рядовых граждан СССР, что привело в конечном итоге сначала к утрате КПСС статуса единственной политической силы, руководящей и направляющей советское общество в качестве ядра политической системы СССР, государственных и общественных организаций (что закреплялось в статье 6 Конституции СССР 1977 года), а потом и к развалу самого СССР. С учетом этого социальные протесты следует рассматривать как своеобразную лакмусовую бумагу, свидетельствующую об изменениях степени доверия народа к власти. Конечно, в значительной части случаев социальные протесты могут инспирироваться извне, например, со стороны враждебных Российской Федерации государств и их объединений. Как показал опыт организации и проведения так называемых «оранжевых революций», инспирирование подобных форм социального протеста зачастую осуществляется искусственно, путем концентрации мероприятий социального протеста в столицах и крупных региональных центрах, когда по факту подавляющее социальный протест меньшинства населения, к тому же проплаченного силами извне (как было в результате Майдана 2014 года на Украине), выдается с помощью различных технологий социального конструирования реальности в качестве мнения большинства населения, которое в целом остается лояльным системе публичного управления в стране.

Социальный протест можно классифицировать по различным основаниям.

Так, в зависимости от того, нарушается ли при его организации и проведении законодательство, его можно классифицировать на легальный социальный протест и противоправный.

В ходе реализации легальных форм социального протеста (например, путем проведения митингов, демонстраций, шествий, пикетирования) организаторы и участники данных мероприятий должны соблюдать требования и условия, предусмотренные соответствующими нормативно-правовыми актами.

Если же мероприятия, требующие разрешения со стороны уполномоченных органов публичной власти, осуществлены без них, то имеет место факт правонарушения. Кроме того, в ходе мероприятий, которые были согласованы, могут быть осуществлены определенные действия, которые подпадают под разряд административных правонарушений и преступлений. Например, участниками мероприятий осуществлялось распитие спиртных напитков либо были организованы массовые беспорядки с уничтожением или повреждением чужого имущества и т. п.

В зависимости от степени соответствия заявленных целей процессам оптимизации процессов сохранения и развития общества и государства социальный протест может быть деструктивным или конструктивным.

Конструктивный протест направлен на решение каких-либо проблем, укрепление российского общества или государства, борьбу с коррупцией, повышение эффективности работы органов публичной власти и т. п.

Деструктивный протест имеет явно противоположные цели, например, на утрату Российской Федерацией суверенитета, территориальной целостности и независимости. В частности, участники протестных движений Навального¹ неоднократно заявляли о необходимости отказа Россией от ядерного оружия в якобы благих целях (например, укрепления мира и безопасности). События СВО 2022–2024 годов показали абсолютную важность наличия у нашей страны данного вида вооружений, которое выступает важной гарантией предотвращения военной агрессии по отношению к Российской Федерации.

¹ Деятельность на территории РФ запрещена.

В зависимости от того, какие территории охвачены социальным протестом, его можно поделить на общегосударственный, межрегиональный, региональный, а также протест местного значения. В Российской Федерации протесты общегосударственного масштаба, как показывает история, не осуществляются, что свидетельствует, по мнению ряда авторов, о значительном уровне доверия населения аппарату публичной власти и проводимой им внутренней и внешней политике [1, с. 58–62].

В зависимости от количества участников социального протеста его можно классифицировать на массовый (который имел, например, место в 2017 году) [4, с. 65–81], групповой (когда число участников не превышает 50–100 человек), либо индивидуальный (в частности, в форме одиночного пикетирования).

В зависимости от возрастного состава участников можно выделить, например, молодежные протесты. Именно молодежные протесты, зачастую, используются в качестве розжига «оранжевых революций» по всему миру спецслужбами западных стран.

Право населения на социальный протест закреплено и в Уставе ООН, а также во многих нормах международного законодательства. В частности, принятая ООН в 1948 году Всеобщая декларация прав человека закрепляет в своей преамбуле право человека на восстание против тирании и угнетения в качестве последнего средства, если его права не охраняются властью закона.

Нормы национального законодательства, как правило, закрепляя право граждан на выражение социального протеста, ограничивают его, не признавая так называемого «права на восстание» (которое упоминает вышеприведенная преамбула Всеобщей декларации прав человека).

Таким образом, если реализация той или иной формы социального протеста ведение к уничтожению режима тирании, восстановлению демократического характера государственности в стране (хотя формально и противоречит нормам национального государства – тирании), то международное законодательство относит такие формы социального протеста к конструктивным и легитимным (но формально они являются не легитимными формами социального протеста с позиции национального законодательства).

Институт общественного контроля в Российской Федерации выступает в двояком статусе. С одной стороны, его следует отнести к формам конструктивного легального социального протеста. Так, одной из целей общественного контроля в России выступает обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций (согласно статье 5 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»). Этой цели соответствует ряд задач: реализация гражданских инициатив, направленных на защиту прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций; формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению; повышение эффективности деятельности объектов общественного контроля. Таким образом, осуществление гражданами страны и общественными объединениями (иными некоммерческими негосударственными организациями) мероприятий общественного контроля (участие в них) можно рассматривать в качестве формы социального протеста, например, в связи с неприемлемостью фактов коррупции в деятельности проверяемого органа публичной власти, нарушения им прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов вышеназванных разновидностей юридических лиц и т. д.

С другой стороны, следует рассматривать институт общественного контроля в качестве довольно эффективного инструмента предупреждения и профилактики формирования и реализации в обществе деструктивных форм социального протеста.

Во-первых, благодаря тому, что субъекты общественного контроля реализуют свои мероприятия в отношении органов публичной власти, сокращается число коррупционеров и количество фактов коррупционных злоупотреблений в обществе, благодаря чему восстанавливаются нарушенные права и свободы граждан, что снижает в обществе градус недовольства деятельностью аппарата публичной власти.

Во-вторых, институт общественного контроля позволяет вовлекать политически активных

граждан в проведение мероприятий общественного контроля, выводя из поля деструктивного социального протеста.

В-третьих, институт общественного контроля способствует повышению эффективности и результативности в деятельности органов публичной власти, что в конечном итоге ведет к улучшению и убыстрению социально-экономического развития страны.

Однако развитию института общественного контроля в Российской Федерации в качестве формы конструктивного социального протеста препятствует ряд проблем, в числе которых можно выделить следующие.

Во-первых, то обстоятельство, что данный институт гражданского общества выведен из конституционного правового поля, что снижает его роль и значимость как в глазах рядовых граждан, так и многочисленных государственных и муниципальных служащих, должностных лиц иных объектов общественного контроля. Разрешение указанной проблемы видится в инкорпорировании института общественного контроля в Основную закон страны, с закреплением в нем его целей и задач (в качестве одной из целей можно определить возможность использования данного института гражданского общества в качестве инструмента предупреждения и профилактики формирования и реализации в обществе деструктивных форм социального протеста). Таким образом, как мы уже отмечали в ранее проведенных исследованиях [13, с. 186–188; 14, с. 127–130], построение системы общественного контроля в России невозможно без повышения его правового статуса до уровня конституционно закрепленного института.

Во-вторых, вышеназванная проблема порождает другую проблему, связанную с тем, что цели и задачи института общественного контроля в России требуют корректировки, например, в части закрепления вышеупомянутой цели в Федеральном законе от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля» с последующей ее детализацией в задачах общественного контроля.

В-третьих, важной проблемой выступает отсутствие у субъектов общественного контроля реальных полномочий. По сути, все их полномочия носят формальный характер. Для реального предупреждения и пресечения нарушений прав и

свобод граждан, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций они должны обращаться в соответствующие органы публичной власти, включая правоохранительные органы и суд. Это крайне невыгодно отличает институт общественного контроля от, например, института народного контроля власти, представители которого могли даже налагать меры административного наказания на виновных должностных лиц, например, предприятий торговли и бытового обслуживания. И институт народного контроля власти реально снижал градус социального напряжения, минимизируя риски реализации населением спонтанным образом деструктивных форм социального протеста. Решение этой проблемы видится в наделении подобными полномочиями субъектов общественного контроля, хотя бы в отношении юридических лиц и их должностных лиц (объектов общественного контроля).

В-четвертых, крупной проблемой является слабая организационно-техническая и материальная база субъектов общественного контроля. Это не позволяет, с одной стороны, субъектам общественного контроля осуществлять полное покрытие страны своими мероприятиями, а с другой стороны, не позволяет использовать современные дорогостоящие информационно-коммуникационные технологии в данной сфере [15, с. 196–200]. Решение этой проблемы невозможно без участия Правительства РФ, которое должно путем принятия соответствующих федеральных программ, разрабатываемых после консультаций с Общественной палатой страны, укрепить материальную, информационную, организационную базу субъектов общественного контроля. Однако увеличение финансирования со стороны бюджета нужно увязать с введением системы контроля эффективности и результативности работы субъектов общественного контроля путем закрепления соответствующих коэффициентов, расчетов эффективности и т. п. (о чем мы уже ранее писали в других работах) [16, с. 199–202].

В-пятых, определенной проблемой в России, которая препятствует развитию института общественного контроля, является и то обстоятельство, что в российском законодательстве остается масса «белых пятен» в законодательном урегулировании

возможности организации и проведения мероприятий общественного контроля в отношении любых его объектов. В частности, Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ вывел ряд объектов общественного контроля из своего предмета ведения (под предлогом того, что они будут урегулированы отдельными федеральными законами). Однако на сегодняшний день большинство из подобных федеральных законов не принято, что требует интенсификации работы законодателя в данной сфере (с привлечением к ней Общественной палаты РФ).

В-шестых, серьезной проблемой является и то обстоятельство, что в России слабо используется зарубежный опыт функционирования институтов контроля гражданского общества за аппаратом публичной власти. При этом в большинстве западных стран данный институт имеет обозначение «прозрачность и участие», то есть органы публичной власти мотивируют граждан страны, общественные объединения участвовать в реализации различных функций государства путем контроля за законностью их осуществления органами публичной власти и их должностными лицами. Таким образом, возникает поле для конструктивного диалога власти и населения, которое в форме конструктивных социальных протестов может указывать власти на имеющиеся проблемы, при этом предлагая инструментарий для их разрешения. Это позволяет полноценно использовать контроль гражданского общества за публичной властью в качестве инструмента предотвращения социальных деструктивных протестов (бунтов, революций и т. п.).

В ходе проведенного научного исследования нами был сделан ряд выводов, в числе которых можно выделить следующие:

1. Институт общественного контроля в Российской Федерации выступает в виде важнейшей юридической гарантии реализации, охраны и защиты не только системы конституционных принципов (прежде всего – народовластия и участия граждан страны в управлении делами государства), но и всей системы конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций.

2. Политические права и свободы человека и гражданина, закрепленные в статьях 29-33 Кон-

ституции Российской Федерации, выступают их важнейшей разновидностью. Именно необходимость их закрепления, реализации, охраны и защиты и обуславливает приоритетное значение и важность конституционных принципов народовластия и участия граждан страны в управлении делами государства.

3. Любое гражданское общество в современных государствах состоит из граждан, как поддерживающих систему публичного управления в стране, так и из тех, кто имеет определенные претензии к порядку и содержанию процессов организации и осуществления органами публичной власти своих полномочий, реализации функций государства, а также в связи с имеющимся социальным неравенством, иными проблемами, носящими в большинстве случаев социально-экономический характер.

4. При этом под социальным протестом следует понимать публичное выражение несогласия, неодобрения с какими-либо действиями (бездействием), либо идеей, критику, направленные против порядка и содержания процессов организации и осуществления органами публичной власти своих полномочий, реализации функций государства, а также в связи с имеющимся социальным неравенством, иными, как правило, социально-экономическими проблемами.

5. Социальный протест можно классифицировать по различным основаниям: по степени соответствия действующему законодательству (на легальный и противоправный); по степени соответствия заявленных целей процессам оптимизации процессов сохранению и развитию общества и государства (на конструктивный и деструктивный); по территории действия (на общегосударственный, межрегиональный, региональный, местного значения); по степени охвата населения (на массовый, групповой, индивидуальный); по составу участников (на смешанный, с участием представителей определенных категорий населения); по возрастному составу участников (на молодежный и все возрастной).

6. При этом нормы международного законодательства закрепляют возможность, основания и условия реализации гражданами страны различных форм социального протеста. При этом если реализация той или иной формы социального протеста ведение к уничтожению режима тирании, восстановлению демократического характера

государственности в стране (хотя формально и противоречит нормам национального государства – тирании), то международное законодательство относит такие формы социального протеста к конструктивным и легитимным (но формально они являются не легитимными формами социального протеста).

7. В свою очередь в Российской Федерации институт общественного контроля выступает в двойном статусе: с одной стороны, он относится к формам конструктивного социального протеста, а с другой стороны, он выступает в качестве инструмента предупреждения и профилактики формирования и реализации в обществе деструктивных форм социального протеста.

8. Развитию института общественного контроля в Российской Федерации в качестве формы конструктивного социального протеста препятствует ряд проблем, в числе которых можно выделить: незакрепленность данного института гражданского общества в Конституции страны; отсутствие закрепления в законодательстве об общественном контроле в качестве одной из целей общественного контроля его использования в качестве инструмента предупреждения и профилактики формирования и реализации в обществе деструктивных форм социального протеста; отсутствие у субъектов общественного контроля реальных полномочий; слабую организационно-техническую, материальную базу субъектов общественного контроля; наличие ряда «белых пятен» в законодательном урегулировании возможности организации и проведения мероприятий общественного контроля в отношении любых его объектов; отсутствие оптимального анализа, адаптации и реализации в законодатель-

стве об общественном контроле соответствующего положительного советского и зарубежного опыта использования института контроля гражданского общества за аппаратом публичной власти и иными объектами, реализующими публичные полномочия в качестве эффективного инструмента предупреждения и профилактики формирования и реализации в обществе деструктивных форм социального протеста.

9. Разрешение указанных проблем потребует закрепления и реализации системы мероприятий, в числе которых можно выделить: формализацию института общественного контроля в Конституции России; расширения перечня принципов, целей и задач данного института гражданского общества в целях оптимизации его использования в качестве инструмента предупреждения и профилактики формирования и реализации в обществе деструктивных форм социального протеста; расширение перечня реальных полномочий субъектов общественного контроля с учетом адаптации и внедрения положительного советского и зарубежного опыта использования института контроля гражданского общества в качестве вышеуказанного инструмента; усовершенствование законодательства об общественном контроле путем принятия ряда федеральных законов, обеспечивающих функционирование данного института гражданского общества в отношении его объектов, выведенных из предмета ведения Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»; разработку и принятие Правительством страны системы федеральных программ, направленных на развитие организационно-технической, материальной базы субъектов общественного контроля.

1. Безрукова Е. Ю. Социально-политический протест в России или «почему люди не бунтуют» // *Власть*. 2020. Т. 28. № 2. С. 58–62. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/7135> (дата обращения: 01.01.2024).

2. Бродовская Е. В., Давыдова М. А., Лукушин В. А. Информационный поток протестной мобилизации в российском сегменте социальных медиа // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2023. Т. 19. № 2. С. 195–214. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.204>

3. Воробьев А. В. Легальные формы социально-политического протеста в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2018. № 1. С. 61–72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34876938> (дата обращения: 01.01.2024).

4. Гончаров Д. В., Нечай В. В. Антикоррупционные протесты 2017: отражение в Твиттере // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2018. № 1 (88). С. 65–81. <https://elibrary.ru/item.asp?id=36415205> (дата обращения: 01.01.2024).

5. Петухов В. В. Готовность россиян к отстаиванию своих социально-экономических прав в «новой кризисной реальности» // *Социологические исследования*. 2016. № 11 (391). С. 86–96. URL: <https://www.socis.isras.ru/article/6437> (дата обращения: 01.01.2024).

6. Степанова М. С. К вопросу об электронном способе конструктивного протестного поведения // Евразийский юридический журнал. 2016. № 9 (100). С. 306–307. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27316168> (дата обращения: 01.01.2024).
7. Титов В. Ю. Анализ нормативно-правового регулирования протестных настроений в концепциях отечественных юристов // Евразийский юридический журнал. 2022. № 5 (168). С. 77–79. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49173391> (дата обращения: 01.01.2024).
8. Шукуралиева Н. Р. Феномен «цветных революций» в постсоветских государствах // PolitBook. 2017. № 1. С. 16–29. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29914963> (дата обращения: 01.01.2024).
9. Гаврилов С. Д., Панкратов С. А., Азизова Д. К. Условия и технологии минимизации протестной активности российской молодежи в контексте современного медиадискурса в цифровой среде // Конфликтология / nota bene. 2021. № 4. С. 24–34. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0617.2021.4.36896>
10. Косинов С. А. Контроль над публичной властью как необходимое условие для существования демократического государства // Проблемы законности. 2015. № 130. С. 11–17. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25141898> (дата обращения: 01.01.2024).
11. Метлицкий Р. Л. Общественный контроль за деятельностью органов публичной власти как гарантия конструктивности протестного поведения граждан // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6. № 11 А. С. 39–47. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28768694> (дата обращения: 01.01.2024).
12. Институт общественного контроля как гарантия реализации и защиты конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации / В. В. Гончаров, А. Д. Малютин, Л. А. Спектор, Е. Г. Петренко // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221). С. 194–196. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54030459> (дата обращения: 01.01.2024).
13. О необходимости формализации в российском законодательстве системы общественного контроля: конституционно-правовой анализ / В. В. Гончаров, М. А. Паркашян, Л. А. Спектор, Е. Г. Петренко // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221). С. 186–188. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54030456> (дата обращения: 01.01.2024).
14. О необходимости организации системы мониторинга экономической эффективности деятельности субъектов общественного контроля в Российской Федерации / В. В. Гончаров, А. В. Чешин, О. В. Грищенко, В. Ю. Литвинова, Е. Г. Петренко // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6 (222). С. 127–130. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54321802> (дата обращения: 01.01.2024).
15. Цифровые технологии как инструмент повышения экономической эффективности проводимых мероприятий общественного контроля в России / В. В. Гончаров, О. В. Грищенко, Е. Г. Петренко, Л. А. Спектор, А. В. Чешин // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8 (224). С. 196–200. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54524939> (дата обращения: 01.01.2024).
16. Экономическая эффективность мероприятий общественного контроля в Российской Федерации как основной критерий оценки результатов деятельности его субъектов / В. В. Гончаров, О. В. Грищенко, Е. Г. Петренко, Л. А. Спектор, А. В. Чешин // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 199–202. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54414713> (дата обращения: 01.01.2024).

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; одобрена после рецензирования 23.10.2024; принята к публикации 18.11.2024.

Об авторах

Гончаров Виталий Викторович

кандидат юридических наук, доцент, исполнительный директор, Юридическая консалтинговая корпорация «Ассоциация независимых правозащитников» (350007, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Промышленная, д. 50), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3029-4727>, niipgergo2009@mail.ru

Нагайцев Виктор Валентинович

кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет (656049, Российская Федерация, г. Барнаул, пр. Ленина, д. 61), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0231-8592>, niipg2010@mail.ru

Петренко Елена Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и международного права, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина (350044, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7591-0768>, niipgergo2009@mail.ru

Пустовалова Елена Валерьевна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет (656049, Российская Федерация, г. Барнаул, пр. Ленина, д. 61), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4078-8897>, gvv2677919@mail.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Bezrukova E. Yu. Sotsial'no-politicheskiy protest v Rossii ili "pochemu lyudi ne buntuyut" [Socio-political protest in Russia or "Why people don't rebel"]. *Vlast'* = The Authority, 2020, vol. 28, no. 2, pp. 58–62. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/7135> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
2. Brodovskaya E. V., Davydova M. A., Lukushin V. A. Informatsionnyi potok protestnoi mobilizatsii v rossiiskom segmente sotsial'nykh media [Information flow of protest mobilization in the Russian segment of social media]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* = Political expertise: *POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 2, pp. 195–214. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.204>
3. Vorobyev A. V. Legal'nye formy sotsial'no-politicheskogo protesta v Rossiiskoi imperii i Rossiiskoi Federatsii (sravnitel'no-pravovoi analiz) [Legal forms of socio-political protest in the Russian Empire and the Russian Federation (comparative legal analysis)]. *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs* = Historical-legal problems: the new viewpoint, 2018, no. 1, pp. 61–72. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34876938> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
4. Goncharov D. V., Nechai V. V. Antikorrupsionnye protesty 2017: otrazhenie v Tvitтере [Anti-corruption protests 2017: reflection on Twitter]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)* = The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia, 2018, 1 (88), pp. 65–81. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36415205> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
5. Petukhov V. V. Gotovnost' rossiyan k otstaivaniyu svoikh sotsial'no-ekonomicheskikh prav v "novoi krizisnoi real'nosti" [Crisis and protection of the citizens' labour rights. Sociological studies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies, 2016, no. 11 (391), pp. 86–96. Available at: <https://www.socis.isras.ru/article/6437> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
6. Stepanova M. S. K voprosu ob elektronnom sposobe konstruktivnogo protestnogo povedeniya [Reflections on electronic means of protest activities]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* = Eurasian Law Journal, 2016, no. 9 (100), pp. 306–307. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27316168> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
7. Titov V. Yu. Analiz normativno-pravovogo regulirovaniya protestnykh nastroyenii v kontseptsiyakh otechestvennykh yuristov [Analysis of the legal regulation of protest moods in the concepts of domestic lawyers]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* = Eurasian Law Journal, 2022, 5 (168), pp. 77–79. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49173391> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
8. Shukuralieva N. R. Fenomen "tsvetnykh revolyutsii" v postsovetских gosudarstvakh [The phenomenon of "color revolutions" in the post-Soviet States]. *PolitBook*, 2017, no. 1, pp. 16–29. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29914963> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
9. Gavrilov S. D., Pankratov S. A., Azizova D. K. Usloviya i tekhnologii minimizatsii protestnoi aktivnosti rossiiskoi molodezhi v kontekste sovremennogo mediadiskursa v tsifrovoi srede [Conditions and technologies for minimizing protest activity of the Russian youth in the context of modern media discourse in the digital environment]. *Konfliktologiya / nota bene* = Conflict Studies / nota bene, 2021, no. 4, pp. 24–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0617.2021.4.36896>
10. Kosinov S. A. Kontrol' nad publichnoi vlast'yu kak neobkhodimoe uslovie dlya sushchestvovaniya demokratcheskogo gosudarstva [Control of the public authorities as a necessary condition for the existence of a democratic state]. *Problemy zakonnosti* = Problems of Legality, 2015, 130, pp. 11–17. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25141898> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
11. Metlitskii R. L. Obshchestvennyi kontrol' za deyatelnost'yu organov publichnoi vlasti kak garantiya konstruktivnosti protestnogo povedeniya grazhdan [Public control over the activities of public authorities as the guarantee of the constructiveness of citizens' protest behavior]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* = Matters of Russian and International Law, 2016, vol. 6, no. 11 A, pp. 39–47. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28768694> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
12. Goncharov V. V., Malyutin A. D., Spector L. A., Petrenko E. G. Institut obshchestvennogo kontrolya kak garantiya realizatsii i zashchity konstitutsionnykh prav i svobod grazhdan Rossiiskoi Federatsii [The institute of public control as a guarantee of the realization and protection of constitutional rights and freedoms of citizens of the Russian Federation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = Law and State: the theory and practice, 2023, no. 5 (221), pp. 194–196. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54030459> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
13. Goncharov V. V., Parkashyan M. A., Spector L. A., Petrenko E. G. O neobkhodimosti formalizatsii v rossiiskom zakonodatel'stve sistemy obshchestvennogo kontrolya: konstitutsionno-pravovoi analiz [On the need to formalize the system of public control in Russian legislation: constitutional and legal analysis]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = Law and State: the theory and practice, 2023, no. 5 (221), pp. 186–188. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54030456> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
14. Goncharov V. V., Cheshin A. V., Grishchenko O. V., Litvinova V. Yu., Petrenko E. G. O neobkhodimosti organizatsii sistemy monitoringa ekonomicheskoi effektivnosti deyatelnosti sub"ektov obshchestvennogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii [On the need to organize a system for monitoring the economic efficiency of the activities of subjects of public control in the Russian Federation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = Law and State: the theory and practice, 2023, no. 6 (222), pp. 127–130. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54321802> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
15. Goncharov V. V., Grishchenko O. V., Petrenko E. G., Spector L. A., Cheshin A. V. Tsifrovye tekhnologii kak instrument povysheniya ekonomicheskoi effektivnosti provodimykh meropriyatiy obshchestvennogo kontrolya v Rossii [Digital technologies as a tool for increasing the economic efficiency of public control measures in Russia]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = Law and State: the theory and practice, 2023, no. 8 (224), pp. 196–200. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54524939> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).

16. Goncharov V. V., Grishchenko O. V., Petrenko E. G., Spector L. A., Cheshin A. V. Ekonomicheskaya effektivnost' meropriyatiy obshchestvennogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii kak osnovnoi kriterii otsenki rezul'tatov deyatel'nosti ego sub'ektov [Economic efficiency of public control measures in the Russian Federation as the main criterion for evaluating the results of its subjects' activities]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice*, 2023, no. 7 (223), pp. 199–202. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54414713> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).

The article was submitted 25.09.2024; approved after reviewing 23.10.2024; accepted for publication 18.11.2024.

About the authors

Vitaly V. Goncharov

Ph. D. (Law), Associate Professor, Executive Director of the Legal Consulting Corporation “Association of Independent Human Rights Defenders” (50, Promishlennaya St., Krasnodar 350007, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3029-4727>, niipgergo2009@mail.ru

Viktor V. Nagaytsev

Ph. D. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Sociology and Conflictology, Altai State University (61 Lenin Ave., Barnaul 656049, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0231-8592>, niipg2010@mail.ru

Elena G. Petrenko

Ph. D. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and International Law, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin (13 Kalinin St., Krasnodar 350044, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7591-0768>, niipgergo2009@mail.ru

Elena V. Pustovalova

Ph. D. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Conflictology, Altai State University (61 Lenin Ave., Barnaul 656049, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4078-8897>, gvv2677919@mail.ru

All authors have read and approved the final manuscript.

**ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЯЕМОМУ МАТЕРИАЛУ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»»**

Уважаемые авторы!

Редакционная коллегия журнала просит вас обратить внимание на *следующие требования*:

1. Индекс УДК статьи, код и расшифровка научной специальности.
 2. Заглавие на русском и английском языках.
 3. Инициалы и фамилия автора(ов) (не более 4-х) (также транслит).
 4. **Сведения об авторе(ах)** – фамилия, имя, отчество, место работы (название организации (рус./англ.) должно совпадать с названием в Уставе), город, страна, набирают строчными буквами, светлым курсивом, располагают по центру (также перевод на англ. яз.). При транслитерации ФИО автор должен придерживаться единообразного их написания во всех статьях.
 5. **Аннотация.** Набирают строчными буквами, шрифт прямой светлый, располагают по ширине. **Аннотация должна быть на русском и английском языках.** Текст аннотации должен включать не менее 200–250 слов (не менее 1000–500 знаков с пробелами). Текст должен быть структурированным, т. е. повторять в кратком виде рубрики статьи: **введение, цель исследования; материалы и методы; результаты, обсуждение; заключение.**
 6. **Ключевые слова** (6–10 слов и словосочетаний) выбирают из текста публикуемого материала. Набирают на русском и английском языках строчными буквами, шрифт прямой светлый, располагают отдельной строкой по ширине.
 7. **Благодарности** (необязательный элемент статьи). Автор выражает: признательность коллегам, научному руководителю за помощь, благодарность фондам и учреждениям за финансовую поддержку исследования.
 8. **Текст статьи** необходимо набирать 14 кг, поля – 2 см, шрифт – Times New Roman, 1,5 интервал). Объем – 10–15 страниц. *В объем входят аннотация, текст, таблицы, рисунки, список литературы.* Статья должна быть структурирована, т. е. содержать введение, цель исследования; материалы и методы; результаты; обсуждение; заключение. Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках. Статья должна содержать *внутритекстовые библиографические ссылки*, оформленные в квадратных скобках, со ссылкой на порядковый номер использованной работы в приставном списке литературы, например: [2]. Если ссылка приводится на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются также страницы, на которых помещен объект ссылки, например: [2, с. 81]. Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой, например: [4, с. 15; 5, с. 123].
 9. **Список литературы** (ГОСТ Р 7.0.5–2008) под заголовком «Литература» (располагается по центру), приводится в конце статьи. Список литературы включает в себя **не менее 10 наименований**, из них 5 – обязательно научные статьи по соответствующей тематике, изданные за последние 3–5 лет с указанием DOI статьи или ссылкой на нее в Интернете (например, в e-library или «КиберЛенинке»). Издания в списке располагаются по порядку их упоминания в тексте. Далее список литературы *транслитерируется* и переводится. Внимание! В список литературы помещаются ТОЛЬКО научные статьи и монографии. Учебники, учебные пособия в библиографию не включаются. Также не следует включать в список литературы диссертации и авторефераты диссертаций из-за их труднодоступности для читателя. Источники, федеральные законы, архивные документы, акты, статистические данные литературные произведения оформляются в виде постраничных сносок.
 10. Аффiliation авторов: Ф. И. О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. Приводится на русском и английском языках.
 11. Вклад соавторов. В конце рукописи авторам необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно. Приводится на русском и английском языках.
 12. Для аспирантов и соискателей необходимо приложить скан отзыва научного руководителя с подписью и печатью. Отзыв научного руководителя не является гарантом опубликования статьи, решение будет приниматься исключительно по результатам двойного слепого рецензирования. Кандидатам, докторам наук сопроводительные рецензии не требуются.
- Публикации бесплатные.
- Статьи, оформленные в соответствии с требованиями, необходимо отправлять на vestnik.margu@mail.ru
- Материалы, оформленные не по требованиям, редакцией не рассматриваются.**
- Просим обратить внимание!** Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати). Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат».
- Все спорные вопросы решаются в переписке, вся переписка сохраняется.**
- Телефон для справок: 8 (8362) 68-79-97 (1565)
- Проректор по НР – *Леухин Анатолий Николаевич*
- Главный редактор – *Рокина Галина Викторовна*.
- Зав. редакцией научной и учебной литературы – *Крылова Ольга Сергеевна* (vestnik.margu@mail.ru)

FOR AUTHORS

Dear authors!

Please pay attention to the following requirements:

1. Article **UDC** index.
2. The title is in Russian and English.
3. Initials and surname of the author(s) (no more than 4) (also translit).
4. **Information about the author(s)** – first name, patronymic, and surname, place of work (name of the organization (Rus/Eng) must match the name in the Charter), city, country, should be written in lower-case letters, light italic type, and centered (as well as English translation). When transliterating first and last names, the author must adhere to uniform spelling in all articles.
5. **Abstract.** Lower-case letters, font direct light, a width. The abstract should be in Russian and in English. Abstract should be a minimum of 200–250 words (not less than 1000–1500 characters with spaces). The text should be structured, that is, should briefly repeat the heading of the article: purpose of the study; materials and methods; results, discussions; conclusion.
6. **Keywords** (6–10 words and phrases) are chosen from the text of the published material. They should be written in the Russian and English languages by lower case letters, font direct light, in the separate line by width.
7. **Acknowledgements** (optional element in the article). The author expresses his gratitude to colleagues or supervisor for help, thanks to funds and institutions for their financial support of the study.
8. **Text of article** should be printed in 14 pt, margins – 2 cm, type – Times New Roman, interval – 1,5). Volume – 10–15 pages. Abstract, text, tables, illustrations and list of references are a part of this amount. The article should be structured, i.e. contain the introduction, the purpose of the study; materials and methods; results, discussion; conclusion. All names, notes and structural elements of graphs, tables, schemes, etc. should be made both in Russian and in English. The article should contain inline bibliographic references, enclosed in square brackets, with reference to the sequence number of the work used in the list of literature, such as: [2]. If the link is to a specific piece of the text, you must specify the page on which the reference object is placed, for example: [2, p. 81]. If the reference includes several works, it is separated by semicolons inside the square brackets, for example: [4, p. 15; 5, p. 123].
9. **References** (GOST R 7.0.5-2008) under the heading “References” (located in the center) is given at the end of the article. The list of references includes no less than 10 titles, 5 of them are research papers on relevant topics, published in the last 3–5 years, with the DOI indicated of the reference to it on the Internet (e.g. e-library). The publications in the list are arranged in the order they are mentioned in the text. Then the bibliography is transliterated and translated. Attention! The list of literature contains ONLY scientific articles and monographs. Textbooks and tutorials are not included in the references. Do not include in the list of literature dissertations and abstracts of dissertations because of their inaccessibility to the reader. Sources, federal laws, archival documents, acts, statistics, literary works are made out in the form of footnotes.
10. Author affiliation, full name, organization(s), address of organization(s) (it is required to indicate all the author's places of employment where the research was carried out (permanent place, place of project implementation, etc.)), position and academic title, ORCID ID, e-mail, phone, mailing address for sending the author's copy. It is given both in Russian and in English.
11. Contribution of co-authors. At the end of the manuscript, the authors should include the notes that explain the actual contribution of each co-author to the study done. The order of the authors and co-authors of the article is agreed independently. It is given both in Russian and in English.
12. Graduate students and applicants should attach scanned reviews of the supervisor, signed and stamped. The review of the supervisor does not guarantee publication, the decision will be made solely on the results of the double-blind peer review. Applicants, doctors shouldn't have accompanying review.

All publications are free.

Articles drawn up in accordance with the requirements, should be sent to e-mail: vestnik.margu@mail.ru

The editorial board does not accept materials written with violation of the requirements.

Please pay attention! It is not allowed to send to the editorial board already published articles or articles sent for publication in other journals. If a simultaneous submission of a manuscript to several publications is found, the published article will be retracted (called back from the printing). Monitoring of unauthorized citation is made with the “Anti-plagiarism” systems.

All dispute issues are discussed in correspondence, all correspondence is saved.

Telephone: 8 (8362) 68-79-97 (1565)

Vice-Rector for Research Activity – *Anatoliy N. Leukhin*

Editor-in-chief – *Galina V. Rokina*

Head of the editorial board of scientific and educational literature – *Olga S. Krylova* (vestnik.margu@mail.ru)